

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 14

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2024

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В.
Радаев, С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Рецензенты:
Котельникова Зоя Владиславовна,
кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ

Мозговая Алла Викторовна,
доктор социологических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

В38

Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14 : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2024. — 223 с. : илл. — URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik14>.
ISSN 2618-9046

В четырнадцатом выпуске электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» представлены работы, подготовленные на основании данных лонгитюдного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 1992–2022 гг.

Центральной темой выпуска являются социально-экономические последствия международных санкций, последовавших после начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Кроме того, в выпуске затронут широкий круг разноплановых тем: авторами рассматриваются динамика доходов российских домохозяйств, инвестиции в здоровье и благополучие детей, досуговые практики взрослых россиян (видеоигры и чтение книг), процессы накопления социального капитала.

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi: [10.19181/rlms-hse.2024](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2024)
ISSN 2618-9046

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2024

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.</i> Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2022 гг.).....	7
<i>Рощина Я. М.</i> Как россияне оценивали изменения своей жизни в 2022 г.	98
<i>Борзых А. А., Рощина Я. М.</i>	
Особенности мобильности домохозяйств по доходам в 2018–2022 гг.	110
<i>Бобкова Е. А., Рощина Я. М.</i> Как российские дошкольники проводят свое свободное время	130
<i>Рощина Я. М., Конюшева А. Д.</i> Типы инвестиций семьи в здоровье детей	150
<i>Рощина Я. М., Хазанович А. О.</i> Участие россиян в видеоиграх и его взаимосвязь с образом жизни и здоровьем.....	164
<i>Юргелас А. Л., Рощина Я. М.</i> Как изменились читатели книг в России в 2009–2021 гг.....	179
<i>Халиков К.</i> Социальный капитал россиян в 2016 и 2018 гг.	199
Сведения об авторах	220

Contents

Introduction	5
<i>Voronin G. L., Dorofeeva Z.E., Evgrafova K. O., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.</i>	
Russian households: Dynamics of income, expenditures, social well-being (1994–2022)	7
<i>Roshchina Ya. M.</i> How Russians see their lives changing in 2022	98
<i>Borzykh A. A., Roshchina Ya. M.</i> Income mobility of Russian households in 2018–2022	110
<i>Bobkova E. A., Roshchina Ya. M.</i> Leisure activities of preschoolers in Russia	130
<i>Roshchina Ya. M., Konyusheva A. D.</i> Investments in children’s health	150
<i>Roshchina Ya. M., Khazanovich A. O.</i> The prevalence of gaming and its impact on lifestyle and health in Russia	164
<i>Yurgelas A. L., Roshchina Ya. M.</i> Book readership in Russia between 2009 and 2021	179
<i>Khalikov K.</i> Social capital in Russia in 2016 and 2018	199
Contributors	220

ВВЕДЕНИЕ

«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) является одним из старейших продолжающихся проектов, в рамках которого изучается динамика социально-экономического положения и здоровья населения в России. Общенациональные репрезентативные опросы РМЭЗ НИУ ВШЭ стартовали в 1994 г. и по сей день продолжаются на ежегодной основе по унифицированной программе, что обеспечивает сопоставимость данных на протяжении последних тридцати лет. Широкий тематический охват вопросов позволяет всесторонне исследовать российское общество в его развитии сквозь череду кризисов с конца 1990-х до начала 2020-х гг. Панельная составляющая РМЭЗ НИУ ВШЭ дает уникальную возможность проследить, как демографические и социально-экономические характеристики домохозяйств отражаются на поведении россиян в сфере экономики, демографии и здоровьесбережения.

Центральной темой четырнадцатого выпуска «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» являются те изменения, которые произошли в социально-экономическом положении домохозяйств после начала специальной военной операции в феврале 2022 г. и последовавшего за ней введения режима международных санкций против российской экономики. В открывающей выпуск коллективной статье авторы отмечают, что в 2022 г. наблюдались сокращение доходов и стагнация расходов российских домохозяйств. На этом фоне происходила дальнейшая дифференциация домохозяйств по уровню расходов (богатые тратили кратно больше, чем бедные). При рекордно низком уровне безработицы сократился коэффициент участия в рабочей силе. Социальное самочувствие населения характеризовалось парадоксальным сочетанием увеличивающейся удовлетворенности жизнью и нарастающего пессимизма в отношении экономических перспектив.

Во второй статье выпуска Я. М. Рошина рассматривает то, как россияне оценивали те изменения, которые события 2022 г. привнесли в их жизнь. Почти три четверти россиян считали, что в 2022 г. в их жизни ничего не изменилось, и только около 18% респондентов испытывали сложности с адаптацией к новым условиям. Тем не менее около половины респондентов испытывали чувство тревоги, а четверть указали на то, что столкнулись с необходимостью экономить на покупке продуктов питания. Также россиянам пришлось сократить траты на приобретение недвижимости, автомобилей, бытовой техники, на отдых, досуг и даже лекарства.

В статье А. А. Борзых и Я. М. Рощиной проанализирована мобильность российских домохозяйств по доходам в 2018–2022 гг. Как отмечают авторы, наиболее динамичным с этой точки зрения был период между 2020 и 2022 гг., причем если кризис 2020–2021 гг. в большей степени отразился на доходах более бедных домохозяйств, то кризис 2022 г. прежде всего сказался на доходах более богатых. В целом на протяжении 2018–2022 гг. с бедностью сталкивались около трети российских домохозяйств. Чаще всего это были сельские домохозяйства и многодетные семьи.

Далее в блоке из двух статей рассматриваются инвестиции домохозяйств в благополучие и здоровье детей. Статья Е. А. Бобковой и Я. М. Рощиной посвящена анализу досуга дошкольников. Авторы указывают на то, что в России значительное число детей дошкольного возраста не охвачено досуговыми практиками. При этом девочки чаще, чем мальчики, вовлечены в различные формы организованного досуга и чаще находятся под присмотром профессиональных нянь и педагогов. В статье, посвященной анализу инвестиций в здоровье детей от 3 до 13 лет, Я. М. Рощина и А. Д. Конюшева отмечают, что хотя уровень инвестиций горожан в среднем выше, выделяется целая группа сельских домохозяйств, для которой характерен высокий уровень инвестиций в здоровье детей. Помимо места жительства уровень инвестиций в детское здоровье связан с доходом и образом жизни родителей.

Досугу взрослых россиян посвящены следующие две статьи выпуска. В статье Я. М. Рощиной и А. О. Хазановича обсуждается вопрос влияния видеоигр на образ жизни и здоровье россиян. Популярность видеоигр выросла за время пандемии, но по выходе из острой фазы эпидемиологического кризиса снизилась, в первую очередь за счет падения интереса среди молодежи. Тем не менее молодежь, а также мужчины и жители столиц и после пандемии чаще остальных играют в видеоигры. Несмотря на то, что самооценка здоровья у игроков выше, чем у населения в целом, у них чаще обнаруживается ряд психологических проблем. В статье А. Л. Юргелас и Я. М. Рощиной проанализирована практика чтения книг. Как показывают авторы, между 2009 и 2021 гг. доля россиян, никогда не читавших книги, выросла и составила более трети населения. Среди всех респондентов чаще читают женщины, молодежь, жители столиц, люди с высшим образованием, а также те, кто имеет свободный доступ в интернет и к социальным сетям.

Выпуск завершает статья К. Халикова, в которой автор исследует объем и распределение социального капитала в российском обществе между 2016 и 2018 гг. Несмотря на то, что уровень обобщенного доверия в этот период оставался стабильно низким, россияне активно формировали узкие доверительные круги общения. Количество близких друзей снижалось, однако доверие к друзьям, а равно к близким родственникам, росло. Женщины и молодые люди в среднем активнее аккумулировали социальные связи как при личном общении, так и при общении онлайн. Люди с высшим образованием также имели больше доверительных контактов и поэтому реже чувствовали себя одинокими, что позволяет говорить о том, что университетская среда играет благоприятную роль в процессе формирования социального капитала.

*Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е., Евграфова К. О., Киселева И. П.,
Козырева П. М., Косолапов М. С., Смирнов А. И., Соколова С. Б.,
Тонис Е. И.*

РОССИЙСКИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА: ДИНАМИКА ДОХОДОВ, РАСХОДОВ, СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ (1994–2022 гг.)

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.1

Аннотация. В статье проанализирована динамика изменений социально-экономического положения российских домохозяйств с 1994 по 2022 г. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные уникального панельного обследования домохозяйств «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2022 г. средние реальные доходы домохозяйств сократились на 7,1%. Доходы от заработной платы, выросшие в 2021 г. на 2,9%, вновь увеличились на 1,8%. Доходы от государственных трансфертных платежей, выросшие годом ранее на 14%, вернулись к прежнему уровню, сократившись на 13,5%. Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора упал в 2 раза, натуральный доход снизился в 1,5 раза. Денежная помощь, поступающая от родственников и благотворительных организаций, сократилась на 8,5%. В 2022 г. наблюдался рост доли заработной платы в структуре доходов домохозяйств. Снизившись в 2021 г. с 45,7 до 45,1%, в 2022 г. она выросла до 47,2%. Уровень неравенства домохозяйств по доходам не изменился. Как и в 2021 г., в 2022 г. средний ежемесячный доход наиболее состоятельных домохозяйств превышал доход наименее состоятельных в 2,3 раза. Если в 2021 г. средние ежемесячные расходы домохозяйств выросли на 3,2%, то в 2022 г. рост замедлился и составил незначительные 0,3%, что оказалось недостаточным для компенсации 30-процентного падения расходов в период начала пандемии коронавируса. Не изменился разрыв между ежемесячными расходами состоятельных и малообеспеченных домохозяйств, который составил 5,1 раза. Уровень безработицы сохранился на прежнем минимальном уровне за все время наблюдений и составил 3,1% экономически активного населения. Коэффициент участия в рабочей силе снизился с 81,5% в 2021 г. до 80,6% в 2022 г. Гендерный разрыв в оплате труда сократился. Если в 2021 г. средний размер дохода женщин от трудовой деятельности составлял 73,2% дохода мужчин, то в 2022 г.

этот показатель вырос до 76,8%. Доля работников, столкнувшихся в 2022 г. с задолженностью по заработной плате, составила 0,7. При этом продолжила усугубляться проблема невыплат пенсий. С 2018 по 2022 г. доля мужчин, не получивших пенсию за последний месяц, выросла с 1,5 до 9,3%, доля женщин – с 1,4 до 7,8%. Социальное самочувствие в 2022 г. характеризовалось, с одной стороны, возросшей удовлетворенностью россиян текущим положением вещей (в том числе материальным положением своих семей), с другой – нарастающим пессимизмом в отношении экономическим перспектив. При этом россияне стали более оптимистично оценивать свои перспективы на рынке труда. Доля тех, кто был уверен в успешной смене места работы, последовательно росла с 32% в 2020 г. до 37,4% в 2021 г. и до 39,1% в 2022 г. Доля тех, кто был обеспокоен перспективами нового трудоустройства, напротив, снижалась с 46% в 2020 г. до 38,7% в 2021 г. и до 36,8% в 2022 г. Удовлетворенность текущим местом работы продолжила расти среди занятого населения.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки

В 2022 г. экономика России, после некоторого подъема в предыдущем году, вошла в острую фазу спада и рецессии. Во многом это было вызвано беспрецедентным количеством санкций и других ограничительных мер, наложенных на Россию недружественными странами. Сказались также возросшая напряженность в геополитике и экономическая неопределенность. Эти перемены кардинально изменили формат взаимодействия России с внешним миром и потребовали серьезных изменений во внутренней экономической политике. В таких непростых условиях основными трендами развития экономики стали переориентация торговли с недружественных стран на дружеские и нейтральные, ускоренное импортозамещение, развитие параллельного импорта, девальютизация. Но несмотря на то, что состояние экономики значительно ухудшилось, сильного обвала, которого можно было ожидать весной, не произошло. Вместе с тем негативная динамика в экономике сказалась на доходах российских домохозяйств.

По данным Росстата, в 2022 г. валовый внутренний продукт, после восстановительного роста в 2021 г. на 4,7%, сократился на 2,1%. Но это падение было заметно меньшим, чем предполагал в первой половине года прогноз социально-экономического развития России. В мае Минэкономразвития прогнозировало сокращение ВВП на 7,8%¹. Сокращение ВВП из-за санкций оказалось не таким глубоким, как в пандемийном 2020 г. Тогда на фоне эпидемии коронавируса экономика упала на максимальные с 2009 г. 2,7%, между тем как ранее наблюдался хотя и медленный, но последовательный рост. В 2022 г. снижение ВВП было не

¹ Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.: Информация Министерства экономического развития РФ от 18 мая 2022 г. // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. 09.06.2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404624399/> (дата обращения: 27.11.2023).

особенно глубоким, потому что удалось избежать финансового шока, сохранить стабильный рост кредитования, обеспечить высокий уровень добычи нефти и поддержку строительства.

Данные Росстата показывают, что в отраслевом разрезе на снижении ВВП сказались сокращение в оптовой и розничной торговле (на 12,7%), водоснабжении, водоотведении и утилизации отходов (на 6,8%), обрабатывающих производствах (на 2,4%), в транспортировке и хранении (на 1,8%). Трудности, с которыми столкнулись оптовая и розничная торговля, во многом объясняются падением спроса со стороны населения на фоне экономической неопределенности. На низкие результаты сектора обрабатывающих производств повлияли западные санкции и нарушенные логистические цепочки. Однако благодаря быстрой реакции производственного сектора и поиску новых поставщиков материалов и комплектующих, а также новых рынков сбыта, падение оказалось не таким значительным, как предполагалось ранее. Рост индекса физического объема добавленной стоимости показали сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство (на 6,6%), строительство (на 5%), гостиничный и ресторанный бизнес (на 4,3%), государственное управление (на 4,1%), сфера информации и связь (на 0,6%), добыча полезных ископаемых (на 0,4%). Обращают на себя внимание также устойчивый экспорт и крайне нетипичные для кризиса высокие инвестиции.

Как отмечается в аналитическом бюллетене «Социально-экономическое положение регионов РФ – итоги 2022 г.», по итогам 2022 г. промышленное производство в РФ сократилось на 0,6%. Наиболее существенное падение отмечалось в декабре (на 4,3%). На региональном уровне произошло резкое уменьшение субъектов РФ с положительной динамикой. Таких регионов стало 42, что на 35 меньше, чем по итогам предыдущего года, объем строительных работ сократился в 35 регионах. На фоне пониженного спроса отрицательную динамику продемонстрировала сфера розничной торговли. Сокращение оборота розничной торговли составило 6,7%. Снижение данного показателя произошло в 71 субъекте РФ. Реальные денежные доходы населения России по сравнению с прошлым годом сократились на 1,4%. Падение указанного показателя затронуло 72 региона¹.

Снижение ВВП сопровождалось значительным ростом инфляции. По данным Росстата, инфляция в России по итогам 2022 г. составила 11,9%, что было гораздо выше прогнозов. Согласно данным Банка России, в январе 2022 г. консенсус-прогнозы аналитиков на конец года находились в интервале 4,5–5,1%. По оценкам Банка, вклад в инфляцию со стороны устойчивых факторов оставался существенным в связи с более быстрым расширением спроса по сравнению с возможностями наращивания выпуска. В этих условиях и с учетом высоких инфляционных ожиданий баланс рисков для инфляции был значимо смещен в сторону проинфляционных. Предполагалось, что это могло привести «к более значительному и продолжительному отклонению инфляции вверх от цели»².

¹ Подготовлен ежеквартальный бюллетень о развитии регионов за 2022 год. 23.03.2023. URL: <https://riarating.ru/regions/20230323/630238980.html> (дата обращения: 27.11.2023).

² Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. Январь 2022 г. № 1 (61) / Банк России. М., 2022. 7 с. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39719/Infl_exp_22-01.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

В 2022 г. инфляция в России достигла одного из самых высоких значений за последние годы. В 2016 г. рост цен равнялся 5,4%, между тем как в 2017 г. он опустился до минимальных за всю историю 2,5%. В 2018 г. инфляция составляла 4,3%, в 2019 г. — 3% и в 2020 г. — 4,9%. По итогам 2021 г. она выросла до 8,4%, достигнув максимума с 2015 г., когда было отмечено повышение потребительских цен в целом за год на 12,9%.

Согласно данным Росстата, продовольственные товары в целом за 2022 г. подорожали на 10,3% (после роста на 10,6% в 2021 г.). При этом плодоовощная продукция подешевела за год в цене на 2% (после роста на 14% в 2021 г.). Значительно выросли цены на молоко и молочную продукцию (на 15,2%), сливочное масло (на 14,7%), макаронные изделия (на 14%) и сахар (на 13,5%). Рост цен на непродовольственные товары за 2022 г. составил 12,7% (8,6% в 2021 г.). Более всего подорожали моющие и чистящие средства (на 29,8%), а также электротовары и бытовые приборы (на 15,3%). Услуги подорожали на 13,2% (на 5% в 2021 г.). Больше всего подскочили цены на зарубежный туризм (на 70,7%), услуги страхования (на 28,2%) и услуги ЖКХ (11,6%).

Обобщенные сведения об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с декабря 1995 г. (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги), представлены на рисунке 1.

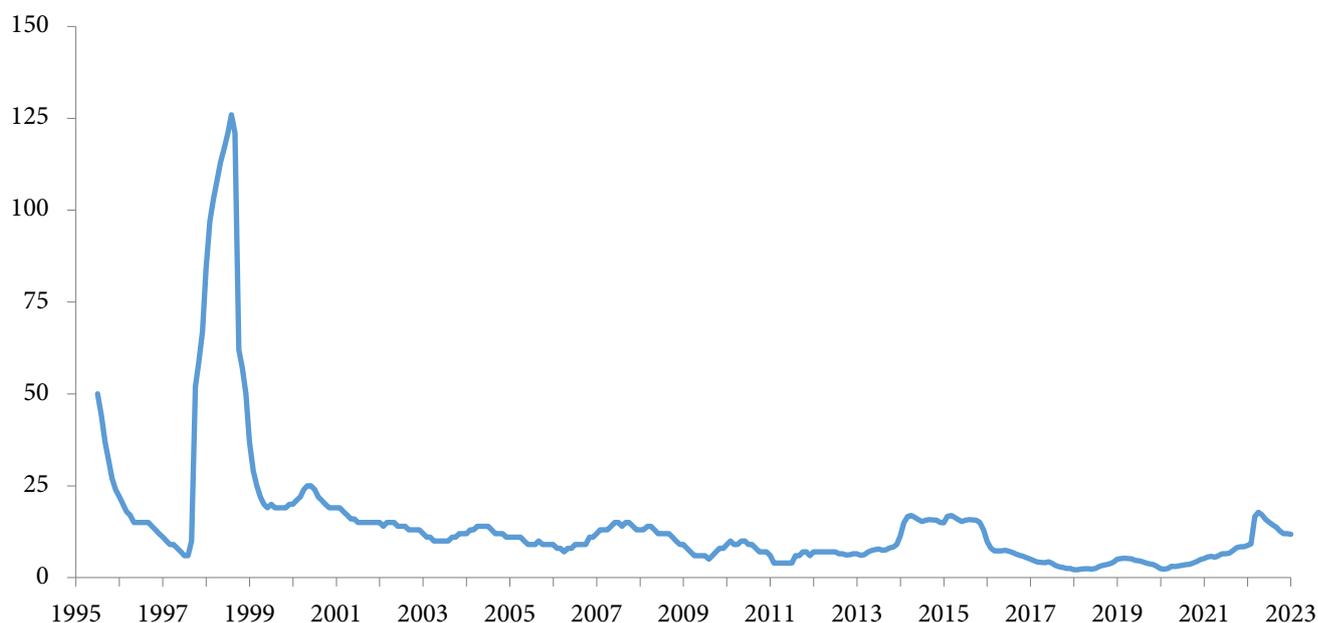

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, декабрь 1995 г. — январь 2023 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

Рассматривая представленные на рисунке данные, важно учитывать, что в середине 1990-х гг. инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в отдельных случаях превышали 1000% и 2000%. Но начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции, за исключением 2007–2008 гг., 2014–2015 гг. и 2022 г., когда были отмечены существенные инфляционные вспле-

ски, обусловленные острыми экономическими кризисами и некоторыми другими объективными обстоятельствами, которые, однако, не привели к достижению чрезвычайно высокого уровня данного показателя.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов домохозяйств в опросах РМЭЗ НИУ ВШЭ в период с 2000 по 2022 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Это необходимо учитывать, обращаясь к данным за 1998 г. и ряда предшествующих лет в ходе анализа и истолкования изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На рисунке 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам за весь период проведения РМЭЗ НИУ ВШЭ. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

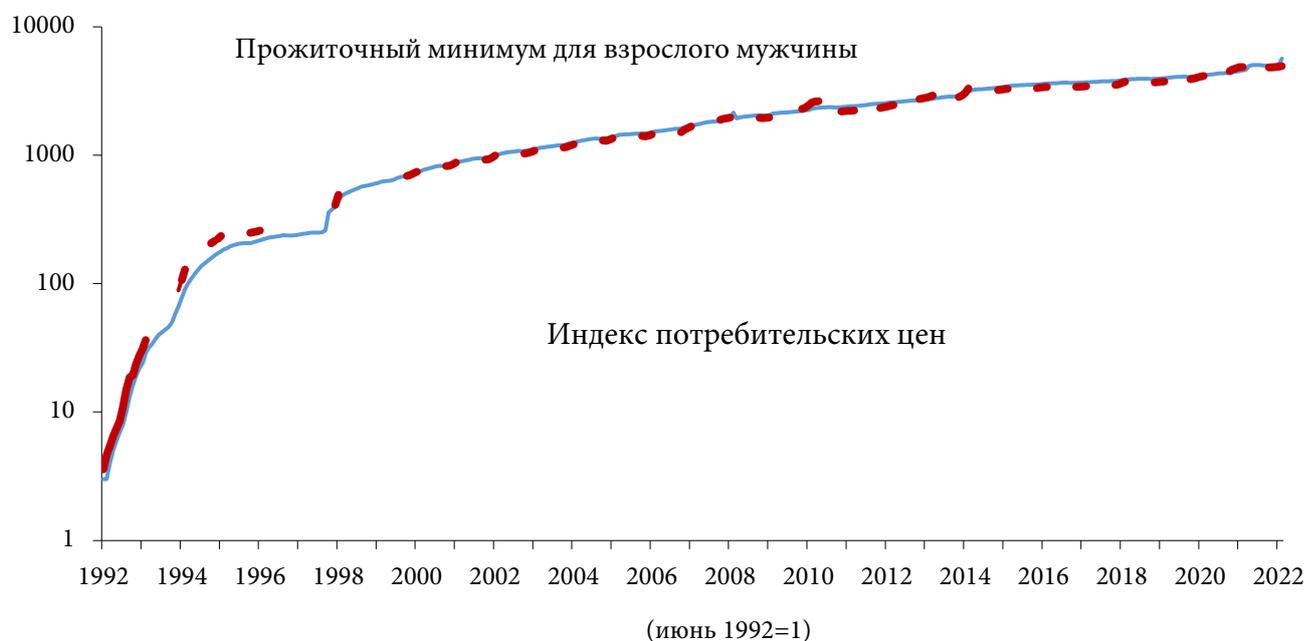

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 г. – декабрь 2022 г.

Данные, приведенные на рисунке 2, показывают, что с декабря 2021 по декабрь 2022 г. прожиточный минимум взрослого мужчины вырос на 0,9%, тогда как общий индекс потребительских цен – на существенные 11,9%. Но это были весьма существенные изменения, хотя и не всегда такие значительные, как в предыдущие 3 года. Так, с декабря 2018 по декабрь 2019 г. прожиточный минимум мужчины уве-

личился приблизительно на 2,2%, между тем как общий индекс потребительских цен – на 3%. С декабря 2019 по декабрь 2020 г. прожиточный минимум взрослого мужчины поднялся на 9,9%, в то время как общий индекс потребительских цен – только на 4,9%. И наконец, с декабря 2020 по декабрь 2021 г. прожиточный минимум взрослого мужчины вырос на 18,3%, тогда как общий индекс потребительских цен – только на 8,4%.

В статье размеры доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведены в ценах декабря 2022 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. Но здесь следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля, но затем последовал постепенный и неспешный откат. В 2020 г. из-за острого кризиса, вызванного внезапно охватившей весь мир пандемией коронавируса и связанного с ней же обвала цен на нефть, американский доллар вырос на 21%, а евро стал дороже на 33%. В 2021 г., несмотря на рыночную турбулентность, курс национальной валюты стабильно держался в пределах 74–75 руб. за доллар. В 2022 г. наблюдалась аномально высокая волатильность рубля. Если в феврале 2022 г. доллар стоил 77,5 руб., то в марте он вырос до 93,5 руб., но затем постепенно снизился и в июле составил 52,5 руб. (данные – на 1-е число каждого месяца). Самый высокий биржевой курс был зафиксирован 10 марта 2022 г. – 121,5 руб. за доллар (курс евро в тот же день вырос до 130,5 руб.), а самый низкий – 29 июня – 50 руб. за доллар. Таким крепким рубль не был с мая 2015 г. В дальнейшем рубль демонстрировал небольшую динамику, держась до середины декабря в диапазоне 60–62 руб. за доллар, а к концу декабря курс национальной валюты вышел за отметку 70 руб. за доллар.

В таблице 1 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые показывают, что в 2022 г. по сравнению с 2021 г. средние реальные доходы российских домохозяйств¹ упали на 7,1%, тогда как годом ранее был зафиксирован рост на 6,9%. В результате указанного снижения показатель совокупного месячного дохода домохозяйств в 2022 г. оказался ниже уровня 2020 г., когда было отмечено его резкое падение на 30,7%.

Сокращение совокупного дохода домохозяйств в прошедшем году произошло за счет всех его основных источников. Доминирующее положение в структуре доходов домохозяйств продолжали занимать поступления от заработной платы, тогда как роль государственных трансфертных платежей заметно снизилась.

Данные Росстата фиксировали в 2022 г. неоднозначную динамику доходов населения России. Согласно этим данным, среднедушевые денежные доходы россиян в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 12,6% (в 2021 г. – рост на 10,8%), в то время как реальные денежные доходы сократились на 1,5% (в 2021 г. – рост на 3,9%).

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1994–2022 гг., в руб. 2022 г.

Источники дохода	Год проведения исследования								
	1994	1998	2004	2008	2014	2019	2020	2021	2022
Доход от работы на государственных предприятиях	11 185	5844	10 778	18 321	19 555	22 390	15 686	16 556	16 866
Доход от работы на частных предприятиях	4644	2813	10 143	19 186	19 052	27 519	18 481	18 501	18 466
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3710	1690	2532	2868	2045	3095	1892	2027	2424
Общий доход от заработной платы	19 539	10 347	23 454	40 642	40 652	53005	36 058	37 085	37 756
Государственные трансфертные платежи (пенсии, пособия по безработице, стипендии и т. д.)	7212	4385	7942	13 093	19 355	27 608	19 646	22 409	19 390
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	2841	1921	3982	5822	3182	4929	3659	3917	2039
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	3497	3434	1848	1998	1576	1673	1026	1387	929
Доход от продажи личного имущества	1409	616	1010	634	551	70	68	98	63
Доход от сдачи личной собственности в аренду	100	54	177	317	412	416	296	247	317
Дивиденды	1069	104	902	172	178	157	89	57	104
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3221	1735	2573	5414	3243	3476	2428	2441	2233
Общая сумма месячного дохода	38 884	22 597	41 888	69 124	69 149	91 333	63 269	67 642	62 831

Дальнейший анализ данных мониторинга показал, что если в 2021 г. по сравнению с 2020 г. поступления от заработной платы, являющиеся основным источником дохода для подавляющего большинства российских семей, выросли

на 2,9%, то в 2022 г. они увеличились на менее заметные 1,8%. Такой сравнительно небольшой рост не мог существенно повлиять на общую картину, характеризующую доходы домохозяйств от заработной платы. В 2022 г., как и годом ранее, эти поступления оставались практически на 29% ниже уровня доковидного 2019 г.

Несмотря на антикризисные меры, немалая часть предприятий из-за влияния санкций и других причин была вынуждена искать различные варианты снижения издержек, включая экономию на оплате труда. Компаниями также предпринимались различные действия, напрямую влияющие на сокращение общего фонда оплаты труда: отмена бонусов, простои, неоплачиваемые отпуска и т. п. Первыми попали под «сокращение» бонусы. Причем часть предприятий полностью приостановила выплату бонусов своим сотрудникам.

Доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора, вслед за увеличением годом ранее на 5,6%, в 2022 г. вырос на небольшие 1,9%. В то же время доход от работы на частных предприятиях, после увеличения в 2021 г. на едва заметные 0,1%, снизился на такие же минимальные 0,2%. После этих изменений доход от работы на предприятиях частного сектора оставался на 9,5% больше, чем доход от работы на государственных предприятиях. Но наиболее существенным вновь оказался рост дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности: после увеличения в 2021 г. на 7,1% в 2022 г. был зафиксирован очередной рост на 19,6%.

Соотношение весомости источников, составляющих общий доход российских домохозяйств от заработной платы, за последний год изменилось незначительно. Так, в 2022 г. около 49% всех доходов домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было немного меньше 50%, зафиксированных в 2021 г. Доход домохозяйств от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в 2022 г., как и годом ранее, составил около 45% всех доходов от указанного источника. Что касается дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то в 2022 г. на него приходилось около 6% общего дохода, тогда как в предыдущем году данный показатель составлял около 5%.

Значительным оказалось в 2022 г. сокращение дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей – второго по значимости источника доходов российских семей, которое составило существенные 13,5%. До этого, в 2020 г. по сравнению с 2019 г., он падал на огромные 32%, но в 2021 г. вырос на немалые 14%. Значительный вклад в этот рост внесло тогда увеличение размера пенсий и социальных пособий, обусловленное необходимостью поддержки отдельных групп населения, испытывающих трудности в период экономического кризиса и пандемии коронавируса.

В дальнейшем в условиях обострившегося экономического кризиса и продолжающейся пандемии удалось не только сохранить, но и нарастить объемы социальной помощи. В 2022 г. бюджетные и внебюджетные фонды осуществляли финансирование различных пособий, насчитывающих десятки выплат, но наиболее значительной составляющей государственных трансфертов, как и прежде, оставались пенсии. Гражданам России стали доступны новые меры социальной поддержки. После начала специальной военной операции и расширения экономических рисков власти усилили работу над введением новых пособий и льгот. С по-

мощью нововведений предполагается усилить акцент на всестороннем анализе материального положения льготных категорий граждан и предоставлять выплаты только тем, у кого доходы не превышают установленные нормы. Разные виды целевой поддержки государства получили прежде всего наименее обеспеченные слои населения. Увеличение доходов домохозяйств от государственных трансфертов было обусловлено также индексацией с 1 января 2022 г. целого ряда социальных выплат. Имело значение и увеличение прожиточного минимума в целом по стране на душу населения с 1 июня 2022 г. на 10% — до 13 919 руб. Это решение позволило увеличить социальные выплаты более чем для 15 млн россиян. Рост объемов социальных выплат сыграл немаловажную роль в снижении числа малоимущего населения.

Учитывая эти тенденции, выявленное в ходе анализа данных мониторинга сокращение в 2022 г. дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей можно объяснить уменьшением общей численности детей и пенсионеров в стране, которые являются основными бенефициарами социальных выплат.

Из данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных в таблице 1, видно, что совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом резко упал почти на 45%. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. он вырос на 8,6%, но такое увеличение лишь частично компенсировало его падение на 26% в 2020 г. В 2022 г. совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был в 2,2 раза меньше, чем накануне пандемии коронавируса в 2019 г.

Значительным оказалось в 2022 г. падение как денежного, так и натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора. Так, денежный доход, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 25,8%, в 2021 г. вырос на 7%, но в 2022 г. стремительно упал почти в 2 раза. В результате такого падения доход обследованных домохозяйств от данного источника оказался в 2,4 раза меньше, чем в допандемийном 2019 г. Что касается натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, то в 2022 г. он упал почти в 1,5 раза. При этом в 2020 г. по сравнению с 2019 г. он сократился почти на 39%, но в 2021 г. был отмечен его существенный восстановительный рост на 35,2%. В 2022 г. доход домохозяйств от данного источника был в 1,8 раза меньше, чем в 2019 г. В 2022 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход в 2,2 раза, тогда как в 2021 г. эта разница составляла около 2,8 раза, а в 2020 г. — 3,6 раза.

Новые экономические трудности многие россияне встретили, еще не успев оправиться от финансовых затруднений, вызванных эпидемией коронавируса. В непростой жизненной ситуации вновь оказались молодежь и люди старшего возраста, которые стали больше зависеть от помощи своих родственников. Речь идет прежде всего о финансовой поддержке родителями своих детей, которая намного превосходит поддержку детьми родителей. Одной из самых распространенных причин такой поддержки является получение высшего или специального образования детьми и внуками, а также выход родителей на пенсию. Многие помогают родственникам при потере работы, проведении ремонта жилья, приобретении товаров длительного пользования. В связи с проведением специальной военной

операции заметно выросла также потребность в благотворительной помощи людям, столкнувшимся с трудными обстоятельствами. Но если рассматривать ситуацию в целом, то, согласно данным мониторинга, значимость данной помощи для домохозяйств в последние годы снизилась.

Анализ показал, что помощь от родственников и благотворительная помощь продолжила в 2022 г. прерванное годом ранее сокращение. Доход домохозяйств от данного источника, после последовательного падения в 2020 г. на существенные 30%, в 2021 г. изменился очень мало, увеличившись на совсем небольшие 0,5%. Но в 2022 г. он сократился на 8,5%. В 2022 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов была в 2,4 раза меньше максимального значения, зафиксированного в 2008 г.

Значительное сокращение дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду, которое наблюдалось на протяжении последних нескольких лет, сменилось в 2022 г. стремительным ростом. В 2020 г. доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду упал на 29% и далее в 2021 г. — на 16,5%. Однако в 2022 г. было выявлено его стремительное увеличение на 28,3%.

Доход домохозяйств от продажи личного имущества в последние годы был подвержен значительным колебаниям. В 2020 г. его величина практически не изменилась, оставаясь на минимальном уровне. В 2021 г. был зафиксирован его рост в 1,4 раза, а в 2022 г. — сокращение в 1,7 раза. Не менее значительными были колебания величины дохода домохозяйств от дивидендов. В 2020 г. было выявлено почти двукратное снижение дохода от данного источника и далее в 2021 г. его очередное полуторное сокращение до минимального уровня за весь постсоветский период. Однако в 2022 г. он вырос в 1,8 раза.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, демонстрирующие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1994 по 2022 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов российских домохозяйств на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (табл. 2; рис. 3–6¹). Но при этом в 2022 г., как и во многие предыдущие годы, были выявлены некоторые важные изменения.

Обращает на себя внимание, в частности, значительный рост за последний год весомости дохода домохозяйств от заработной платы. Как следует из таблицы 2, доля общего дохода домохозяйств от заработной платы, после сокращения годом ранее на 0,6 п.п., в 2022 г. выросла на значительные 2,1 п.п. — с 45,1 до 47,2%. В то же время доля дохода от государственных трансфертных платежей, после двухгодичного увеличения с 42% в 2019 г. до 43,7% в 2021 г., в 2022 г. снизилась до 43%, т. е. на 0,7 п.п. В результате указанных изменений разрыв между долей месячного дохода обследованных домохозяйств от заработной платы и долей их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей вырос с 1,4 п.п. в 2021 г. до 4,2 п.п. в 2022 г.

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов домохозяйств по источникам, 1994–2022 гг., в %

Источники дохода	Год проведения исследования									
	1994	1998	2004	2008	2011	2014	2019	2020	2021	2022
Доход от работы на государственных предприятиях	25,6	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	20,5	20,6	21,0	21,8
Доход от работы на частных предприятиях	8,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	23,2	22,8	21,9	22,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	6,4	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,4	2,3	2,3	2,7
Общий доход от заработной платы	40,3	35,6	44,5	48,3	51,1	47,6	46,2	45,7	45,1	47,2
Государственные трансфертные платежи (пенсии, пособия по безработице, стипендии и т. д.)	34,0	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	42,0	42,9	43,7	43,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,2	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,5	4,4	4,3	3,0
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	10,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,0	1,8	2,0	1,7
Доход от продажи личного имущества	1,3	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4
Дивиденды	0,8	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,5	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	4,9	4,8	4,5	4,5
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рост весомости общего дохода домохозяйств от заработной платы в 2022 г. произошел за счет увеличения долей дохода от работы на предприятиях с разной формой собственности. Так, доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях, после сокращения с 20,6% в 2020 г. до 21% в 2021 г., в 2022 г. выросла до 21,8%. В то же самое время доля дохода от работы на частных предприятиях последовательно сократилась с 23,2% в 2019 г. до 21,9% в 2021 г., но в 2022 г. увеличилась до 22,7%.

После этих изменений доля месячного дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях стала превышать аналогичную долю дохода от работы на государственных предприятиях на 0,9 п.п., тогда как в 2020 г. эта разница составляла 2,2 п.п., а в 2019 г. – 2,7 п.п. Что касается доли месячного дохода от работы

на предприятиях смешанной формы собственности, то она, после минимального уменьшения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 2,4 до 2,3%, в 2021 г. не изменилась, но в 2022 г. увеличилась до 2,7%.

В результате развития выявленных в ходе анализа данных мониторинга противоречивых тенденций совокупная доля дохода обследованных домохозяйств от государственных и смешанных частно-государственных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, выросла с 67% в 2021 г. до 67,5% в 2022 г., оставаясь заметно больше, чем 64,9% в 2019 г.

К наиболее заметным сдвигам, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, можно отнести существенное сокращение за последний год суммарной доли денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора. Если в 2021 г. эта доля составляла 6,3%, что было лишь немного больше 6,2% в 2020 г., то в 2022 г. она резко упала до минимальных 4,7%. Такой низкой она не была никогда ранее. Причем доля денежного дохода, составляя в 2020 г. 4,4%, в 2021 г. сократилась до 4,3% и далее в 2022 г. — до минимальных 3%. Доля аналогичного натурального дохода, после небольшого увеличения с 1,8% в 2020 г. до 2% в 2021 г., снизилась до 1,7%, обновив прежний минимум.

В 2022 г. приостановилось сокращение доли дохода в совокупном доходе российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. С 2019 по 2021 г. она последовательно уменьшилась с 4,9 до 4,5%, но в 2022 г. сохранилась на прежнем уровне. Что касается дохода домашних хозяйств от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и дивидендов, то весомость данных источников в течение многих последних лет менялась незначительно. За последний год доля дохода от сдачи личной собственности в аренду увеличилась с 0,3 до 0,4%, а доля дохода от дивидендов — с 0,1 до 0,2%.

Данные мониторинга, характеризующие общую динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домашних хозяйств за весь период, охватывающий 1994–2022 гг., представлены на рисунке 3.

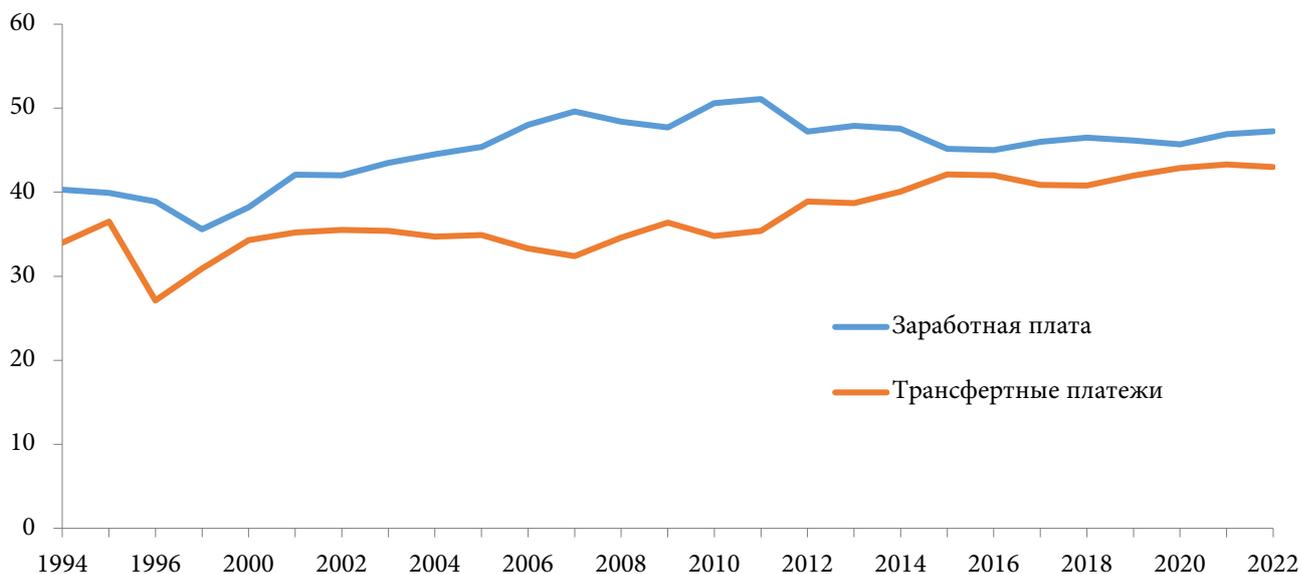

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1994–2022 гг., в %

Как видно из рисунка 3, на протяжении всех лет мониторинга общая доля дохода обследованных домохозяйств от заработной платы превышала долю дохода от государственных трансфертов. Но при этом в более благополучные годы заработная плата играла гораздо более существенную роль в формировании доходов российских домохозяйств, чем в менее благополучные. В 2022 г. доля дохода обследованных домохозяйств от заработной платы была гораздо выше минимальных значений, выявленных в 1990-х гг., когда она не превышала 35–40%, но меньше максимального 51%, зафиксированного в 2011 г. Что касается доли дохода от государственных трансфертных платежей, то она в 2022 г. находилась на уровне, характерном для всех последних лет, начиная с 2015 г.

На рисунке 4 представлены данные, отражающие динамику изменения весомости доходов от работы на предприятиях с разной формой собственности в совокупном доходе домохозяйств.

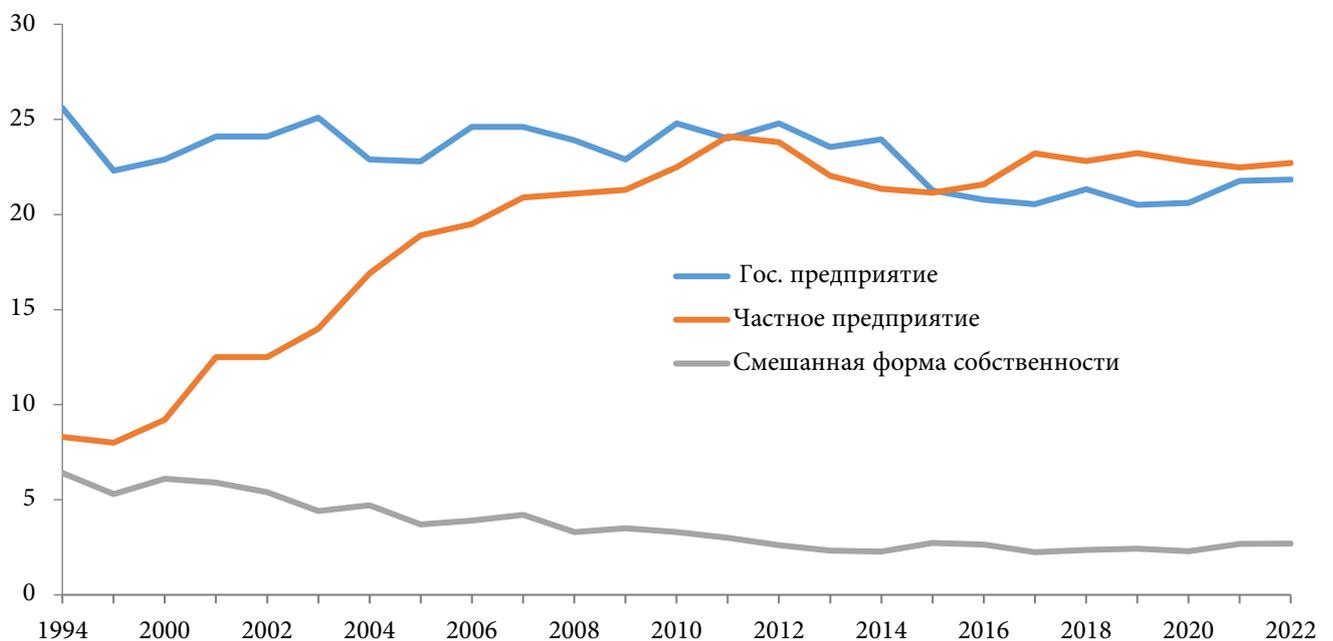

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1994–2022 гг., в %

Данные рисунка 4 демонстрируют достаточно быстрое, но не всегда равномерное повышение весомости дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, наблюдавшееся с 1994 по 2011 г., а также стабилизацию данного показателя на уровне 22–24% в следующие годы. В тоже время доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях была подвержена определенным колебаниям: от максимальных 25,6% в 1994 г. до минимальных 20,5% в 2019 г. Обращает на себя внимание также то, что в последние годы доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора стала чаще превышать аналогичную долю дохода от работы на предприятиях государственного сектора. Гораздо менее весомой во все годы постсоветского периода была доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, а ее изменения были не столь заметными. Сокращение этой доли, наблюдавшееся на первых этапах радикальных преобразований, в дальнейшем остановилось на минимальном уровне.

Данные мониторинга, характеризующие долгосрочные изменения весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств, представлены на рисунке 5.

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1994–2022 гг., в %

Из представленных на рисунке 5 данных хорошо видно, что наиболее значительно весомость этих источников дохода менялась только в 1990-е гг. В дальнейшем их роль в формировании совокупного дохода домохозяйств постепенно снижалась и стабилизировалась. В целом с 1998 г., когда было зафиксировано максимальное значение, по 2022 г. доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора сократилась с 17,8 до 1,7%, а доля аналогичного денежного дохода — с 5,6 до 3%. Общий тренд, характеризующий изменение доли дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, демонстрировал, с небольшими отклонениями, обусловленными разными причинами, нисходящую динамику на протяжении всех 2000-х гг., независимо от того, как развивалась ситуация в российской экономике. В целом за 1996–2022 гг. доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи сократилась с максимальных 9,6 до 4,5%.

Из данных, представленных на рисунке 6, видно, что значимость источников, играющих наименьшую роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), на протяжении всех последних лет менялась незначительно. Причем в последние годы эти изменения были гораздо меньше, чем в начальный период, когда разброс значений достигал максимальной величины.

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1994–2022 гг., в %

Весомость дохода домохозяйств от продажи личного имущества постоянно снижалась, между тем как значимость дохода от сдачи личной собственности в аренду росла до 2008 г., но в дальнейшем менялась очень медленно и незначительно. В целом за 1994–2015 гг. доля дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества сократилась с 1,3 до минимальных 0,1% и в дальнейшем практически не менялась. В то же время доля дохода домохозяйств от сдачи в аренду личного имущества составляла в 2000-е гг. 0,3–0,4%. Данные мониторинга позволяют также сделать вывод, что новых драйверов роста доходов населения, позволяющих делать сбережения, как и прежде очень мало.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, получающих доходы из разных источников, представлены в таблице 3.

Обращение к данным таблицы 3 выявляет в 2022 г. сравнительно небольшие или умеренные и, в ряде случаев, противоречивые изменения в анализируемых показателях. Они, в частности, показывают, что наряду с ростом доли дохода домохозяйств от заработной платы выросла также доля домохозяйств с доходом от данного источника. Этот рост составил 0,7 п.п., продолжив тем самым двухгодичный рост, который в совокупности достиг 0,9 п.п.

Доля домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях также продолжила сокращение, начатое годом ранее, в то время как доля дохода от данного источника практически не изменилась, уменьшившись на минимальные 0,1 п.п. Удельный вес домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора, сократился с 37,5% в 2021 г. до 37,4% в 2022 г. В то же время доля домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях, выросла за последний год наряду с ростом доли дохода от данного источника в совокупном доходе домохозяйств. Этот рост составил 1,2 п.п. Что касается домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то их доля выросла за последний год с 4,2 до 5%.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1994–2022 гг., в %

Источники дохода	Год проведения исследования									
	1994	1998	2004	2008	2011	2014	2019	2020	2021	2022
Доход от работы на государственных предприятиях	47,8	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	36,7	36,5	37,5	37,4
Доход от работы на частных предприятиях	16,6	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	37,2	36,4	35,1	36,3
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	13,2	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	4,8	4,1	4,2	5,0
Общий доход от заработной платы	63,8	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	63,0	62,2	62,4	63,1
Государственные трансфертные платежи (пенсии, пособия по безработице, стипендии и т. д.)	73,7	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	73,8	74,6	74,5	73,4
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	25,0	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	13,6	13,3	12,8	11,5
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	60,0	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	38,8	37,0	38,7	37,0
Доход от продажи личного имущества	4,0	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,3	0,4	0,3	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,5	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,6	1,4	1,4	1,7
Дивиденды	2,6	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	1,2	1,2	1,1	1,7
Помощь от родственников и благотворительная помощь	24,5	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	23,3	21,4	21,7	21,4

Как и в подавляющем большинстве предыдущих лет, в 2022 г. доля домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала долю домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора. Указанное превышение составило 1,1 п.п., что было, однако, меньше 2,4 п.п., зафиксированных в 2021 г.

Обращает на себя внимание заметное сокращение доли домохозяйств, получающих доход от государственных трансфертных платежей – с 74,5% в 2021 г. до 73,4% в 2022 г. В результате этого сокращения доля домохозяйств с доходом от государственных трансфертов снизилась до одного из минимальных значений за последние десять лет. Существенно ниже этого уровня она была только в 1998 и 2011 гг.

В 2022 г. было выявлено очередное сокращение удельного веса домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора. Но если с 2019 по 2020 г. доля таких домохозяйств уменьшилась только с 13,6 до 13,3%, то в 2021 г. — уже до 12,8%, а в 2022 г. — до 11,5%, достигнув нового минимального значения. В целом за 1994–2022 гг. доля домохозяйств с таким доходом достаточно последовательно сократилась более чем в 2 раза. В то же время удельный вес домохозяйств, получающих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 38,8 до 37%, в 2021 г. вырос до 38,7%, лишь немного не достигнув уровня 2020 г., однако в 2022 г. вновь сократился до 37%. В результате было достигнуто одно из минимальных значений за весь период наблюдений. В 2022 г. число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора стало превосходить число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом, более чем в 3,2 раза, тогда как в 2021 г. эта разница составляла 3 раза, а в 2020 г. — 2,8 раза.

Одним из хорошо заметных трендов является сокращение удельного веса домохозяйств, получающих материальную поддержку от родственников и благотворительную помощь. Если с 2018 по 2020 г. доля таких домохозяйств последовательно сократилась на 5,1 п.п. — с 26,5 до 21,4%, то в 2021 г. она немного увеличилась — до 21,7%, но в 2022 г. вновь упала до 21,4%, опустившись до минимального уровня за все время наблюдений. В целом с 2004 г., когда было зафиксировано максимальное значение, доля домохозяйств с доходом от указанного источника сократилась на значительные 7,6 п.п. Как и во все предыдущие годы, число обследованных домохозяйств, получающих какой-либо доход от сдачи личной собственности в аренду, продажи своего имущества и в виде дивидендов, было небольшим. Но их суммарная доля увеличилась с 2,8% в 2021 г. до 3,8% в 2022 г.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2022 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2021 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Данные, представленные в таблице 4, показывают, что рост доходов в 2021 г., в большей мере затронувший менее обеспеченные домохозяйства, что способствовало сокращению доходного неравенства, в 2022 г. сменился значительным и повсеместным падением. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. у домохозяйств нижнего квинтиля это падение составило 7,7%, у домохозяйств второго квинтиля — 11,4%, у домохозяйств третьего квинтиля — 12,2%, у домохозяйств четвертого квинтиля — 12,8% и, наконец, у двадцати процентов самых обеспеченных домохозяйств — 7,6%. Обращение к абсолютным цифрам показывает, что в 2021 г. у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств доходы выросли в среднем на 5191 руб., в то время как у двадцати процентов самых богатых — только на 1571 руб., что было в 3,3 раза меньше, чем у бедных. Вместе с тем в 2022 г. показатель сокращения доходов оказался выше у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля (7585 руб. против 3377 руб. у домохозяйств нижнего квинтиля).

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, 2022 г., в %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	20,9	19,7	18,6	21,1	29,0
Доход от работы на частных предприятиях	19,7	18,0	21,3	23,0	30,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,3	2,2	2,4	2,7	3,7
Общий доход от заработной платы	42,9	39,9	42,3	46,8	63,6
Государственные трансфертные платежи	46,6	50,9	48,5	43,5	25,9
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	3,6	2,7	2,6	3,0	3,0
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,0	1,7	1,8	1,9	1,1
Доход от продажи личного имущества	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,5	0,2	0,3	0,7
Дивиденды	0,1	0,1	0,1	0,1	0,6
Помощь от родственников и благотворительная помощь	4,7	4,1	4,5	4,3	5,0
Средняя сумма месячного дохода, 2022 г. (в руб. 2022 г.)	40 724	51 119	58 427	66 967	91 975
Общий доход от заработной платы, 2021 г.	48,9	47,1	42,8	40,0	54,9
Государственные трансфертные платежи, 2021 г.	38,0	42,6	46,9	49,4	33,3
Средняя сумма месячного дохода, 2021 г. (в руб. 2022 г.)	44 101	57 707	66 555	76 761	99 560

Как и во все предыдущие годы, преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств верхнего квинтиля, но это превосходство, после сокращения в предыдущем году, в 2022 г. увеличилось до одного из самых высоких значений за последние годы. Так, у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля в 2019 г. на заработную плату приходилось 62,7% общего дохода, в 2020 г. – 60,9%, в 2021 г. – только 54,9%, тогда как в 2022 г. – 63,6% общего дохода. В целом в конце 2022 г. доход от заработной платы был наиболее значимым источником дохода для домохозяйств двух наиболее обеспеченных квинтилей, между тем как для домохозяйств первого, второго и третьего квинтилей наиболее существенным источником дохода выступали государственные трансфертные платежи. Особенно значительным это преобладание было у домохозяйств второго квинтиля.

За последний год значимость дохода от заработной платы у домохозяйств двух нижних квинтилей сократилась, тогда как годом ранее была отмечена противоположная тенденция. В то же время у домохозяйств двух верхних квинтилей был выявлен рост после снижения в предыдущем году. Так, доля дохода от заработной платы в совокупном доходе сократилась у домохозяйств нижнего квинтиля на 6 п.п.

(с 48,9 до 42,9%), у домохозяйств второго квинтиля — на 7,2 п.п. (с 47,1 до 39,9%). Наряду с этим было отмечено небольшое снижение у домохозяйств третьего квинтиля с 42,8 до 42,3%. Тогда как у домохозяйств четвертого квинтиля был отмечен рост на 6,8 п.п. (с 40 до 46,8%), а у домохозяйств верхнего квинтиля — на 8,7 п.п. (с 54,9 до 63,6%). Характерно также, что в 2022 г., как и годом ранее, наиболее обеспеченные домохозяйства верхнего квинтиля превосходили все остальные домохозяйства по весомости дохода от работы на предприятиях всех типов.

Анализ также показал, что за прошедший год весомость государственных трансфертных платежей в совокупном доходе у домохозяйств трех нижних квинтилей выросла, тогда как у домохозяйств двух верхних квинтилей снизилась. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля этот рост составил 8,6 п.п. (с 38 до 46,6%), у домохозяйств второго квинтиля — 8,3 п.п. (с 42,6 до 50,9%), а у домохозяйств третьего квинтиля — 1,6 п.п. (с 46,9 до 48,5%). В то же время снижение указанного показателя затронуло домохозяйства четвертого квинтиля (снижение с 49,4 до 43,5%) и домохозяйства верхнего квинтиля (снижение с 33,3 до 25,9%).

Как и во все предыдущие годы, денежный доход от домашнего производства и неформального сектора оставался для российских домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом если в 2021 г. денежный доход был наиболее значим для домохозяйств нижнего квинтиля, то в 2022 г. эти квинтильные различия оказались более ровными. За прошедший год доля дохода от данного источника сократилась у домохозяйств первого квинтиля с 5,2 до 3,6%, у домохозяйств второго квинтиля — с 3,5 до 2,7%, у домохозяйств третьего квинтиля — с 3,7 до 2,6%, у домохозяйств четвертого квинтиля — с 4,6 до 3%, у домохозяйств верхнего квинтиля — с 4,7 до 3%. Что касается натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, то его весомость для домохозяйств всех квинтилей в 2022 г. оставалась небольшой: от 1,1% в верхнем квинтиле до 2% в нижнем.

Если в 2021 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, помощь от родственников и благотворительная помощь была наиболее значимым источником дохода для двадцати процентов беднейших домохозяйств, то в 2022 г. она стала такой же значимой для двадцати наиболее обеспеченных домохозяйств. Как видно из таблицы 4, эта помощь как источник дохода стала у домохозяйств полярных квинтилей незначимее, чем у домохозяйств остальных квинтилей (4,7–5% против 4,1–4,5%). Поступления в бюджет обследованных домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов в наибольшей мере были традиционно характерны для домохозяйств двух верхних квинтилей. Но реальная роль этих источников в формировании бюджетов домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Исследование выявило в 2022 г. прекращение сокращения доходного неравенства, которое наблюдалось на протяжении многих предыдущих лет. Если в 2020 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, то в 2021 г. эта разница уменьшилась до 2,3 раза и в 2022 г. практически не изменилась. Ранее, за 1998–2018 гг., этот разрыв сократился довольно последовательно, лишь с небольшими перепадами, с 7,5 до 2,7 раза. Практически не изменился за самые последние годы также разрыв по показателю средней суммы месячного дохода между

домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2022 г., как и в 2020–2021 гг., он составил 1,3 раза. Отрыв по анализируемому показателю домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил 1,6 раза, а от домохозяйств второго квинтиля – 1,8 раза.

В таблице 5 представлено распределение обследованных домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Представленные в ней сведения демонстрируют довольно устойчивую картину квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2022 гг., в %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
2021 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,8	38,6	33,9	34,7	46,4
Доход от работы на частных предприятиях	35,1	36,0	36,8	33,6	40,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,4	5,0	3,5	3,3	6,9
2022 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,5	35,2	32,3	37,1	47,6
Доход от работы на частных предприятиях	31,1	31,0	34,4	36,6	46,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	4,3	4,4	5,0	7,0

Данные, представленные в таблице 5, показывают, что доходы от работы на предприятиях всех форм собственности наиболее значимы для двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств. Но если годом ранее эта значимость

снизилась, то в 2022 г., наоборот, выросла. Во многие предыдущие годы данные мониторинга демонстрировали достаточно последовательный рост удельного веса домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора и на предприятиях со смешанной формой собственности по мере последовательного перехода от беднейшего к самому богатому квинтилю. Однако в 2022 г. доли домохозяйств с доходом от работы на предприятиях всех типов для первых трех квинтилей выровнялись, последовательно нарастая в четвертом и верхнем квинтилях.

Данные Росстата демонстрировали в 2022 г. снижение основных показателей, характеризующих неравенство по доходам, после некоторого повышения в предыдущем году. Так, децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, сократился с 15,6 раза в 2019 г. до 14,9 раза в 2020 г., в то время как в 2021 г. он увеличился до 15,2 раза, показывая тем самым некоторый рост неравенства по доходам. Однако в 2022 г. этот коэффициент стремительно упал до 13,8 раза, достигнув минимального значения с 1998 г. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, после некоторого повышения с 0,406 в 2020 г. до 0,409 в 2021 г., в 2022 г. резко снизился до 0,396. Таким низким он был только в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Особого внимания заслуживает рост в течение всего года денежных доходов у 10% наименее обеспеченного населения. Благодаря мерам адресной поддержки и доведения доходов до уровня прожиточного минимума, среднедушевые доходы у 10% наименее обеспеченного населения выросли в четвертом квартале 2022 г. на 41% в номинальном выражении по сравнению с четвертым кварталом 2021 г., тогда как в других децильных группах этот рост составил 14–17%. Данные Росстата о распределении общего объема денежных доходов по двадцати процентным группам населения показали снижение в пятой группе с 46,7% в 2021 г. до 45,6% в 2022 г. и повышение за этот же период в четырех предыдущих группах.

Проблема материального неравенства остается одной из наиболее серьезных и беспокоящих для российского общества. Вместе с тем, по данным мониторинга, удельный вес российских домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в 2021 г. по сравнению с 2020 г. сократился с 1,4 до 1%, но в 2022 г. увеличился до 1,3%. Доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума за 2021 г. уменьшилась с 0,9 до 0,5%, между тем как в 2022 г. она увеличилась до 0,8%. В то же время доля домашних хозяйств с доходом выше половины прожиточного минимума, после сокращения в предыдущем году с 0,8 до 0,5%, в 2022 г. не изменилась. Удельный вес пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, уменьшился с 0,7% в 2020 г. до 0,3% в 2021 г., но в 2022 г. вырос до 0,5%. Одновременно с этим доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше половины величины прожиточного минимума, сократилась с 0,5% в 2020 г. до 0,2% в 2021 г. и в 2022 г. не **изменилась**. Кроме того, в 2022 г. жили в семьях с доходом ниже величины прожиточного минимума 0,8% детей в возрасте до 7 лет, что было меньше 1,1%, зафиксированного в 2021 г.

По данным Росстата, в 2022 г. число россиян с доходами ниже границы бедности составило 14,3 млн человек (9,8% от всего населения). Это был минимальный уровень бедности за всю историю наблюдений, начиная с 1992 г. Причем

с 1992 г. он ни разу не опускался ниже 10% населения. Предыдущий минимум был зафиксирован в 2012 г., когда в России насчитывалось 15,4 млн малообеспеченных граждан (10,7% от общего населения). Граница бедности в 2022 г. составила 13 545 руб. Одним из основных драйверов снижения числа малообеспеченных россиян стало увеличение объемов социальных выплат. Снижению уровня бедности способствовали целевая адресная поддержка государства для различных групп малоимущих граждан, сокращение безработицы. Ежемесячные денежные выплаты получили более 3 млн семей с детьми от 3 до 7 лет и 3,7 млн семей с детьми от 8 до 17 лет. Благодаря этому малообеспеченные граждане стали драйвером потребительского спроса. Снизить число нуждающихся помог также рост оплаты труда и средних зарплат. Положительный эффект имела внеплановая индексация минимального размера оплаты труда и пенсий.

Об изменениях в распределении душевого дохода в период с декабря 2021 по декабрь 2022 г. можно судить по данным, представленным на рисунке 7.

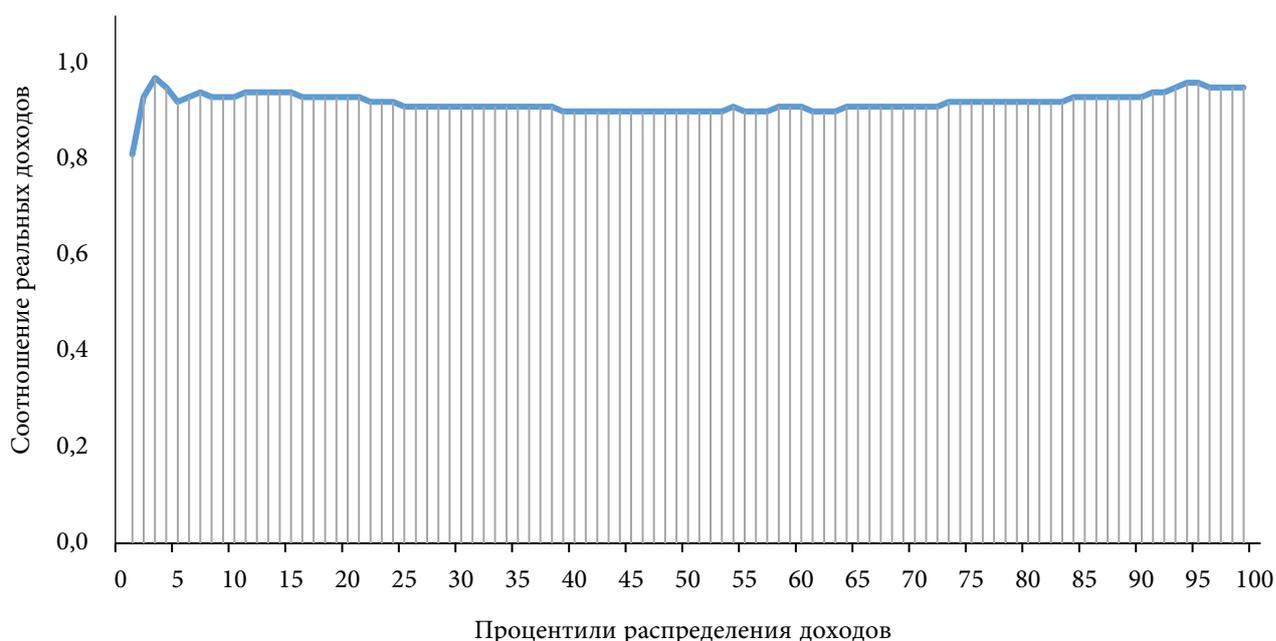

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2022 г., деленный на реальный доход процентиля в 2021 г.)

Данные рисунка 7 показывают соотношение реального дохода от каждого процентиля в 2022 г. к реальному доходу того же процентиля в 2021 г. Рассматривая представленные данные, следует учитывать, что на рисунке приведены сведения относительно душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам обследованных домохозяйств. В 2022 г. реальный душевой доход, после небольшого всплеска, сначала очень быстро снижался и затем практически не менялся.

На рисунке 8 рассматриваются различия в показателях среднедушевых доходов населения — по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата. Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Но результаты РМЭЗ НИУ ВШЭ, как и прежде, демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата. На рисунке показан

также медианный душевой доход домохозяйств — по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. На момент проведения каждого опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ медианный душевой доход оказывался ниже среднедушевого дохода.

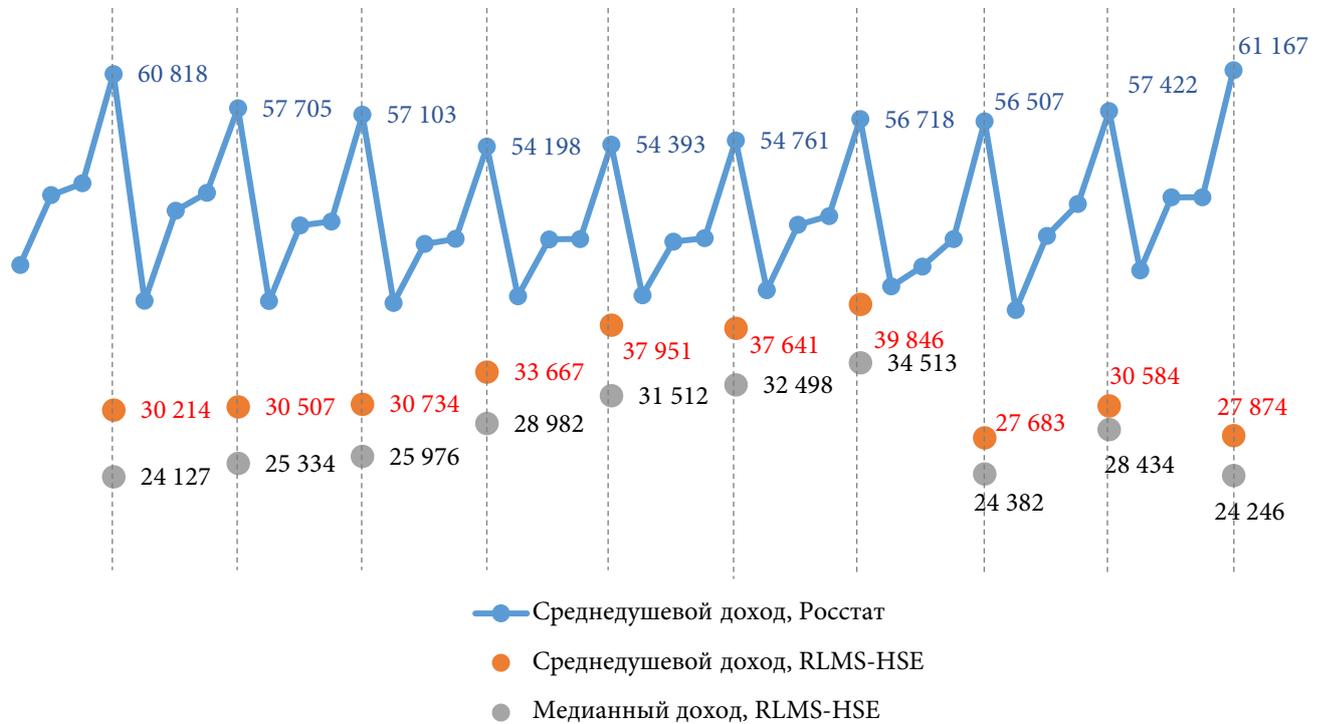

Рис. 8. Сравнение показателей душевых и медианных доходов, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата (ежеквартальный доход на душу населения, в руб. 2022 г.), 2013–2022 гг.

Таким образом, в 2022 г. ключевыми событиями для экономики страны, положения и настроений граждан стали ужесточение западных санкций, специальная военная операция, частичная мобилизация и присоединение новых территорий. Однако в такой сложной ситуации российская экономика показала беспрецедентную устойчивость. Возникшие трудности не привели к обвальному падению доходов населения. Значительную роль в поддержке доходов домохозяйств сыграли действия по индексации социальных выплат населению и зарплат в бюджетной сфере, которые не только выступили подспорьем доходам граждан, но и оказали положительное влияние на экономику. Весомость государственных социальных выплат в доходах домохозяйств сократилась, между тем как значимость заработной платы выросла. Этот рост затронул доходы домохозяйств от работы как на государственных, так и на частных предприятиях, в то время как годом ранее в совокупном доходе домохозяйств выросла только доля дохода от работы на частных предприятиях, но уменьшилась доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора. Наибольшую часть доходов домохозяйств по-прежнему составляла оплата

труда, которая опережала поступления от государственных трансфертных платежей. При этом доля домохозяйств, получающих государственные трансферты, намного превышала долю получающих доход от заработной платы, но если за прошедший год доля первых уменьшилась, то доля вторых увеличилась. Меньше домохозяйств стали получать денежный и натуральный доходы от домашнего производства и неформального сектора, а также помощь от родственников и благотворительную помощь. Тенденция сокращения неравенства по доходам пока сохраняется, но глубина этого неравенства остается все же чрезмерной.

Расходы домохозяйств

Если в 2021 г. и в начале 2022 г. по мере снижения опасений по поводу пандемийных и других угроз наблюдался постепенный рост расходов населения, то вторая половина 2022 г. характеризовалась противоречивой динамикой. Беспрецедентные экономические трансформации изменили покупательскую способность населения России. В условиях неопределенности и непредсказуемости будущего многие россияне стали урезать расходы и переходить к давно освоенной сберегательной модели: деньги, которые в прежние времена шли на текущие траты, теперь стали откладываться на будущее. Изменение потребительского спроса было связано прежде всего со снижением реальных доходов населения, высокой инфляцией и сокращением привычного ассортимента продукции из-за ухода части западных брендов. Многие прежние бренды стали недоступны или их продукция существенно подорожала, тогда как новые пока не заняли полностью их место в потреблении. Имело значение и то, что вполне объяснимой реакцией значительной части россиян на те серьезные изменения, которые начались с марта, стал рост тревожности и чувства неуверенности в будущем. Однако в самом конце года было отмечено некоторое повышение потребительской активности в связи со снижением процентных ставок в экономике, оживлением кредитования и постепенным привыканием населения к новой ситуации.

В целом за 2022 г. существенно увеличилось число граждан, ориентированных на сокращение расходов и отказ от некоторых товаров или поиск более дешевых альтернатив, и сократилось число тех, кто предпочитает не отказываться от уже достигнутого уровня жизни и стремится компенсировать финансовые потери с помощью дополнительных источников дохода. Выросла также доля россиян, отдающих приоритет повышению накоплений и формированию надежной «подушки безопасности». Домохозяйства, которым доходы позволяли откладывать часть средств, стремились создавать свой собственный фонд благосостояния на случай дальнейшего ухудшения ситуации, что характерно семьям во все неблагоприятные времена. Однако могли позволить себе такую модель поведения все же меньшинство домохозяйств, тогда как большинство продолжали жить от зарплаты до зарплаты, поддерживать потребление за счет кредитования. Потребители стали больше ориентироваться на качество и цену товаров и меньше — на упаковку, популярность производителя, бренд. Но к концу года наметилось усиление стремления россиян к возвращению к привычным потребительским планам. Российский потребительский рынок в условиях огромного вала санкций, введенных западны-

ми странами после начала специальной военной операции, продемонстрировал высокую устойчивость. Большинство россиян продолжали даже в условиях резко возросших цен приобретать необходимые и привычные им товары и пользоваться стандартными услугами¹.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленным в таблице 6, ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после обвального падения в 2020 г. более чем на 30%, в 2021 г. выросли на 3,2%, а в 2022 г. еще на весьма небольшие 0,3%. В 2022 г. расходы обследованных домохозяйств были только на 18,9% выше, чем в 1994 г., но почти на 14% меньше, чем в 2008 г., и на 28% ниже, чем в предковидном 2019 г.

В 2022 г. наблюдалась по сути стагнация расходов домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары. Так, ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на продукты питания, после провального проседания почти на треть в 2020 г., в 2021 г. увеличились на 6%, но в 2022 г. практически не изменились, сократившись на небольшие 0,4%. В 2022 г., как и годом ранее, ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания были более чем на треть меньше, чем в 1994 г., на 14% ниже, чем в 1998 г. и на 30% меньше, чем в 2019 г. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, после глубокого падения в 2020 г. на 28,8%, в 2021 г. увеличились на 1,9%, а в 2022 г. — еще на небольшие 0,7%. В 2022 г. эти расходы домохозяйств были более чем вдвое больше, чем в 1994 г., но на 14% ниже, чем в 2008 г., и на 27% меньше, чем накануне эпидемии коронавируса в 2019 г.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1994–2022 гг., в руб. 2022 г.

Категории расходов	Год проведения исследования								
	1994	1998	2004	2008	2011	2019	2020	2021	2022
Расходы на продукты питания									
Молочные продукты	1989	1164	1495	2043	2211	3080	2193	2238	2324
Мясо, птица, рыба	8059	3407	4644	6220	6234	8146	5613	5876	6066
Картофель	358	177	494	408	349	371	285	403	254
Хлеб	–	1993	1903	1803	1409	2105	1445	1472	1513
Фрукты, овощи	–	888	1586	2147	2011	2743	1944	2011	1835
Прочие продукты питания	12 680	3416	3429	4018	3756	4795	3348	3457	3624
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1930	960	2202	3053	3212	3487	1654	1685	2021
Продукты домашнего изготовления	4240	3642	2233	2360	2016	2099	1318	1785	1201
Алкоголь	1454	566	661	734	670	746	458	430	439
Всего расходов на продукты питания	30 707	16 228	18 647	22 788	21 755	27 573	18 253	19 349	19 277

¹ Долженков А. Спокойная осень 2022 г. // Эксперт. 2022. № 34. С. 13–17.

Продолжение таблицы 6

Категории расходов	Год проведения исследования								
	1994	1998	2004	2008	2011	2019	2020	2021	2022
Расходы на непродовольственные товары									
Табачные изделия	598	580	612	707	888	1932	1287	1418	1305
Одежда	4086	3081	3584	5328	4462	4339	2940	3013	2954
Горючее, топливо	1201	738	1590	2415	2514	3566	2397	2437	2410
Электроника и др. товары длительного пользования	5396	2424	5939	10 841	8784	4940	3434	3108	2469
Услуги и отдых	3801	3289	6352	11127	10461	8617	5015	5590	5980
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1590	947	1663	7634	9088	13 843	11 471	11 992	12 662
Оплата жилья и коммунальных услуг	979	1246	2632	4870	5962	7909	5355	5160	5133
Акции, облигации	140	9	0	0	32	0	27	27	27
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	s	s	1142	1608	1631	1878	1382	1300	1545
Сбережения	2496	870	1382	3121	3266	2473	2070	2134	1984
Всего расходов на непродовольственные товары	20 287	13 183	24 899	47 655	47 632	54 560	38 870	39 618	39 881
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	50 994	29 411	43 546	70 442	69 387	82 131	57 123	58 967	59 153

Примечание. Начиная с декабря 1994 г. категория «топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2018: бензин – 91,1%, дрова – 6,4%, газ в баллонах – 2,5%; 12/2019: бензин – 90,5%, дрова – 6,6%, газ в баллонах – 2,9%; 12/2020: бензин – 90,4%, дрова – 6,3%, газ в баллонах – 3,3; 12/2021: бензин – 91,1%, дрова – 6,0%, газ в баллонах – 2,9%; 12/2022: бензин – 90,1%, дрова – 7,0%, газ в баллонах – 3,0.

Данные мониторинга демонстрируют характеризующееся достаточно большим разбросом повышение расходов домохозяйств на одни виды продуктов питания и сокращение на другие. Так, ежемесячные расходы домашних хозяйств на молочные продукты, после небольшого увеличения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 2,1%, в 2022 г. увеличились на 3,8%. Таким же небольшим было повышение расходов домохозяйств на мясо, птицу и рыбу. После роста в 2021 г. на 4,7% они выросли в 2022 г. еще на 3,2%. Расходы на алкогольную продукцию, вслед за снижением в 2021 г. на 6,1%, в 2022 г. выросли на 2,1%. Траты домохозяйств на хлебобулочную продукцию, после увеличения в 2021 г. на 1,9%, в 2022 г. выросли на 2,8%. Намного значительно

оказался рост расходов домохозяйств на питание вне дома. Если в 2020 г. расходы на питание в столовых, ресторанах, кафе, барах провалились сразу в 2,1 раза, то в 2021 г. они выросли на 1,9%, а в 2022 г. — еще на 19,9%. Очередной рост был отмечен также по такой статье расходов домохозяйств, как «прочие продукты питания». В 2021 г. по сравнению с 2020 г. он составил 3,3%, в то время как в 2022 г. — 4,8%.

Ежемесячные расходы домохозяйств на фрукты и овощи, после значительного падения в 1,4 раза в 2020 г., в 2021 г. увеличились на 3,5%, но в 2022 г. вновь сократились на 8,7%. Еще более существенным оказалось в 2022 г. падение расходов на картофель и продукты домашнего изготовления. Так, расходы на картофель, после огромного роста в 2021 г. на 41,4%, в 2022 г. упали на 37%. Что касается расходов на продукты домашнего изготовления, то они после стремительного роста в 2021 г. на 35,4% в 2022 г. не менее стремительно упали на 32,8%.

В целом изменения, выявленные в расходах на продукты питания в 2022 г., не смогли существенно повлиять на уровень продовольственного обеспечения российских семей, который все еще далек от оптимального. В 2022 г. российские домохозяйства тратили меньше, чем в 1994 г., на мясо, птицу, рыбу в 1,3 раза, на продукты домашнего изготовления — в 3,5 раза. Таких же огромных 3,5 раза достигала разница в расходах по статье «прочие продукты питания». Расходы домохозяйств на молочную продукцию в 2022 г. стали выше, чем в 1994 г., только на 17%, а расходы на питание в столовых, ресторанах, кафе — всего лишь на 5%.

Важным фактором, сдерживающим потребительскую активность, в прошедшем году оставался отложенный спрос. Потребительский рынок лихорадило уже на протяжении нескольких лет. В депрессивном состоянии оказались расходы на непродовольственные товары: они постоянно демонстрировали неблагоприятную динамику или стагнировали. В период распространения пандемии коронавируса были отложены многие значительные покупки, а также поездки и развлечения. Этому способствовал также рост цен на электронику, автомобили и другие дорогостоящие товары длительного пользования. Затем, когда наступил 2022 г., началась радикальная переориентация товарных потоков и произошло обвальное сокращение авторынка. Россияне начали экономить и продлевать срок службы бытовой техники.

После увеличения расходов домохозяйств на непродовольственные товары по ряду анализируемых групп в предыдущем году, в 2022 г. были выявлены преимущественно негативные тенденции. Прежде всего обращает на себя внимание очередное значительное падение расходов домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. Если в 2020 г. расходы домохозяйств на эти товары резко обвалились на значительные 30,5%, то в 2021 г. они сократились на 9,5%, а в 2022 г. упали еще на 20,6%. В 2022 г. расходы домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования были в 2,2 раза меньше, чем в 1994 г., и более чем в 4,4 раза меньше, чем в 2008 г.

Но хотя спрос на бытовую технику в 2022 г. снизился, для данного рынка был зафиксирован неплохой показатель на фоне ускорившейся инфляции и снижения покупательской способности населения. Сокращение розничных продаж в значительной мере компенсировал рост продаж электроники в ресейл-сегменте, а также увеличение продажи товаров, ввезенных по альтернативным каналам. Спрос на малую бытовую технику просел существенно меньше, чем в категории крупной бытовой техники, в котором сама покупка требует от потребителя значительных финансовых затрат и где более остро встал вопрос по импортозамещению.

В непростых условиях потребители в первую очередь отказывались от крупных покупок: автомобилей, недвижимости, крупной бытовой техники. Но поскольку люди делают такие покупки нечасто, далеко не все могли отказаться от них полностью, поэтому включали другие стратегии сокращения расходов, в том числе в категории повседневных покупок. Многие стали пробовать различные способы сэкономить, но одновременно с этим сохранить привычное качество товаров и услуг.

Одной из статей потребительской экономии российских домохозяйств, которую затронуло очередное сокращение, стали расходы на одежду и обувь. В 2020 г. они резко упали в 1,5 раза, или почти на 32%. В 2021 г. эти расходы увеличились на 2,5%, но в 2022 г. сократились на 2%. В 2022 г. расходы домохозяйств на одежду и обувь были на треть меньше, чем в 1994 г., и в 1,7 раза меньше, чем в 2008 г. Сокращение затронуло и такую важную статью расходов домохозяйств, как расходы на горючее, топливо. В 2021 г. эти траты увеличились на 1,7%, но в 2022 г. снизились на 1,1%. После этих изменений расходы российских домохозяйств на горючее, топливо оказались сопоставимыми с расходами по данной статье, зафиксированными в 2008 г., но были более чем вдвое выше, чем в 1994 г.

Достаточно существенным оказалось в 2022 г. сокращение ежемесячных расходов домохозяйств на табачную продукцию. Если в 2021 г. эти расходы выросли на 10,2%, оставаясь на четверть ниже уровня 2019 г., то в 2022 г. они сократились на 8%. Рост расходов на табачную продукцию в 2022 г., как и во многие предыдущие годы, был связан не только с необходимостью экономии, но и с ежегодным ростом потребительских цен на табачные изделия. Ставка акциза на сигареты и другие табачные изделия в России была повышена с 1 января 2022 г. в среднем на 4%. В 2022 г. расходы домохозяйств на табачную продукцию были в 2,2 раза выше, чем в 1994 г., но почти в 1,5 раза меньше, чем в доковидном 2019 г.

К наиболее значимым и устойчивым тенденциям, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, длительное время относился последовательный рост расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. Так, с 1998 по 2019 г. они практически монотонно выросли почти в 8 раз. И только в 2020 г., в период стремительного распространения эпидемии коронавируса, когда были введены жесткие карантинные ограничения, было отмечено значительное падение этих расходов на треть и далее снижение на 3,6% в 2021 г. и на 0,5% в 2022 г. После такого огромного падения расходы домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг оказались более чем в полтора раза меньше, чем в 2019 г., когда они достигали максимальной величины.

В 2022 г. сложились условия для роста сбережений населения, формированию которых способствовали ограничения зарубежного туризма, резкое сужение автомобильного рынка, сокращение импорта, в результате чего многие покупки были отложены на неопределенный срок. В будущем эти сбережения могли бы стать базой для увеличения расходов на потребление. Однако в ходе анализа данных РМЭЗ НИУ ВШЭ было выявлено определенное сокращение ежемесячных расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. эти расходы снизились на 16,3%, оказавшись почти в 1,6 раза меньше, чем в 2011 г., то в 2021 г. увеличились на 3,1%. Однако в 2022 г. было зафиксировано очередное сокращение по этой статье расходов домохозяйств на 7%.

Такое сокращение можно объяснить тем, что опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ проводился в конце года, когда люди так или иначе приспособились к новой реальности и наметился рост потребительской активности.

К основным статьям, которые требовали повышения расходов домохозяйств, относились оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, а также услуги и отдых. Так, расходы домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, которые являются наиболее затратными для российских семей, после сокращения в 2020 г. на 17,1%, в 2021 г. выросли на 4,5% и затем в 2022 г. повысились еще на 5,6%. Но даже после такого двухгодичного роста они оставались на 8,5% ниже уровня допандемийного 2019 г.

Не менее существенным был также рост расходов домохозяйств на услуги и отдых. После огромного падения в 2020 г. на 41,8%, или в 1,7 раза, они к концу 2021 г. выросли на 11,5% и далее в 2022 г. еще на 7%. Но несмотря такое существенное увеличение расходов домохозяйств на услуги и отдых в 2021–2022 гг., они оставались в 1,9 раза меньше, чем в 2008 г., и в 1,4 раза меньше, чем в 2019 г.

Еще более значительным было повышение в 2022 г. ежемесячных расходов домашних хозяйств на приобретение различных товаров повседневного спроса, от которых невозможно отказаться в любой, даже самый экономически неблагополучный период (мыло, игрушки, газеты и т. п.). В 2020 г. расходы по этой статье упали более чем в 1,4 раза, или на 26,4%, и затем в 2021 г. — еще на 5,9%. Но в 2022 г. эти расходы довольно быстро выросли на 18,9%, оставаясь почти на 20% ниже уровня 2019 г.

На рисунках 9–12 показаны долгосрочные изменения в структуре расходов российских домохозяйств, демонстрирующие кардинальные сдвиги, которые произошли в структуре потребления населения за годы постсоветского периода¹.

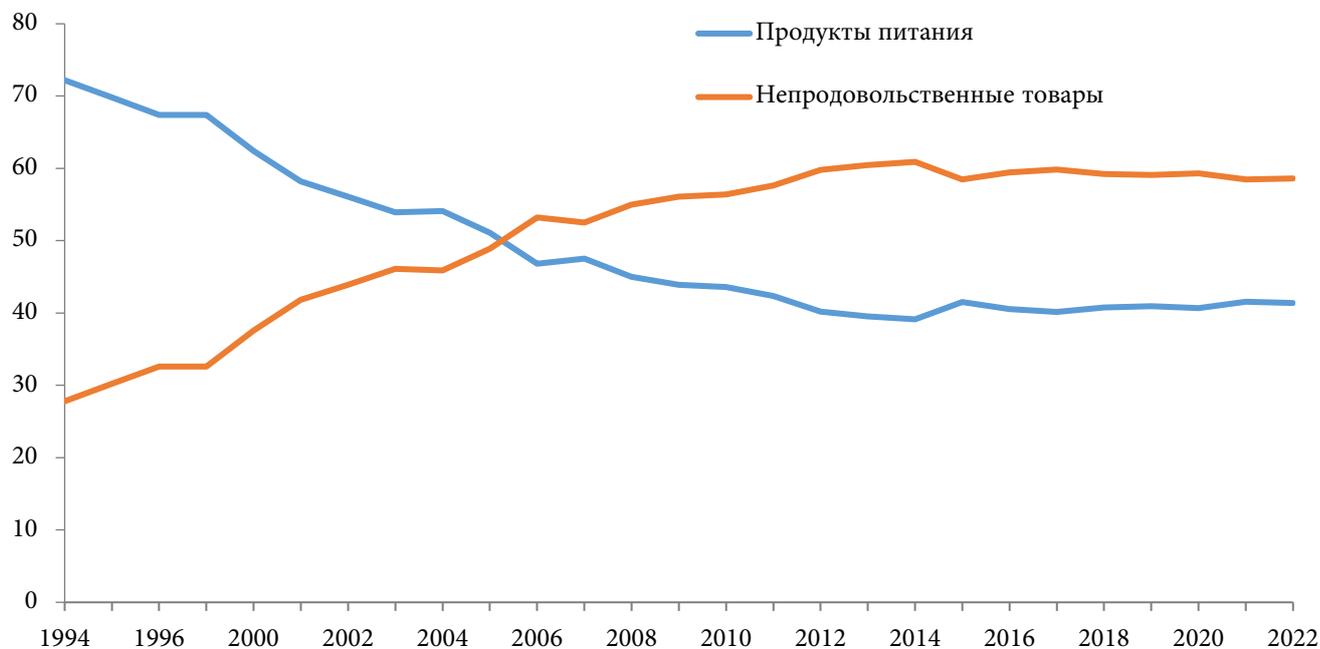

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1994–2022 гг., в %

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рисунках 9–12 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

Из рисунка 9 видно, что главными трендами, характеризующими перемены в структуре потребления, длительное время были рост доли расходов обследованных домохозяйств на непродовольственные товары и сокращение доли расходов на продукты питания. Однако в середине прошлого десятилетия эти тренды были прерваны. С 2015 по 2022 г. доля расходов домохозяйств на продукты питания колебалась в пределах от 40,1 до 41,5%. Известно, что доля расходов домохозяйств на продукты питания является одним из важнейших экономических и социальных показателей, характеризующих условия жизни населения. Его важность объясняется тем, что затраты на продукты питания являются обязательной статьёй расходов любой семьи, от размера которых зависит то, сколько она может потратить на все остальное нужды. В 2022 г. данный показатель в России оставался очень высоким, что свидетельствует о сложном материальном положении, в котором оказались большинство семей.

В 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля расходов домохозяйств на продовольствие уменьшилась с 41,5 до 41,4%, между тем как доля расходов на непродовольственные товары увеличилась с 58,5 до 58,6% соответственно. Эти едва заметные сдвиги во многом объясняются общей стагнацией доходов населения, отказом от покупки непродовольственных товаров и доминирующим стремлением многих семей к экономии в период обострения кризисных явлений. Важно учитывать и то, что спрос на продукты питания, как правило, не отличается высокой эластичностью. При повышении цен на продовольствие покупки продуктов питания сокращаются мало. Даже при снижении доходов самым последним из того, что можно сократить, оказывается приобретение продуктов питания. Поэтому в общей массе расходов домохозяйств они занимают значительную долю, даже при относительно низкой продуктовой инфляции.

На рисунках 10–12 представлен более подробный иллюстративный материал, демонстрирующий ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств.

Так, на рисунке 10 отражены долговременные изменения доли расходов обследованных домохозяйств на питание вне дома (в ресторанах, столовых, кафе, барах и т. п.). Доля этих затрат в бюджете домохозяйств в определенной мере свидетельствует об уровне жизни населения: как правило, чем выше этот показатель, тем более благополучными являются условия жизни.

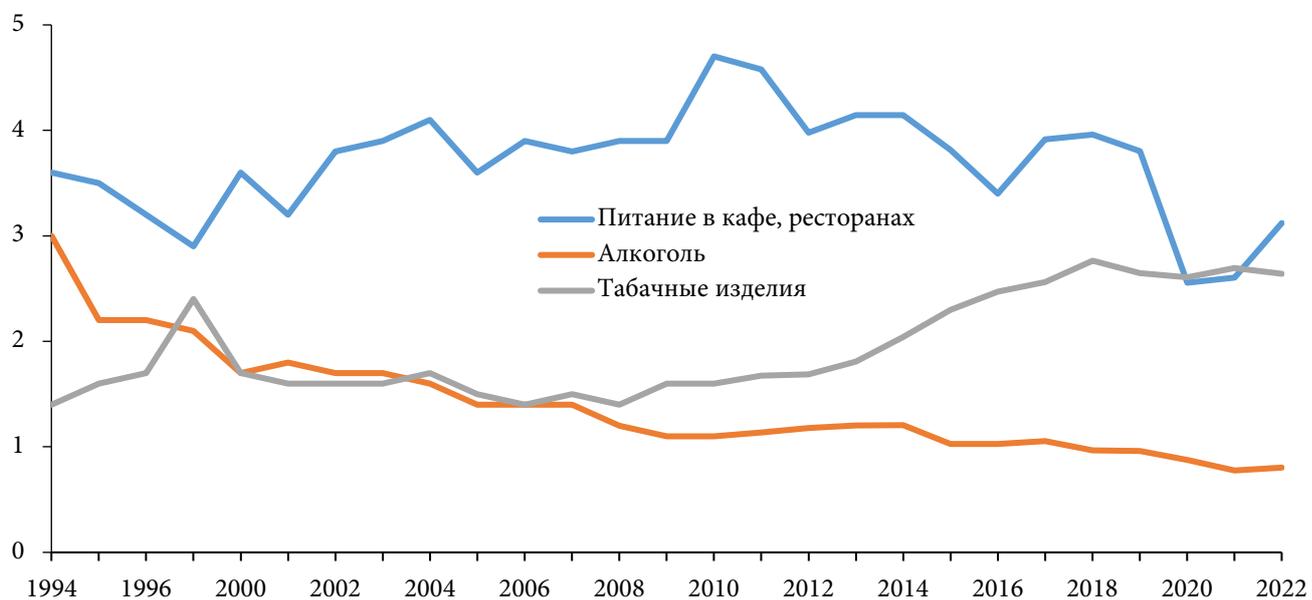

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1994–2022 гг., в %

Максимальной доля расходов на питание вне дома была в 2010 г., когда она достигала 4,7%. Как видно из рисунка, после значительного падения с 2018 по 2020 г. доли расходов домохозяйств на питание вне дома с 4 до 2,6% последовал ее рост к концу 2022 г. до 3,1%. Этот рост произошел вопреки тому, что в 2022 г. отрасль общепита столкнулась с новым кризисом, только успев немного восстановиться от удара пандемии: экономическая ситуация в России приняла довольно сложный характер в связи с резко изменившейся геополитической ситуацией. Кроме того, в прошедшем году выросли расходы на фастфуд и доставку еды на дом, претерпел глобальные изменения ресторанный рынок, что неизбежно будет сказываться на отрасли общепита в дальнейшем.

На рисунке 10 представлены также данные о доле расходов домохозяйств на вредные привычки, а именно о том, какую часть своего бюджета россияне тратят на алкогольные напитки и табачные изделия. Из этих данных можно увидеть, что доля расходов домохозяйств на алкоголь на протяжении всего рассматриваемого периода постепенно сокращалась. В целом с 1994 по 2022 г. она снизилась с 3 до 0,8%. Между тем в 2021 г. по сравнению с 2020 г. она уменьшилась только на 0,1% (с 0,9 до 0,8%) и в 2022 г. не менялась.

Стабилизация показателя расходов домохозяйств на алкоголь происходила на фоне повышения цен на данную продукцию и роста величины соответствующих расходов домохозяйств. При этом в 2022 г. был отмечен особенно значительный рост цен на алкоголь. Сказались как повышение акцизов на алкогольную продукцию, так и удлинение логистических цепочек, переориентация закупок комплектующих материалов на азиатские рынки и ряд других причин, обусловленных изменением экономической ситуации. В январе 2022 г. минимальные розничные цены на крепкий алкоголь, впервые установленные в 2009 г. для борьбы с контрафактной продукцией, выросли на 7,5%. Помимо роста акциза, на удорожание продукции также влияли инфляция, рост цен на сырье, упаковочные материалы, комплектующие и топливо. В связи с изменившейся экономической ситуацией в России особенно значительно выросли цены на импортный алкоголь. Обновляющаяся ценовая политика учитывала новые макроэкономические условия, а также влияние таких факторов, как переход на предоплату при расчетах с зарубежными поставщиками и удорожание логистики.

В то время, когда доля затрат домохозяйств на алкоголь сокращалась, доля расходов на табачную продукцию увеличивалась. За период интенсивного роста, который пришелся на 2008–2018 гг., доля расходов на табак выросла вдвое – с 1,4 до 2,8%. В дальнейшем была отмечена стабилизация данного показателя на уровне 2,6–2,7%. При этом, ставка акциза на сигареты и другие табачные изделия в России выросла, тогда как расходы домохозяйств на табачные изделия сократились.

После значительного падения в период чрезвычайно строгих эпидемиологических ограничений доли расходов домохозяйств на оплату различных услуг – одной из самых весомых статей бюджета российских семей – в 2022 г. был выявлен ее очередной восстановительный рост. Данные, представленные на рисунке 11, показывают: если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля расходов на оплату услуг в совокупных расходах обследованных домохозяйств упала с 15,6 до 14,4%, т. е. до уровня, который фиксировался в 2012–2015 гг., то в 2021 г. она выросла до 14,9%

и затем в 2022 г. – до 15,5%. Этот рост явился закономерным следствием повышения расходов домохозяйств на услуги и отдых. В целом за 1994–2022 г. доля трат домохозяйств на услуги выросла почти в 2,5 раза – с 6,2 до 15,5%.

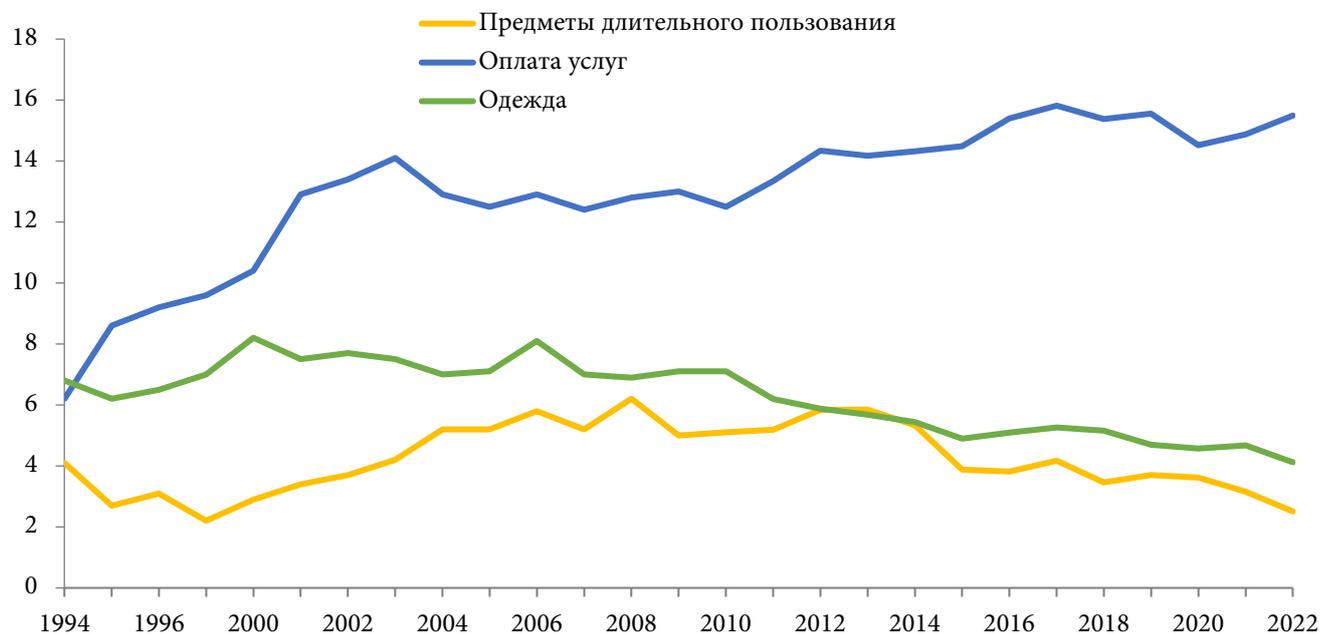

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1994–2022 гг., в %

К хорошо заметным тенденциям последнего десятилетия относится постепенное сокращение удельного веса расходов домашних хозяйств на электронику и другие товары длительного пользования, которое наблюдается, с небольшими перепадами, начиная с 2013 г. В целом за 2013–2022 гг. доля этих расходов в совокупных расходах домохозяйств уменьшилась более чем вдвое – с 5,9 до 2,5%. Причем если в 2019 г. доля расходов домохозяйств на предметы длительного пользования составляла 3,7%, то в 2021 г. она достаточно быстро уменьшилась до 3,2%, а в 2022 г. – до 2,5%. Такой низкой эта доля расходов домохозяйств была только в 1990-х гг. Эти изменения являются отражением стагнации доходов населения и перераспределения трат домохозяйств в пользу товаров первой необходимости и продуктов питания, которое стало основной стратегией экономии значительной части российских семей в период возросшей неопределенности.

Хорошо заметным является долгосрочный тренд, демонстрирующий снижение весомости затрат домохозяйств на одежду и обувь. В целом за 2000–2019 гг. доля этих расходов в совокупных расходах российских домохозяйств с определенными колебаниями сократилась более чем в полтора раза – с 8,2 до 4,7%. И только в период обострения кризисных явлений, обусловленных пандемией коронавируса и другими негативными событиями произошла определенная стабилизация данного показателя. В 2020 г. доля затрат домохозяйств на одежду и обувь сократилась до 4,6%. В 2021 г. она приподнялась до прежних 4,7%, но в 2022 г. опять сократилась до 4,1%.

К наиболее весомым и растущим статьям семейных расходов относятся траты на содержание жилья. Данные мониторинга, представленные на рисунке 12, показывают, что наиболее последовательно доля этих расходов в совокупных расходах домохозяйств росла в период с 1994 по 2013 г. За этот период она выросла с минимальных 1,5 до 13,2%. В дальнейшем ее рост замедлился: за 2014–2020 гг. доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг увеличилась до максимальных 14,1%. Но в 2021 г. было отмечено ее сокращение до 13,3%, а в 2022 г. зафиксирован минимальный рост до 13,5%.

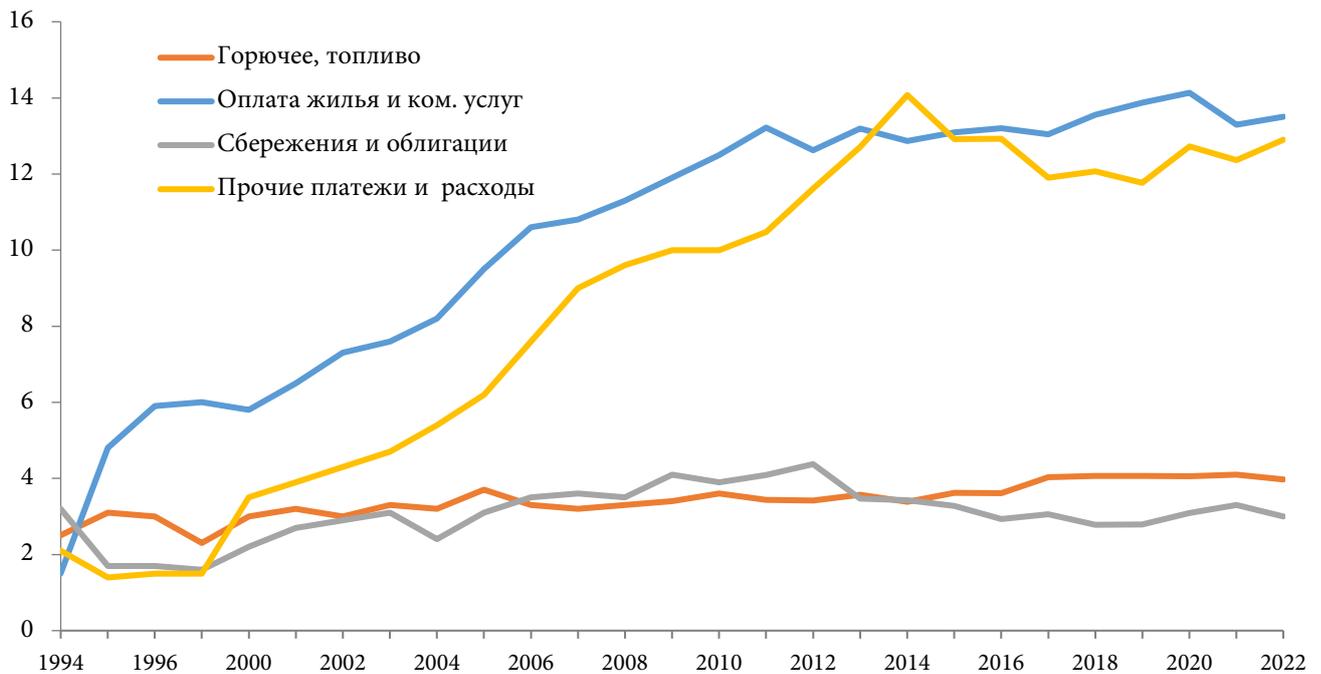

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1994–2022 гг., в %

С определенными перепадами и крайне медленно росла в постсоветский период доля расходов домохозяйств на горючее, топливо. Если в 1990-х гг. она составляла около 3%, то к 2015–2016 гг. увеличилась до 3,6%. В 2017 г. доля затрат домохозяйств на горючее, топливо резко выросла до 4%, а в 2018–2021 гг. составляла 4,1%. И только в 2022 г. было отмечено ее небольшое снижение до 4%.

Довольно медленно менялась также доля расходов домохозяйств, предназначенных для пополнения сбережений. После достижения в 2012 г. максимального значения, составляющего 4,4%, к концу 2016 г. доля этих расходов снизилась до 2,9% и затем была подвержена небольшим колебаниям. В 2021 г. эта доля увеличилась до 3,3%, но в 2022 г. опять уменьшилась до 3%. Доля прочих платежей и расходов обследованных домохозяйств, после довольно последовательного снижения с 14,1% в 2014 г. до 11,8% в 2019 г., в 2020 г. увеличилась до 12,7%. В 2021 г. она уменьшилась до 12,4%, но в 2022 г. увеличилась до 12,9%.

В таблице 7 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о расходах домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за 2022 г. Соотношение средних расходов по каждой статье и средних общих расходов, рассматриваемое по квинтилям расходов, является не просто усредненным значением

долей бюджета. Напротив, такое соотношение средних расходов соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйств.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов, 2022 г.,
в руб. 2022 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1560	2008	2406	2723	2909
Мясо, птица, рыба	3956	5144	6177	7171	7873
Картофель	153	268	264	294	278
Хлеб	1391	1409	1488	1613	1669
Фрукты, овощи	1008	1441	1804	2346	2569
Прочие продукты питания	2156	2975	3605	4516	4846
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1006	1643	1790	2306	3371
Продукты домашнего изготовления	938	978	1357	1425	1298
Алкоголь	152	258	413	526	857
Всего расходов на продукты питания	12 319	16 123	19 305	22 921	25 670
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	866	1122	1381	1391	1757
Одежда	1799	2290	2829	3399	4480
Горючее, топливо	1203	1638	2196	3093	3945
Электроника и другие товары длительного пользования	314	671	1423	2979	7069
Услуги и отдых	3320	4978	6585	10453	21929
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	276	1348	3169	10 083	49 620
Оплата жилья и коммунальных услуг	3847	4487	5235	5701	6400
Акции, облигации	0	0	0	110	14
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1061	1313	1438	1771	2146
Сбережения	186	512	1218	2613	5472
Всего расходов на непродовольственные товары	12 873	18 358	25 474	41 595	102 832
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	25 192	34 481	44 780	64 516	128 503
Всего расходов на продукты питания, 2021 г. (в руб. 2022 г.)	13 338	17 190	20 597	21 817	24 728
Всего расходов на непродовольственные товары, 2021 г. (в руб. 2022 г.)	12 551	19 174	27 890	42 825	107 480
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, 2021 г. (в руб. 2022 г.)	25 889	36 364	48 488	64 642	132 209

Данные мониторинга, представленные в таблице 7, показывают, что тенденция, демонстрирующая постепенное снижение дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов, которое наблюдалось на протяжении нескольких предыдущих лет, в последние годы приостановилась. Если к 2012 г. разница в расходах на продукты питания и непродовольственные товары между наиболее состоятельными и наименее состоятельными двадцатью процентами домохозяйств выросла до 7,9 раза, то в дальнейшем эта разница последовательно сократилась до 4,7 раза в 2019 г. Но в 2020 г. она увеличилась до 5,1 раза и в 2021–2022 гг. не менялась.

Хорошо заметным изменениям были подвержены также различия в расходах на продукты питания и непродовольственные товары между самыми состоятельными и всеми остальными российскими домохозяйствами. Так, если в 2014 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертого квинтиля приблизительно в 2,4 раза, то к концу 2019 г. эта разница постепенно сократилась до 1,8 раза. В 2020 г. был отмечен рост данного показателя до 2 раз, в 2021 г. – до 2,1 раза, тогда как в 2022 г. было выявлено его сокращение до 2 раз. Кроме того, если в 2019 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 3,4 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля, то в 2020 г. эта разница выросла до 3,7 раза. В 2021 г. она практически не изменилась, составив около 3,6 раза, но в 2022 г. увеличилась до 3,7 раза. Примерно такими же в последние годы были изменения разницы в величине ежемесячных расходов между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей. В 2021 г. – 2,7 раза, но в 2022 г. увеличилась до 2,9 раза.

Выявленное в 2021 г. некоторое увеличение расходов домохозяйств, принадлежащих ко всем квинтилям, в 2022 г. сменилось таким же общим их снижением. Так, в 2022 г. ежемесячные расходы на все виды продуктов, товаров и услуг у домохозяйств самого бедного квинтиля, после увеличения годом ранее на 4,6%, сократились на 2,7%. У домохозяйств второго квинтиля, после предыдущего увеличения на 6,1%, эти расходы снизились на 5,2%. Домохозяйства третьего квинтиля, вслед за увеличением своих совокупных ежемесячных расходов годом ранее на 6,1%, сократили их на 7,6%. И в то же самое время у домохозяйств четвертого квинтиля, после небольшого роста в предыдущем году на 1,1%, в 2022 г. был выявлено сокращение только на 0,2%. И наконец, домохозяйства самого состоятельного квинтиля, вслед за ростом своих расходов в 2021 г. на 3,2%, в следующем году уменьшили их на 2,8%.

В 2022 г., в отличие от предыдущего года, было выявлено некоторое увеличение разрыва в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей. Если в 1990-х и в начале 2000-х гг. эта дистанция достигала весьма значительных 5–6 раз, то к концу 2020 г. она постепенно сократилась до 2,1 раза. В 2021 г. этот разрыв еще раз уменьшился до минимальных 1,9 раза, однако в 2022 г. вновь увеличился до прежних 2,1 раза. И в то же время многие годы практически не меняется дистанция в расходах на продукты питания между домохозяйствами наиболее состоятельного верхнего квинтиля и домохозяйствами

ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2018 гг. она составляла около 1,2 раза, но в 2019 г. уменьшилась до минимальных 1,1 раза и в дальнейшем практически не менялась.

Анализ данных мониторинга свидетельствует о некотором сокращении дифференциации домохозяйств по доле расходов на продукты питания, которую занимают эти расходы в бюджетах домохозяйств противоположных квинтилей. При этом, как и прежде, прослеживается последовательное и нарастающее сокращение «продовольственной» доли расходов по мере роста платежеспособности домохозяйств. Если в 2020 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания, непродовольственные товары и услуги у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,4 раза больше, чем у наиболее состоятельных двадцати процентов домохозяйств (49% против 20,5%), то в 2021 г. эта разница выросла до 2,8 раза (51,5% против 18,7%), но в 2022 г. уменьшилась до 2,5 раза (48,9% против 20%). Из этих данных также видно, что за последний год весомость расходов на продовольствие в общих расходах на продовольствие, непродовольственные товары и услуги у наименее платежеспособных домохозяйств немного уменьшилась, между тем как у наиболее платежеспособных – увеличилась. Годом ранее наблюдались противоположные перемены.

Отмеченные выше сдвиги обусловлены соответствующими изменениями в величине продовольственных расходов домохозяйств, принадлежащих к различным квинтильным группам. Если в 2021 г. у менее состоятельных домохозяйств наблюдался рост расходов на продукты питания, в то время как у наиболее состоятельных их снижение, то в 2022 г. ситуация изменилась на противоположную. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на продовольствие, после роста годом ранее на 9,2%, в 2022 г. уменьшились на 7,6%. У домохозяйств второго квинтиля, вслед за ростом на те же 9,2%, произошло падение на 6,2%, а у домохозяйств третьего квинтиля, после повышения на 14,6%, – снижение на 6,3%. Одновременно у домохозяйств четвертого квинтиля эти расходы, после увеличения в предыдущем году на 2,1%, в 2022 г. выросли на немалые 5,1%, а у домохозяйств верхнего квинтиля, после снижения годом ранее на 3,2%, был зафиксирован рост на 3,8%.

Дальнейший анализ данных мониторинга показал, что в 2021 г. двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств тратили на молочные продукты в 2 раза больше, чем двадцать процентов наименее состоятельных. В 2022 г. этот показатель изменился очень мало, уменьшившись всего лишь до 1,9 раза. Примерно на таком же уровне этот разрыв сохранялся в 2018–2019 гг., что было, однако, намного меньше, чем 3,7 раза в 2008 г. Похожие сдвиги наблюдались и в отношении изменения разницы в расходах на мясо, птицу и рыбу. Разрыв в величине расходов на эти товары между домохозяйствами полярных квинтилей достаточно последовательно уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2 раз в 2020–2022 гг. Более значительными были перемены в отношении расходов на фрукты и овощи. Дистанция в расходах на эту продукцию между домохозяйствами наиболее и наименее обеспеченных квинтилей сократилась с 5,7 раза в 2008 г. до 2,4 раза в 2021 г., между тем как в 2022 г. она увеличилась до 2,6 раза.

Существенные динамические изменения были отмечены в соотношении расходов на картофель между домохозяйствами полярных квинтилей. За 2008–2019 гг. со значительными всплесками и падениями это соотношение сокра-

тилось с 5 до 2,1 раза. За 2020–2021 гг. эта разница увеличилась до 2,4 раза, тогда как в 2022 г. резко сократилась до 1,8 раза. Более значительной в последние годы была разница в величине расходов домохозяйств противоположных квинтилей на питание вне дома. Данное соотношение довольно быстро увеличилось с 2,9 раза в 2019 г. до 4 раз в 2020 г. В 2021 г. оно сократилось до 3,2 раза, но в 2022 г. увеличилось до 3,4 раза.

Но наиболее глубокой была и остается дистанция между двадцатью процентами наиболее платежеспособных и двадцатью процентами наименее платежеспособных домохозяйств в расходах на алкогольную продукцию. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. она сократилась с 6,2 раза до минимальных 5,2 раза. В 2021 г. эта разница увеличилась до более значительных 6 раз, но в 2022 г. уменьшилась до 5,6 раза. И в то же время одним из самых незаметных и сравнительно стабильных во все годы было различие между домохозяйствами полярных квинтилей в величине расходов на хлебобулочную продукцию, не превышающее обычно 1,1–1,2 раза. В 2022 г. это соотношение, как и во многие предыдущие годы, составило 1,2 раза.

В 2022 г. наблюдались примерно такие же различия в структуре расходов на питание между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами, как и годом ранее. У домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственную продукцию продолжали занимать траты на такие дорогие, но очень важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба, в то время как на последних позициях располагались расходы на картофель и алкоголь. И в то же время у домохозяйств самого богатого квинтиля более высокое место в структуре расходов, чем у бедных и малообеспеченных домохозяйств, занимали траты на питание вне дома, фрукты и овощи, тогда как у домохозяйств нижнего квинтиля – расходы на продукты домашнего изготовления и хлебобулочную продукцию. Представляет интерес и тот факт, что в 2022 г. во всех квинтилях траты домохозяйств на питание в столовых, ресторанах, кафе превышали расходы на продукты домашнего изготовления.

В 2022 г. наблюдались определенные изменения показателей, характеризующих неравенство между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Так, если с 2012 по 2018 г. разница в расходах на непродовольственные товары между двадцатью процентами самых состоятельных и двадцатью процентами наименее состоятельных домохозяйств сократилась с 13,2 до 7 раз, то за 2019–2021 гг. она увеличилась до 8,6 раза, но в 2022 г. сократилась до 8 раз. Разница в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась с 2,4 до 2,5 раза и в 2022 г. осталась на прежнем уровне.

Анализ последних данных мониторинга также показал, что в то время, когда расходы на непродовольственные товары наиболее богатых домохозяйств снижались, аналогичные расходы наименее обеспеченных домохозяйств росли. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля, после увеличения данных расходов в предыдущем году на небольшие 0,4%, в 2022 г. они выросли на 2,6%. В то же время у домохозяйств второго квинтиля, после увеличения годом ранее на 3,5%, было выявлено их сокращение на 4,3%, а у домохозяйств третьего квинтиля, вслед за увеличением в предыдущем году на 2,3%, последовало снижение на 8,7%. Одновременно у до-

мохозяйств четвертого квинтиля, после снижения расходов на непродовольственные товары год назад на 0,6%, в 2022 г. было выявлено их новое падение на 2,9%, а у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств, вслед за ростом в предыдущем году на 4,9%, последовало сокращение на 4,3%.

Анализ данных мониторинга выявил новые изменения, характеризующие различия между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров. Установлено, в частности, дальнейшее углубление разрыва между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей в расходах на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Если с 2018 по 2021 г. эта разница увеличилась с 45 до 160 раз, то в 2022 г. она не менее стремительно поднялась до 180 раз. В 2021 г. домохозяйства самого состоятельного квинтиля превосходили по величине этих расходов домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля в 4,4 раза, тогда как в 2022 г. — уже в 4,9 раза.

Как и прежде, расходы на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств. Если в 2021 г. на них приходилось около 45% всех расходов домохозяйств верхнего квинтиля на непродовольственные товары, то в 2022 г. — уже более 48%. По мере падения платежеспособности их место в структуре непродовольственных расходов домохозяйств постепенно падает. Если у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля они занимают в этой структуре первое место, то у домохозяйств четвертого квинтиля — второе, а у домохозяйств третьего квинтиля — третье. В то же время у домохозяйств первого и второго квинтилей эти расходы находятся на одном из последних мест. В 2021 г. на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам приходилось 2,4% всех расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары, тогда как в 2022 г. — только около 2%.

Еще одной наиболее затратной статьей бюджета домохозяйств, значимость которой непосредственно зависит от уровня семейных доходов, остаются расходы на услуги и отдых. В 2022 г. среди расходных статей бюджета домохозяйств второго, третьего и четвертого квинтилей они занимали первое место, а в бюджете домохозяйств крайних нижнего и верхнего квинтилей — второе. В 2022 г. траты на услуги и отдых составляли около четверти всех расходов на непродовольственные товары домохозяйств первых четырех квинтилей и пятую часть этих расходов домохозяйств верхнего квинтиля. Глубина разрыва в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей, после длительного периода сокращения, в 2021–2022 гг. немного увеличилась. Так, с 2012 по 2020 г. этот разрыв постепенно снизился более чем вдвое — с 13 до 6,3 раза, но в 2021 г. увеличился до 7 раз, а в 2022 г. составил 6,6 раза. В 2022 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, в 2,1 раза (в 2021 г. — 2,5 раза). По сравнению с расходами на услуги и отдых домохозяйств третьего квинтиля этот разрыв составлял 3,3 раза (в 2021 г. — 3,2 раза), второго квинтиля — 4,4 раза (в 2021 г. — 4,2 раза).

Одной из весомых статей бюджета для значительного большинства домохозяйств, значимость которой в условиях экономических кризисов для бедных и малообеспеченных семей не только не снижается, а зачастую повышается, яв-

ляются расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У домохозяйств нижнего квинтиля, т. е. у наименее обеспеченных домохозяйств, эта расходная статья уже длительное время неизменно стоит на первом месте. Если в 2021 г. на нее приходилось 28,5% всех расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары, то в 2022 г. эта доля выросла до 30%. В то же время у домохозяйств верхнего, т. е. наиболее платежеспособного квинтиля на эти расходы приходилось в 2021–2022 гг. только 6,2% их общих расходов на непродовольственные товары. В 2022 г., как и в 2019–2021 гг., у домохозяйств второго и третьего квинтилей эти расходы занимали в общих расходах на непродовольственные товары вторую позицию, в то время как у домохозяйств четвертого квинтиля – третью строку, а у домохозяйств верхнего квинтиля – четвертую. Между тем если в 2000–2021 гг. двадцать процентов наиболее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,8 раза больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных, то в 2022 г. эта разница немного сократилась – до 1,7 раза.

В 2022 г., как и годом ранее, двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг почти в 12 раз больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, что было заметно больше 10 раз, зафиксированных в 2019–2020 гг. Кроме того, в 2022 г. анализируемые траты беднейших домохозяйств были более чем в 14 раз выше, чем расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, тогда как в 2021 г. эта разница составляла только 12 раз, а в 2020 г. – 9,5 раза. Обращает на себя внимание и то, что в 2022 г., как и годом ранее, домохозяйства нижнего квинтиля стали тратить на оплату жилья и коммунальных услуг в 2 раза больше, чем на приобретение одежды и обуви. Это было немного меньше, чем 2,3 раза в 2020 г. И в то же время домохозяйства наиболее обеспеченного верхнего квинтиля стали расходовать в 2022 г. на оплату содержания жилья в 7,8 раз меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, тогда как в 2021 г. эта разница составляла 7,3 раза, а в 2020 г. – 6,2 раза. Эти расходы стали также в 3,4 раза меньше, чем расходы на оплату услуг и отдых (в 2020 г. – 2,9 раза; в 2021 г. – 3,4 раза), но только в 1,1 раза меньше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования (в 2021 г. – 1,6 раза; в 2020 г. – в 1,7 раза).

Сокращение расходов семей на электронику и другие товары длительного пользования в течение последних лет привело к снижению их весомости в структуре расходов домохозяйств на непродовольственные товары. В 2022 г., как и годом ранее, эти траты располагались в структуре общих расходов на третьем месте у домохозяйств верхнего квинтиля, тогда как у менее обеспеченных домохозяйств они размещались на самых дальних позициях. Так, у домохозяйств четвертого квинтиля, т. е. ближайшего к самому богатому квинтилю, эти траты занимали в структуре расходов на непродовольственные товары пятое место, а у домохозяйств трех первых квинтилей – самые последние места. Разрыв в величине анализируемых расходов между наиболее платежеспособными и наименее платежеспособными домохозяйствами в последние годы менялся не так существенно, как ранее. Если в течение многих предыдущих лет эта разница колебалась в пределах 80–100 раз, то в 2017–2020 гг. она уменьшилась до 30 раз. В 2021 г. был зафиксирован рост данного соотношения до 38 раз, но в 2022 г. этот показатель сократился до 23 раз.

Примечательно также то, что глубина разрыва в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась с 3,4 до 4,1 раза, тогда как в 2022 г. сократилась до 2,4 раза. В 2022 г. на данные расходы приходилось только около 7% всех расходов наиболее обеспеченных домохозяйств на непродовольственные товары. В то же время у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств этот показатель составлял немногим более 2%.

Для бедных и малообеспеченных домохозяйств более весомыми, чем для богатых, остаются расходы на приобретение одежды и обуви. В 2022 г., как и в предыдущем году, эти расходы занимали у домохозяйств нижнего и ближайшего к нему второго квинтиля третью строку в структуре расходов на непродовольственные товары. В то же время у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей они располагались на четвертом месте, а у домохозяйств самого платежеспособного верхнего квинтиля – на шестом месте. В 2022 г. домохозяйства самого обеспеченного квинтиля тратили на покупку одежды и обуви в 2,5 раза больше, чем домохозяйства наименее обеспеченного квинтиля. Это было немного меньше, чем 3 раза в 2020 г., но немного больше, чем 2,3 раза в 2021 г. В 2022 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви почти в 6 раз больше, чем на приобретение электроники и других предметов длительного пользования, тогда как в 2021 г. эта дистанция составляла 7 раз. Рассматриваемые расходы у этих домохозяйств превышали также в 6,5 раза траты на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, что было существенно больше, чем 5,4 раза, зафиксированных в 2021 г., и 4,1 раза в 2020 г. И в то же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2022 г. тратили на покупку одежды и обуви в 1,6 раза меньше (в 2021 г. – в 2,3 раза меньше), чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования.

Огромной была и остается дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. она увеличилась с 47 до 51 раз в пользу домохозяйств самого богатого квинтиля, но в 2021 г. опять уменьшилась до 47 раз, а в 2022 г. – до 30 раз. Разница в объеме средств, предназначенных для сбережений, между домохозяйствами верхнего и второго квинтилей в 2022 г. составила около 11 раз, верхнего и третьего квинтилей – 4,5 раза, верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля – достигла 2,1 раза. Если у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля эти расходы составляли 5,3% всех расходов на непродовольственные товары, то у домохозяйств беднейшего квинтиля – только около 1,5%.

В 2022 г. было прервано сокращение разницы между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами в расходах на топливо. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. она уменьшилась с 4,1 до 3,6 раза, в 2021 г. – до 2,8 раза, тогда как в 2022 г. выросла до 3,3 раза. Ранее эта разница достаточно последовательно и стремительно уменьшилась с 10 раз в 2008 г. до 3,3 раза в 2017–2018 гг. В структуре расходов на непродовольственные товары беднейших и малообеспеченных домохозяйств эти расходы, как и годом ранее, занимали четвертую позицию, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля они находились на пятом месте, а у домохозяйств четвертого и пятого квинтилей – на шестом месте.

Разница в расходах на табачную продукцию между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами увеличилась с 1,7 раза в 2018 г. до 2 раз в 2019–2020 гг. и далее в 2021 г. – до 2,5 раза. Однако в 2022 г. было отмечено сокращение данного показателя до 2 раза. В 2022 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля тратили на табачную продукцию в 2,8 раза больше, чем на электронику и другие предметы длительного пользования, в 3,2 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, и почти в 5 раз больше, чем на сбережения. Дистанция в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы, посуда и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, в последние годы практически не менялась. В 2022 г., как и годом ранее, она составила около 2 раз.

Таким образом, российский потребительский рынок в условиях огромного вала санкций и начала специальной военной операции продемонстрировал довольно высокую устойчивость. Спрос на товары и услуги в целом не упал, но по отдельным сегментам он все же значительно просел. Новые реалии, в которых функционировала российская экономика в 2022 г., только замедлили характерный для предыдущего года процесс перехода домохозяйств со сберегательной модели поведения, получившей более широкое распространение в период пандемийного кризиса, на потребительскую. Наблюдалась противоречивая картина динамики конечного потребления. Это говорит о том, что многие россияне находились в состоянии неопределенности, особенно относительно текущих и ожидаемых доходов и занятости. Прослеживалась по сути стагнация расходов домохозяйств как на продовольствие, так и на непродовольственные товары. При этом снизилась покупательская активность в сегментах электроники и бытовой техники, одежды, но увеличились расходы семей на услуги и отдых, что во многом было связано с ростом цен на них, а также на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Многие россияне отказывались от планов приобретения товаров длительного пользования или других дорогостоящих покупок, стали ограничивать все свои затраты преимущественно продуктами питания и покупкой только самых необходимых товаров. Приостановилось снижение дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов. Перспективы перехода к основательному росту расходов зависят как от динамики реальных доходов населения, так и от его настроений, от желания тратить деньги, а не сберегать их на черный день.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

Весной 2022 г. из-за санкций и закрытия бизнеса частью иностранных компаний многие эксперты ожидали в своих прогнозах роста безработицы, как это было в период пандемии коронавируса. Но эти прогнозы не оправдались. Безработица, наоборот, пошла на спад, достигнув крайне низких значений.

По мнению многих экспертов, сложившаяся ситуация не была связана с развитием рынка труда. Решающее значение в снижении безработицы сыграли демографические причины: прежде всего, демографическая яма 1990-х гг. (пре-

вышение смертности над рождаемостью, естественная убыль населения), высокая смертность населения вследствие пандемии коронавируса, частичная мобилизация осенью 2022 г. и уход сотен тысяч людей на контрактную службу, массовый отъезд из страны работников, прежде всего высококвалифицированных специалистов, снижение количества мигрантов¹. Определенную роль сыграла также российская модель адаптации к шоковым явлениям в экономике (вынужденные отпуска, перевод части персонала на неполный рабочий день, перемещение работников с формальных на неформальные рабочие места и т. д.).

Незначительным оказалось влияние на уровень безработицы санкций и последствий ухода части иностранных компаний из России, что многие специалисты объясняют следующими причинами. Во-первых, эффект от экономических санкций имеет более долгосрочный, распределенный и менее кумулятивный характер, чем эффекты от собственно пандемии и связанных с ней жестких ограничительных мер, в результате которых многие предприятия и организации вынуждены были на время прекратить свою деятельность. Во-вторых, в отличие от пика коронакризиса, основной экономической удар первыми приняли на себя крупные и средние компании, которые в меньшей степени склонны увольнять работников. К тому же они имеют более существенный запас прочности, позволяющий им несколько месяцев выплачивать заработные платы даже при значительном снижении операционной прибыли². Уход иностранных компаний не выбросил на рынок труда большие массы безработных и потому, что во многих компаниях просто изменился собственник. В результате к концу года на рынке труда по целому ряду отраслей и специальностей образовался даже критический дефицит рабочей силы.

В таблице 8 приводится подробная информация РМЭЗ НИУ ВШЭ по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1994 по 2022 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Представленные в таблице данные показывают, что, уровень безработицы, после снижения в течение ряда лет, в 2019 г. вырос до 3,6%, но к концу 2021 г. вновь снизился до рекордно низкого уровня, равного 3,1%, и в 2022 г. не изменился.

В регионах ситуация складывалась по-разному. Так, за последний год в отдельных субъектах безработица не только не сократилась, а выросла в диапазоне от 0,1 до 1,2 п.п. Как отмечается в аналитическом бюллетене «Социально-экономическое положение регионов РФ – итоги 2022 г.», уровень безработицы снизился в 76 регионах, тогда как рост произошел только в 6 субъектах РФ³. Значительное сокращение общего уровня безработицы имеет следствием сокращение предложения рабочей силы и усугубляет проблему дефицита кадров в стране. В свою очередь, недостаток специалистов может привести к опережающему росту

¹ Турунцев А. Доходы обошли прогнозы // Эксперт. 2023. № 11. С. 55.

² Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Июль 2022. № 8 (161) / Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. В. С. Гуревича, А. В. Колесникова, С. М. Дробышевского [и др.] 18 с. URL: http://www.vedi.ru/macro_r/IEP_Monitor_2022_8-161_July.pdf (дата обращения: 27.11.2023).

³ Социально-экономическое положение регионов РФ.

зарплат, являясь немаловажным проинфляционным фактором для экономики России. Считается также, что низкий уровень безработицы свидетельствует о том, что рынок труда все больше становится рынком соискателей работы, обеспечивая им все больше возможностей для выбора. Исторически низкие показатели безработицы, формирующие ситуацию существенного преобладания спроса над предложением, в определенной мере являются тревожным сигналом для рынка труда и работодателей.

Таблица 8

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1994–2022 гг., в %

Категории	Год проведения исследования										
	1994	1998	2000	2004	2008	2012	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	7,2	10,8	8,4	6,9	5,0	5,1	3,2	3,6	3,3	3,0	3,1
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу)	7,7	11,2	8,5	6,9	5,1	5,1	3,2	3,6	3,4	3,1	3,1
Уровень скрытой безработицы	0,5	0,5	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	14,8	17,1	10,8	5,1	3,5	2,9	1,5	1,7	1,5	1,5	1,3
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
менее 1 месяца	10,2	5,4	9,0	11,4	13,4	12,6	11,3	14,2	9,7	16,6	20,9
1–3 месяца	11,2	20,6	15,8	20,1	20,5	22,3	20,8	27,4	13,4	17,9	20,1
более 3 месяцев	78,5	74,0	75,3	68,5	66,2	65,1	67,9	58,4	76,8	65,5	58,9
Участие в рабочей силе	85,7	82,6	82,4	82,2	82,2	83,0	81,0	81,5	80,9	81,5	80,6
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	12,9	11,3	12,1	8,7	9,0	7,5	8,4	7,7
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	7,9	8,3	7,8	5,8	5,7	4,6	5,7	5,4

Примечание. «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Кроме общих сведений об уровне безработицы, в таблице 8 приведены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что в 2022 г. продолжился рост кратковременной и средневременной безработицы за счет сокращения долгосрочной. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля длительной безработицы, превышающей три месяца, сократилась с 65,5 до 58,9%, т. е. до доковидного уровня.

В то же время кратковременная безработица, длительностью менее одного месяца, выросла с 16,6 до 20,9%, тогда как средневременная безработица, длительностью от одного до тех месяцев, увеличилась с 17,9 до 20,1%.

На рисунке 13 представлены данные мониторинга, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1994–2022 гг. Анализ этих данных убеждает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1994–2022 гг., в %

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленные на рисунке 13, демонстрируют не одинаковую динамику уровня безработицы среди мужчин и женщин в 2022 г. С 2020 по 2021 г. официальная безработица среди мужчин сократилась с 2,8 до 2,7% и далее в 2022 г. — до 2,5%. В результате этого снижения был достигнут самый низкий уровень безработицы среди мужчин за весь постсоветский период. В то же время уровень безработицы среди женщин в 2021 г. по сравнению с 2020 г. сократился с 4,1 до 3,4%, т. е. до одного из самых низких значений. Ниже этого уровня безработица среди женщин была только в 2018 г., когда она составляла 3,3%. В 2022 г. данный показатель не изменился, составив 3,4%. Эти сдвиги привели к изменению различия между уровнями безработицы среди женщин и мужчин с максимальных 1,3 п.п. в 2020 г. до 0,7 п.п. в 2021 г. и до 0,9 п.п. в 2022 г. Из рисунка 13 можно также увидеть, что начиная с 2015 г. безработица среди женщин была постоянно выше, чем среди мужчин. Что касается скрытой безработицы, то в 2022 г. она составила среди мужчин едва различимые 0,04%, тогда как среди женщин — 0,1%.

Дальнейший анализ данных мониторинга, представленных в таблице 8, показал, что в последние полтора десятилетия проблема долгов по заработной плате беспокоила очень малую часть работающих граждан и их семей. Доля работников,

заявивших о невыплате им заработной платы в течение 30 дней, предшествующих опросу, в 2021 г., как и годом ранее, составляла небольшие 1,5%, тогда как в 2022 г. она сократилась до минимальных 1,3%.

Две нижние строки таблицы 8 демонстрируют динамику величин оборота рабочей силы и профессиональной мобильности, характер которой в последние годы был очень похожим. Из них, в частности, следует, что доля работников, заявивших о смене места работы, после роста в 2021 г. по сравнению с 2020 г. с 7,5 до 8,4%, в 2022 г. сократилась до 7,7%. В то же самое время доля респондентов, заявивших о смене в прошедшем году своей профессии, с 2020 по 2021 г. тоже выросла с 4,6 до 5,7%, но в 2022 г. опять упала до 5,4%.

Помимо рассмотренных выше данных, в таблице 8 представлены сведения, характеризующие динамику участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), которые свидетельствует о снижении данного показателя в 2022 г. Из представленных в таблице данных видно, что уровень участия в рабочей силе, после увеличения с 80,9% в 2020 г. до 81,5% в 2021 г., в 2022 г. уменьшился до 80,6%.

Данные, представленные на рисунке 14, характеризуют динамику участия в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее).

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1994–2022 гг., в %

Данные рисунка 14 свидетельствуют, что в 2022 г. показатель участия в рабочей силе как у мужчин, так и у женщин изменился однонаправленно. Так, у мужчин коэффициент участия в рабочей силе, после небольшого увеличения с 84% в 2020 г. до 84,3% в 2021 г., в 2022 г. вновь вырос до 86%. Одновременно показатель участия в рабочей силе женщин, после увеличения с 77,5% в 2020 г. до 78,5% в 2021 г., в 2022 г. увеличился до 79,4%.

На следующем рисунке 15 приведены данные мониторинга о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию.

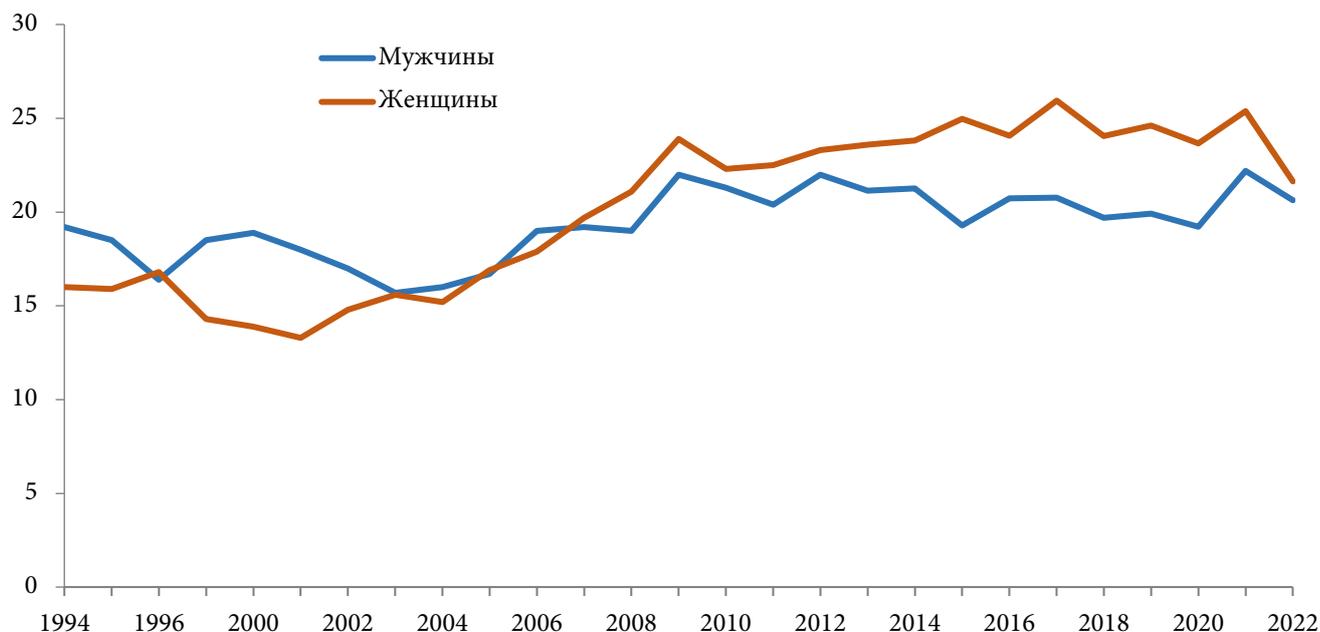

Рис. 15. Для работающих пенсионеров, 1994–2022 гг., в %

Из данных рисунка 15 видно, что в 2020 г. под влиянием пандемийных ограничений снизилась доля занятых как среди мужчин, так и среди женщин, получающих пенсию. В 2021 г. последовало такое же синхронное восстановительное увеличение данных показателей, но в 2022 г. они опять упали. Если среди мужчин-пенсионеров доля занятых с 2020 по 2021 г. увеличилась с 19,2% до максимальных за все время наблюдений 22,2%, то в 2022 г. она снизилась до 20,6%. Среди женщин, получающих пенсию, вслед за увеличением доли занятых с 23,7% в 2020 г. до 25,4% в 2021 г., т. е. до одного из самых высоких значений, в 2022 г. последовало сокращение данного показателя до 21,6%.

Для более полной характеристики анализируемой картины отметим, что, согласно данным Росстата, в 2022 г. наблюдалось дальнейшее сокращение рабочей силы. На декабрь 2022 г. численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше оценивалась в 74,9 млн человек, тогда как год назад – в декабре 2021-го – в 75,7 млн человек. То есть только за год численность потенциальной рабочей силы сократилась на 800 тыс. человек. В декабре 2022 г. число занятых в экономике оценивалось в 72,1 млн человек, а год назад – в 72,5 млн, то есть за год их число сократилось на 400 тыс. человек. Численность трудовых кадров сокращалась на фоне общего снижения численности населения. За 11 месяцев 2022 г. численность населения сократилась на 544,2 тыс. человек, или на 0,37%; годом ранее численность населения сократилась более чем на 573 тыс. человек. Среди основных факторов сокращения численности населения – его естественная убыль и миграционный отток. За 11 месяцев 2022 г. число мигрантов, переселившихся в пределах России, сократилось на 194,6 тыс. человек, или на 5,9%, – по сравнению с годом ранее. В 2022 г. уровень безработицы составил 3,7%, в то время как за аналогичный период прошлого года этот показатель был равен 4,3%. Число безработных сократилось на 445 тыс. человек, т. е. на 13,8%. В 2022 г. показатель безработицы оказался на историческом минимуме за период наблюдений с 1991 г. Среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин составила 48,2%. Уровень безработицы женщин совпал с уровнем безработицы мужчин (3,7%).

Таким образом, в 2022 г. российский рынок труда пережил сразу несколько шоков, но наибольший вклад в ситуацию на рынке труда внес системный фактор ухудшения демографических показателей вследствие «ямы» девяностых годов прошлого века, тогда как частичная мобилизация и эмиграция стали вторичными факторами, которые усилили уже имеющийся эффект. В определенной мере продолжали сказываться тяжелые последствия пандемии коронавируса. Однако острого кризиса все же удалось избежать: был зафиксирован крайне низкий уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин.

Проблема долгов по заработной была тревожной лишь для небольшой части работающих россиян. После снижения в предыдущем году, в 2022 г. был выявлен рост долговременной безработицы за счет увеличения краткосрочной и среднесрочной. Отмечено также, следовавшее за увеличением годом ранее, очередное увеличение показателя участия в рабочей силе как мужчин, так и женщин. После предыдущего роста выявлено практически синхронное сокращение доли работающих среди получающих пенсию мужчин и женщин, которое у мужчин оказалось менее значительным.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В данном разделе представлены результаты очередной волны РМЭЗ НИУ ВШЭ, расширяющие представление об уровне и качестве жизни российских семей. К ним относятся, в частности, сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Анализ данных мониторинга показывает, что проблема задолженности заработной платы уже многие годы актуальна только для небольшой части работников предприятий и организаций. Из рисунка 16 можно увидеть, что на протяжении последнего десятилетия доля работников, которым задерживалась заработная плата, колебалась от 0,6 до 2,8%.

В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля работников, которым задерживалась заработная плата, уменьшилась с 1,8% до минимальных 0,7%, и в 2022 г. не менялась, что не изменило общую картину невыплат заработной платы основным работодателем. В то же время средняя сумма задолженности по заработной плате перед этими работниками, вслед за резким падением в 2020 г. по сравнению с 2019 г. более чем в 1,6 раза — с 58 854 до 35 740 руб., в 2021 г. увеличилась на небольшие 2,4% — до 36 587 руб. Однако в 2022 г. в условиях возросшего дефицита трудовых ресурсов было зафиксировано резкое падение средней суммы задолженности по зарплате в 1,5 раза — до 24 310 руб.

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2022 гг.

В таблице 9 представлены данные мониторинга за 1994–2022 гг. о распределении работников, которым на основном месте работы задерживалась заработная плата, по сроку задолженности.

Таблица 9

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2022 гг.

	Доля не полностью получивших зарплату, в %	Распределение работников по сроку задолженности, в %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. 2022 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994 г.						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	36 873
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	19 018
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	28 378
1998 г.						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	47 510
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	24 441
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	35 445
2000 г.						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	24 736
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	14 728
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	20 436
2004 г.						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	28 387
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	18 837
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	24 178

Продолжение таблицы 9

	Доля не полностью получивших зарплату, в %	Распределение работников по сроку задолженности, в %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. 2022 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
2012 г.						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	48 361
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	34 326
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	43 582
2016 г.						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	51 424
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	29 049
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	42 825
2021 г.						
Мужчины	0,8	68,9	18,6	6,8	5,7	42 091
Женщины	0,4	88,7	0,0	0,0	11,3	24 980
Всего работников	0,6	75,6	12,3	4,5	7,6	36 587
2022 г.						
Мужчины	1,0	88,7	11,3	0,0	0,0	27 354
Женщины	0,5	79,0	21,0	0,0	0,0	17 292
Всего работников	0,7	85,6	14,4	0,0	0,0	24 310

Примечание. Под трудоспособным населением понимаются мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Данные таблицы 9 показывают, что если в 2020 г. наблюдалось снижение сроков задолженности на фоне значительного падения средней суммы долгов по заработной плате, то в 2021 г. снижение сроков задолженности продолжилось, но уже на фоне медленного роста средней суммы долгов по зарплате. Но еще более заметные изменения были выявлены в 2022 г., когда на фоне значительного сокращения средней суммы задолженности наблюдалось не менее существенное сокращение сроков задержек по заработной плате. В 2022 г. сроки всех задолженностей по зарплате не превышали 2 месяцев. Доля работников, которым заработная плата на основной работе задерживалась на срок менее месяца, составила 85,6%, что было намного больше 75,6%, зафиксированных годом ранее.

Как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие сроки, чем мужчинам. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин снизилась с 2,1 до 0,8%, но в 2022 г. повысилась до 1%. В то же время аналогичная доля работников среди женщин снизилась с 1,4% в 2020 г. до 0,4% в 2021 г., т. е. до абсолютного минимума за все время наблюдений, но в 2022 г. минимально увеличилась до 0,5%.

Сокращение сроков задолженности по заработной плате в 2022 г. было зафиксировано как у мужчин, так и у женщин. Среди них не осталось ни одного человека, которому заработная плата задерживалась бы на длительные сроки, – на два-три месяца и более. При этом доля работников, которым заработная плата задерживалась на минимальные 1 месяц и менее, увеличилась среди мужчин-респондентов с 68,9% в 2021 г. до 88,7% в 2022 г. Среди женщин-респондентов аналогичная доля хотя и снизилась за последний год с 88,7 до 79%, оставалась подавляющей. Примечательно и то, что в 2022 г. по сравнению с предыдущим годом размер средней суммы задолженности по заработной плате снизился почти в 1,5 раза как у мужчин (с 42 091 до 27 354 руб.), так и у женщин (с 24 980 до 17 292 руб.).

По данным Росстата, на 1 декабря 2022 г. численность работников, перед которыми имелась просроченная задолженность по заработной плате, составила 13,2 тыс. человек, тогда как на 1 декабря 2021 г. она составляла 18,1 тыс. человек. Суммарная задолженность по заработной плате на 1 декабря 2022 г. составила 1028,8 млн руб. (на 1 декабря 2021 г. – 1257,1 млн руб.). Доля работников обследуемых организаций, перед которыми имелась задолженность по заработной плате, в последние годы постоянно составляла менее 1%.

Но, несмотря все это, проблема задержек заработной платы остается актуальной. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в прошедшем году Правительство РФ дополнило перечень оснований для проведения внеплановых проверок в 2022 г., одним из которых стала невыплата заработной платы (Постановление Правительства РФ от 10 ноября 2022 г. № 2036). Трудовые инспекторы получили право проводить внеплановые проверки в случае поступления от работников обращений (информации) о массовых (более 10 процентов среднесписочной численности или более 10 человек) нарушениях работодателями их трудовых прав, связанных с полной или частичной невыплатой заработной платы свыше одного месяца.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 10 представлены данные мониторинга о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования. Они показывают, что одной из острых и трудно решаемых проблем продолжает оставаться гендерное неравенство, которое не в последнюю очередь выражается в различиях, относящихся к уровню занятости и оплате труда.

Согласно данным мониторинга, представленным в таблице 10, в 2022 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности выросло на значительную величину – с 7,1 п.п (79,4% против 72,3%) до 8,4 п.п. (79,9% против 71,5%). В 2021 г.

оно практически не изменилось, увеличившись незначительно до 8,5 п.п. (80,8% против 72,3%), но в 2022 г. минимально снизилось до прежнего уровня, составляющего 8,4 п.п. (79,7% против 71,3%).

Таблица 10

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), 1994–2022 гг.

Категория дохода	Год проведения исследования						
	1994	1998	2004	2008	2013	2021	2022
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	36,6	31,6	30,9	31,2	32,3	28,9	30,5
Средний размер получаемого дохода	22 656	13 645	24 351	39 296	42 309	42 146	40 645
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	24,8	20,9	32,9	38,4	40,2	43,0	44,8
Средний размер получаемого дохода	28 396	16 993	32 995	46 382	47 668	45 775	43 754
Доход от работы в неформальном секторе, %	12,1	10,0	12,4	9,0	8,6	11,3	6,5
Средний размер получаемого дохода	16 536	7665	17 437	4100	26 136	28 682	20 460
Доход от трудовой деятельности, %	66,2	58,3	72,7	75,9	78,7	80,8	79,7
Средний размер получаемого дохода	26 213	14 783	28 229	42 794	44 574	43 519	41 842
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	41,0	34,4	37,6	37,3	38,1	33,8	35,4
Средний размер получаемого дохода	13 464	8843	14 937	24 831	30 322	30 589	30 658
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	18,6	17,5	26,0	30,2	30,5	32,8	33,5
Средний размер получаемого дохода	18 683	12 680	21 909	34 585	36 972	33 896	33 948
Доход от работы в неформальном секторе, %	7,1	5,9	6,6	5,5	4,6	7,8	4,5
Средний размер получаемого дохода	8155	4191	11 045	20 821	16 835	20 590	14 993
Доход от трудовой деятельности, %	63,1	55,4	67,7	70,3	70,9	72,3	71,3
Средний размер получаемого дохода	15 181	9958	17 764	29 633	33 244	31 866	32 127

Примечание 1. Под трудоспособным населением понимаются мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Примечание 2. Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. 2022 г.

В прошедшем году были продолжены долгосрочные тенденции, демонстрирующие, с некоторыми перепадами, нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях. Если в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля занятых на предприятиях частного сектора или смешанной формы собственности среди мужчин трудоспособного возраста выросла с 42,2 до 43%, то в 2022 г. она увеличилась до 44,8%, не достигнув, однако, макси-

мального значения, зафиксированного в 2019 г., которое тогда составляло 45,2%. Среди женщин аналогичного возраста доля занятых на предприятиях частного сектора или смешанной формы собственности в 2021 г. по сравнению с 2020 г. выросла с 31,4 до 32,8% и затем в 2022 г. — до 33,5%. В целом за 1994–2022 г. доля занятых на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности выросла как среди мужчин, так и среди женщин трудоспособного возраста более чем 1,8 раза.

В то же время доля получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора среди мужчин трудоспособного возраста в 2021 г. по сравнению с 2020 г. выросла с 28,3 до 28,9%, а в 2022 г. — до 30,5%. Среди женщин трудоспособного возраста сокращение данного показателя с 34,5% в 2020 г. до 33,8% в 2021 г. сменилось увеличением до 35,4% в 2022 г. В целом за 1994–2022 гг. доля лиц, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора, практически синхронно упала среди мужчин на 6,1 п.п., тогда как среди женщин — на 5,6 п.п.

Таким образом, в 2022 г. мужчины трудоспособного возраста продолжали существенно опережать женщин трудоспособного возраста по доле получающих доход от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности. В то же время женщины превосходили, но менее значительно, мужчин по доле получающих доход от работы на государственных предприятиях.

Как и прежде значительным является преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле респондентов, получающих какой-либо доход от работы в неформальном секторе. Но в 2022 г. было отмечено резкое падение данного показателя как у мужчин, так и у женщин. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля таких работников среди респондентов-мужчин трудоспособного возраста минимально уменьшилась с 11,3 до 11,2%, то в 2021 г. она опять увеличилась до прежних 11,3%. Однако в 2022 г. было отмечено ее стремительное сокращение в 1,7 раза — до 6,5%. Не менее значительно в эти годы менялась также доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. Эта доля уменьшилась с 6,8% в 2019 г. до 7,2% в 2020 г., но затем увеличилась до 7,8% в 2021 г. Вместе с тем в 2022 г. она упала более чем в 1,7 раза — до 4,5%. Дистанция между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по данному показателю за 2018–2022 гг. сократилась вдвое — с 4,9 до 2 п.п.

Длительное время российские женщины в среднем получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. Если в 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 76,4% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, то в 2021 г. данный показатель снизился до 73,2%, а в 2022 г. опять увеличился — до 76,8%. У мужчин, для которых источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 4,6%, но в 2022 г. вновь снизился на 3,9%. У женщин увеличение среднего размера получаемого дохода в 2021 г. составило всего лишь 0,3%, а в 2022 г. — еще 0,8%.

В последние годы различия в заработках между мужчинами и женщинами, занятыми на предприятиях частного сектора и на государственных предприятиях, меняются очень медленно и непоследовательно. Так, в 2022 г. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешан-

ной формы собственности, получаемого женщинами трудоспособного возраста, составил около 78% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, что было заметно больше 73% в 2021 г. и немного больше, чем 76%, зафиксированных в 2020 г. В то же время на предприятиях государственного сектора этот показатель снизился с 77% в 2020 г. до 74% в 2021 г., но в 2022 г. вырос до 75%. Что касается неформального сектора, то в 2020 г. средний размер дохода, получаемого от работы в данном секторе, составлял у женщин около 73% от соответствующего дохода мужчин. В 2021 г. было выявлено незначительное снижение этого показателя до 72%, а в 2022 г. — такое же небольшое увеличение до прежних 73%.

К основным причинам рассмотренного неравенства в заработках между мужчинами и женщинами чаще всего относят зарплатные издержки, обусловленные материнством, а также доминирование мужчин в крупных компаниях. Так, с одной стороны, из-за того, что у работодателей широко распространено мнение о том, что приоритетом матерей является семья, а не работа, женщин реже берут на престижную и высокооплачиваемую работу, неохотно продвигают по службе и реже повышают им заработную плату. С другой стороны, женщины зачастую менее амбициозны, чем мужчины, и сами выбирают более гибкие и менее оплачиваемые карьерные направления. Если у женщин ведущее место среди карьерных приоритетов чаще занимают личные предпочтения, а не размер заработной платы, то мужчины проявляют большую настойчивость, когда дело касается оплаты их труда. Значительный вклад в углубление гендерного разрыва вносит отраслевая и профессиональная сегрегация, то есть неравномерное распределение мужчин и женщин по видам экономической деятельности и профессионально-квалификационным группам. Мужчины доминируют на крупных предприятиях, где заработки выше, тогда как женщины — на малых и микропредприятиях, что способствует увеличению гендерного неравенства. Имеет значение также более высокая готовность мужчин к рискам на рабочем месте по сравнению с женщинами, которые чаще вознаграждаются более высоким уровнем заработной платы. Менее существенными являются факторы, способствующие снижению гендерного неравенства. Снижению уровня гендерной сегрегации и уменьшению различий в оплате труда мужчин и женщин способствует, например, расширение сферы обслуживания и ИТ-технологий.

Дальнейший анализ данных мониторинга показал, что в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом заработки на государственных предприятиях у мужчин увеличились на 2,3%, но в 2022 г. снизились на 3,6%. В то же время у женщин эти доходы в 2021 г. упали на 3%, тогда как в 2022 г. приподнялись, но всего лишь на 0,2%. Средний размер дохода от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности у мужчин, после увеличения в 2021 г. на 3,9%, в 2022 г. сократился на 4,6%. У женщин, после соответствующего относительно небольшого роста дохода от этого источника в 2021 г. на 1,4%, последовал еще менее заметный рост, составивший 0,2%. Более значительными оказались изменения в уровне доходов мужчин и женщин трудоспособного возраста от работы в неформальном секторе. Если у мужчин этот доход, после падения в 2020 г. на 22%, в 2021 г. вырос на 9,4%, то у женщин, вслед за снижением в 2020 г. на 26%, в 2021 г. вырос на 7,5%. Однако в 2022 г. данный показатель еще раз стремительно обвалился как у мужчин, так и у женщин в 1,4 раза.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рисунке 17 представлены данные мониторинга, демонстрирующие динамику среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с 1994 г.

Рис. 17. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1994–2022 гг., в %

Анализ данных рисунка показывает, что если на протяжении многих лет проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в России не относилась к категории беспокойных, то начиная с 2019 г. ее чувствительность стала постепенно повышаться. Так, среди мужчин-пенсионеров доля лиц, не получивших пенсию за последний месяц, с 2018 по 2022 г. последовательно выросла с 1,5 до 9,2%, в том числе за последний год на 1 п.п. Среди женщин-пенсионеров доля таких респондентов за этот же период выросла с 1,4 до 6,1%, но при этом за последний год она снизилась на 0,6 п.п.

Из рисунка 17 можно также увидеть, что в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом средний размер ежемесячной пенсии для мужчин-пенсионеров уменьшился на 1,8% (с 21 734 до 21 346 руб.), а в 2022 г. — на 1% (до 20 927 руб.). В то же время у женщин-пенсионеров сокращение среднего размера ежемесячной пенсии в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 1,8% (с 19 590 до 19 236 руб.) в 2022 г. сменилось увеличением на 1,6% (до 19 543 руб.).

С 1 января 2022 г. пенсии неработающих пенсионеров были проиндексированы на 5,9%. Однако в связи с тем, что фактическая инфляция по итогам 2021 г. составила 8,4%, страховые пенсии по старости были доиндексированы до 8,6% после соответствующих корректировок законодательства. В дальнейшем в условиях высокой инфляции 2022 г. для того, чтобы поддержать доходы пожилых граждан с учетом роста цен, было принято решение провести поэтапное повышение пенсий. С 1 июня

страховые и социальные пенсии были проиндексированы на 10%, а затем – с 1 января – еще на 4,8%, что обеспечило прибавку пенсии в среднем в размере тысячи рублей. Таким образом, суммарное повышение страховых пенсий за год превысило 15%, что было больше уровня инфляции 2022 г. В начале 2022 г. средний размер выплаты неработающим пенсионерам составлял 19 017 руб. В декабре 2022 г., после июньской индексации, он составил 20 864 руб., а в январе 2023 г. достиг 21 864 руб. Средний размер страховой пенсии по старости в декабре 2022 г. составил 19 808 руб.

В 2022 г., как и во все предыдущие годы, средний размер пенсии женщин-пенсионеров оказался ниже, чем у мужчин-пенсионеров. В 2021 г. средний размер пенсии для женщин составлял около 90% от среднего размера пенсии для мужчин, тогда как в 2022 г. – около 93%.

Отставание женщин-пенсионеров от мужчин-пенсионеров по уровню пенсионного обеспечения во многом связано как с более низкими заработками женщин, меньшим периодом уплаты страховых взносов, так и с наличием разницы в возрасте выхода на пенсию между мужчинами и женщинами. Поскольку размер пенсии зависит от трудового стажа, женщины оказываются в невыгодной ситуации по сравнению с мужчинами. Но хотя для России проблема гендерных различий в размерах пенсионных выплат весьма актуальна, в настоящее время эти различия сравнительно невелики.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 11 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, за 1995–2022 гг. Они, в частности, показывают, что в 2022 г. прервалось длительное сокращение доли домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в 2020 г. доля домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, составляла 5,8%, то в 2021 г. она сократилась до минимальных 4,4%. Однако в 2022 г. впервые за последние годы был отмечен ее рост до 4,7%.

Как и прежде, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста гораздо чаще попадают в разряд должников, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. Но в то же время домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста чаще оказываются должниками, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами аналогичного возраста. Эта закономерность была нарушена только один раз в 2020 г.

В 2021 г. по сравнению с предыдущим годом доля должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста сократилась с 8,3 до 5,9%, но в 2022 г. увеличилась до 6,1%. В то же время среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста доля должников в 2021 г. по сравнению с 2020 г. уменьшилась с 6,3 до 6,1%, но в 2022 г. увеличилась до 7,6%. Что касается домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, то доля должников среди них, после сокращения с 1,6% в 2020 г. до 1,2% в 2021 г., в 2022 г. опять увеличилась до 1,6%. Доля должников среди домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста многие годы менялась очень мало. В 2021 г. по сравнению с предыдущим годом она увеличилась с 2 до 2,3% и в 2022 г. составила 2,2%.

Таблица 11

**Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате
и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2022 гг.**

	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)	3538	3824	3701	1708	1323
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1912	2243	1894	1250	1151
1998 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)	6909	7928	6619	2954	1916
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1957	2451	1912	1178	1028
2004 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)	15 258	16 767	15 014	2523	4675
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	3878	4684	3887	2596	2120
2014 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)	25 628	25 687	26 901	7362	34 639
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	6483	7375	7004	5192	4698
2020 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	5,8	8,3	6,3	1,6	2,0
Сумма задолженности (если есть)	33112	31672	39482	53064	25361
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	5545	6098	6297	4657	4399

Продолжение таблицы 11

	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
2021 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	4,4	5,9	6,1	1,2	2,3
Сумма задолженности (если есть)	38 125	41 595	34 113	26 694	25 130
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	5441	6045	6023	4691	4333
2022 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	4,7	6,1	7,6	1,6	2,2
Сумма задолженности (если есть)	35 314	35 133	39 736	10 066	39 337
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	5296	5998	5704	4349	4168

Примечание. Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2022 г.

Если в 2021 г. самый низкий показатель задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг был у домохозяйств-должников, возглавляемых женщинами-пенсионерами, то в 2022 г. — у домохозяйств-должников во главе с мужчинами-пенсионерами. Примечательно, что в 2021 г. самой высокой данная задолженность была у домохозяйств-должников во главе с мужчиной трудоспособного возраста, тогда как в 2022 г. — у домохозяйств-должников во главе с женщиной трудоспособного возраста. В 2022 г. средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг у домохозяйств, возглавляемых женщиной трудоспособного возраста, была примерно такой же, как и у домохозяйств, возглавляемых женщиной пенсионного возраста, и в 4 раза больше, чем у домохозяйств во главе с мужчиной-пенсионером.

В 2022 г., после снижения годом ранее, вновь снизилась долговая нагрузка на домохозяйства по содержанию жилья. Так, если в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг вырос на 15%, то в 2022 г. упал на 7,4%. При этом у домохозяйств-должников во главе с мужчинами трудоспособного возраста средняя сумма этой задолженности в 2021 г. выросла почти на треть, но в 2022 г. снизилась на 15,5%. В то же время у домохозяйств-должников во главе с женщинами трудоспособного возраста, после снижения в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом на 13,6%, в 2022 г. было отмечено увеличение средней суммы задолженности на 16,5%. Что касается домохозяйств-должников, которые возглавляли женщины пенсионного возраста, то, после минимального сокращения в 2021 г. на 1%, в 2022 г. данный

показатель стремительно вырос более чем в 1,5 раза. И наконец, у домохозяйств-должников, во главе которых стояли мужчины пенсионного возраста, средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом упала в 2 раза, а в 2022 г. еще в 3,7 раза.

Исследование выявило также в 2022 г. небольшое снижение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги, которое последовало после еще меньшего сокращения данного показателя в предыдущем году. Если в 2021 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги уменьшилась на 1,9%, то в 2022 г. — на 2,7%. В 2022 г., как и годом ранее, домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели намного больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

Примечательно, что указанные изменения происходили на фоне роста соответствующих тарифов. В 2022 г. тарифы жилищно-коммунального хозяйства повышали два раза: в июле в среднем на 4%, с декабря — еще на 9% (правительство перенесло индексацию тарифов с 1 июля 2023 г. на 1 декабря 2022 г.), то есть тарифы декабря отличались от тарифов июня на 13,4%, в среднем за год их рост составил 10,7% при общей инфляции 11,9%. Внеплановая индексация при сохраняющемся невысоком уровне качества услуг ведет к снижению платежной дисциплины граждан и дальнейшему росту долгов за жилищно-коммунальные услуги. Смягчает ситуацию для бедных семей наличие довольно широкого спектра мер поддержки граждан в части оплаты коммунальных услуг. Субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг получают более 2 млн человек. Отдельные категории граждан, среди которых многодетные, пенсионеры, ветераны, участники боевых действий, могут получить компенсации расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг.

Сокращение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги при росте тарифов жилищно-коммунального хозяйства может говорить о том, что потребители не в состоянии полностью оплачивать предоставляемые им услуги. А то, что не все потребители справляются с увеличением платы за коммунальные услуги, в свою очередь приводит к сокращению собираемости платежей.

В 2021 г. расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, на 0,4% превышали аналогичные расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, тогда как в 2022 г. — на 5,1%. В 2020 г. домохозяйства, возглавляемые мужчинами пенсионного возраста, тратили на эти цели почти на 5,9% больше, чем домохозяйства во главе с женщинами пенсионного возраста. В 2021 г. это превышение увеличилось до 8,3%, но в 2022 г. составило около 4,3%.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

Черезвычайно важных и травмирующих событий 2022 г. повлияла не только на условия жизни россиян, но и на их социальное самочувствие. Люди оказались восприимчивыми к таким серьезным событиям, многие стали осознавать,

что их жизнь уже не будет такой, как прежде. Наиболее тяжелыми потрясениями, сопровождавшимися колоссальным стрессом, стали начало специальной военной операции и объявление частичной мобилизации, которые спровоцировали обвал практически всех оценок текущей ситуации. После начала этих событий был отмечен резкий и наиболее существенный рост тревожности населения из-за стремительно возросшей неопределенности, расширения и обострения угроз и опасностей.

Однако уже к концу года, по мере привыкания к новой обстановке, настроения россиян начали постепенно улучшаться, а показатели тревожности стали возвращаться к прежнему уровню. В определенной мере это свидетельствовало об усилении процесса консолидации общества на фоне возросшего внешнего давления. Значительную поддержку социальному самочувствию оказали принятые в последние годы меры по социальной поддержке населения, включая меры по реализации льгот и выплате пособий, повышению МРОТ, по обеспечению социальных гарантий для семей с детьми, по выплате материнского капитала. Эффективными в глазах россиян оказались ответные меры на такие ключевые вызовы последних лет, как пандемия коронавируса и антироссийские санкции, которые позволили сохранить экономическую и социальную стабильность. Пандемия коронавируса, оставшаяся главным событием на протяжении предыдущих двух лет, в 2022 г. отступила на второй план. Но в то же время людей продолжали беспокоить такие наболевшие проблемы, как постоянный и значительный рост цен, безработица, отсутствие стабильных зарплат, низкий уровень медицинских и образовательных услуг.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ не выявил в конце 2022 г. по сравнению с тем же периодом 2021 г. значительных изменений в уровне социального самочувствия россиян. В ответах, характеризующих личные ощущения респондентов, не было замечено резких сдвигов в соотношении оптимистических и пессимистических настроений. Несмотря на трудности и повороты, которым был ознаменован 2022 г. для страны, россияне провозжали его в целом с достаточно позитивными настроениями. Как следует из таблицы 12, доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, после поступательного сокращения в 2021 г. по сравнению с 2019 г. с 52 до 50,6%, к концу 2022 г. увеличилась до 51,9%, возвратившись на прежний уровень. Обращает на себя внимание и тот факт, что доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью в целом, за последний год выросла на 1,2 п.п. — с 7 до 8,2%.

Одновременно доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью, после сокращения за 2020–2021 гг. с 23,2 до 21,9%, к концу 2022 г. снизилась до 20,7%, опустившись до минимального уровня за все время наблюдений. При этом доля «совсем неудовлетворенных» упала до минимальных 5%. Эти люди в наибольшей степени были подвержены тревоге, фрустрации, эмоциональному выгоранию. Большинству из них, постоянно живущих в напряжении и ожидании новых «черных лебедей», 2022 г. казался намного труднее предыдущих. В то же время доля респондентов, выражающих половинчатое мнение «и да, и нет», вслед за повышением с 25,9% в 2020 г. до 26,8% в 2021 г., к концу 2022 г. снизилась до 26,4%. По сравнению с 2021 г. превышение доли позитивных ответов над негативными увеличилось с 2,3 до 2,5 раза.

Таблица 12

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2022 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования													
	1994	1998	2000	2002	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	7,8	7,5	7,2	7,0	8,2
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	40,3	42,1	43,8	43,6	43,7
И да, и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	24,7	25,3	25,9	26,8	26,4
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,6	18,4	16,9	16,2	15,7
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	6,3	5,5	5,7	5,0
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,5	0,4	0,7	0,7	1,0

В 2022 г. огромное недовольство у россиян продолжали вызывать материальные проблемы их семей. В связи с этим позитивные настроения, характеризующиеся довольно высоким уровнем удовлетворенности своей жизнью в целом, можно объяснить тем, что многие россияне смирились со своим плохим или неважным уровнем материальной обеспеченности. Сравнивая свое материальное положение с тем, что происходит вокруг них (тяжелое положение в экономике и социальной сфере, спецоперация и беспрецедентное санкционное давление), они так или иначе приходили к выводу, что в таких условиях нет смысла требовать больше того, что у них уже имеется. Приходится мириться со сложившейся ситуацией и довольствоваться малым.

Как следует из данных, представленных на рисунке 18¹, за последний год уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением немного повысился. Это повышение можно объяснить несколькими причинами, в том числе отсутствием сильных колебаний в экономике, которые обычно вызывают резкие изменения в доходах и настроениях населения, возросшей помощью семьям со стороны государства, развитием параллельного импорта, адаптацией бизнеса и населения к изменившимся условиям.

Если в конце 2021 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась с 23,6 до 22,4%, то в конце 2022 г. она увеличилась до 23,7%. Удельный вес тех, кто были полностью довольны материальной стороной своей жизни, увеличился за последний год с 2,7 до 3,2%. Но еще более значительно выросла за последний год доля респондентов, выбравших ответ «и да, и нет», — с 22,4% в 2021 г. до максимальных 26,2% в 2022 г., т. е. на относительно немалые 3,8 п.п.

В то же время доля респондентов, которые были не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены своим материальным положением, после сокращения с 56,2% в конце 2019 г. до 55,2% в конце 2021 г., осенью 2022 г. резко упала до

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

50,1%, т. е. на 5,1 п.п. Такой низкой эта доля не была никогда прежде. В 2022 г. не менее стремительно упала также доля респондентов, выражающих крайнюю степень недовольства уровнем собственной материальной обеспеченности, – с 22,6% до минимальных 18,4%, т. е. на 4,2 п.п. Таким образом, в 2022 г. число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, превышало число довольных материальной стороной своей жизни в 2,1 раза, что было существенно меньше 2,5 раза, зафиксированных в предыдущем году.

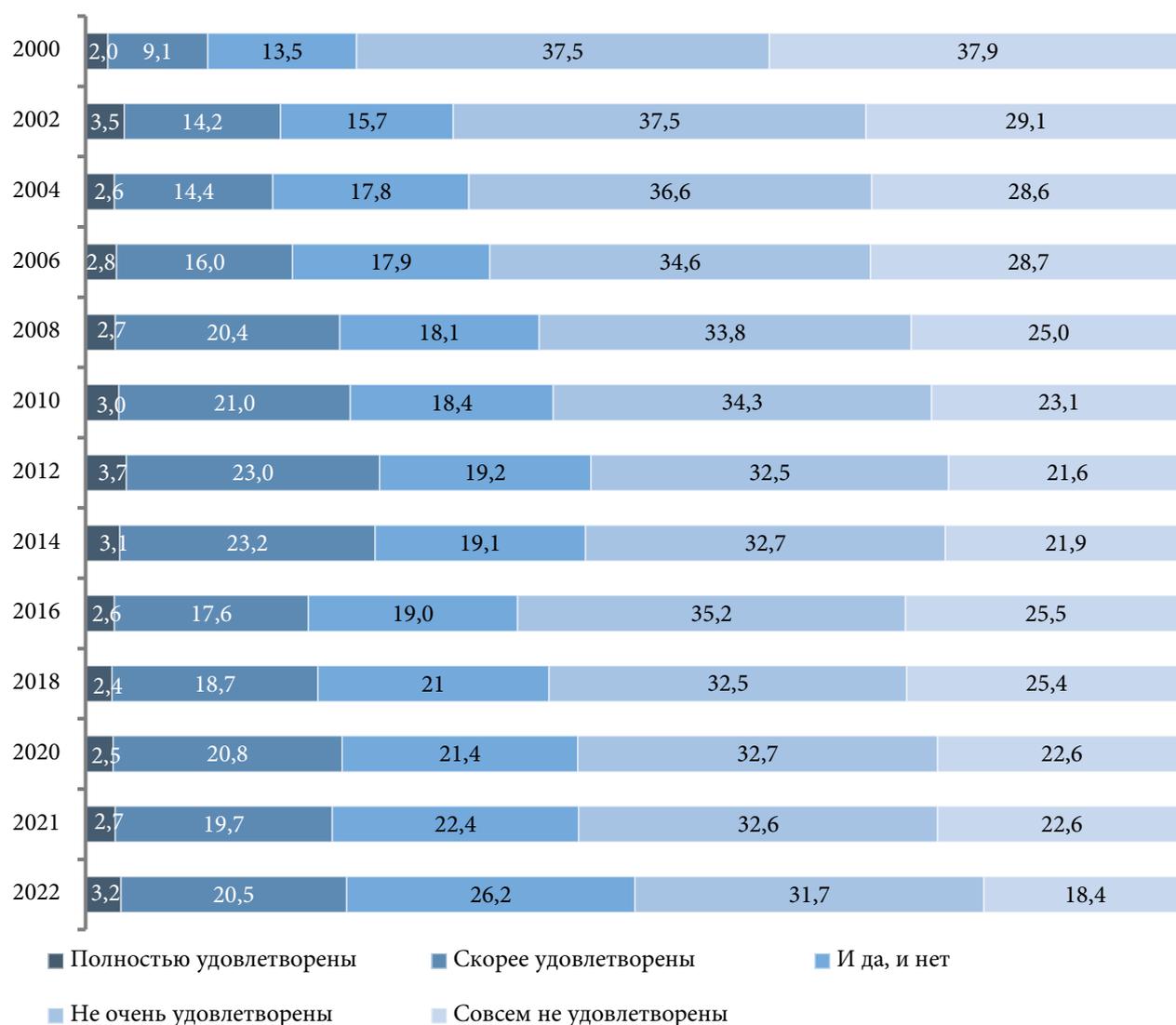

Рис. 18. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2022 гг., в %

Одним из чувствительных индикаторов, характеризующих динамику социального самочувствия населения, является оценка респондентами изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу¹. Анализ данных мониторинга показал, что до 2021 г. эта динамика носила четко выраженный негативный характер, а ее темпы были одними из самых высоких. Однако в 2021–2022 гг., несмотря на сохраняющийся низкий уровень удовлетворенности своим материальным положением, негативный тренд был прерван.

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

Как видно из рисунка 19, если с конца 2020 по конец 2021 г. удельный вес респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей, увеличился с 11,9 до 16,1%, то к концу 2022 г. он немного уменьшился – до 15%. При этом доля тех, кто почувствовал значительное улучшение, составляла в эти годы всего лишь около 1%. В то же время доля респондентов, которые указали на ухудшение материального положения своих семей за последние 12 месяцев, после сокращения с 28,8% в 2020 г. до 24,3% в 2021 г., т. е. до уровня 2018 г., в 2022 г. практически не изменилась, составив 24,5%. Характерно, что за эти два года доля лиц, отметивших значительное ухудшение материального положения своих семей, последовательно снизилась с 7,4 до 5,6%.

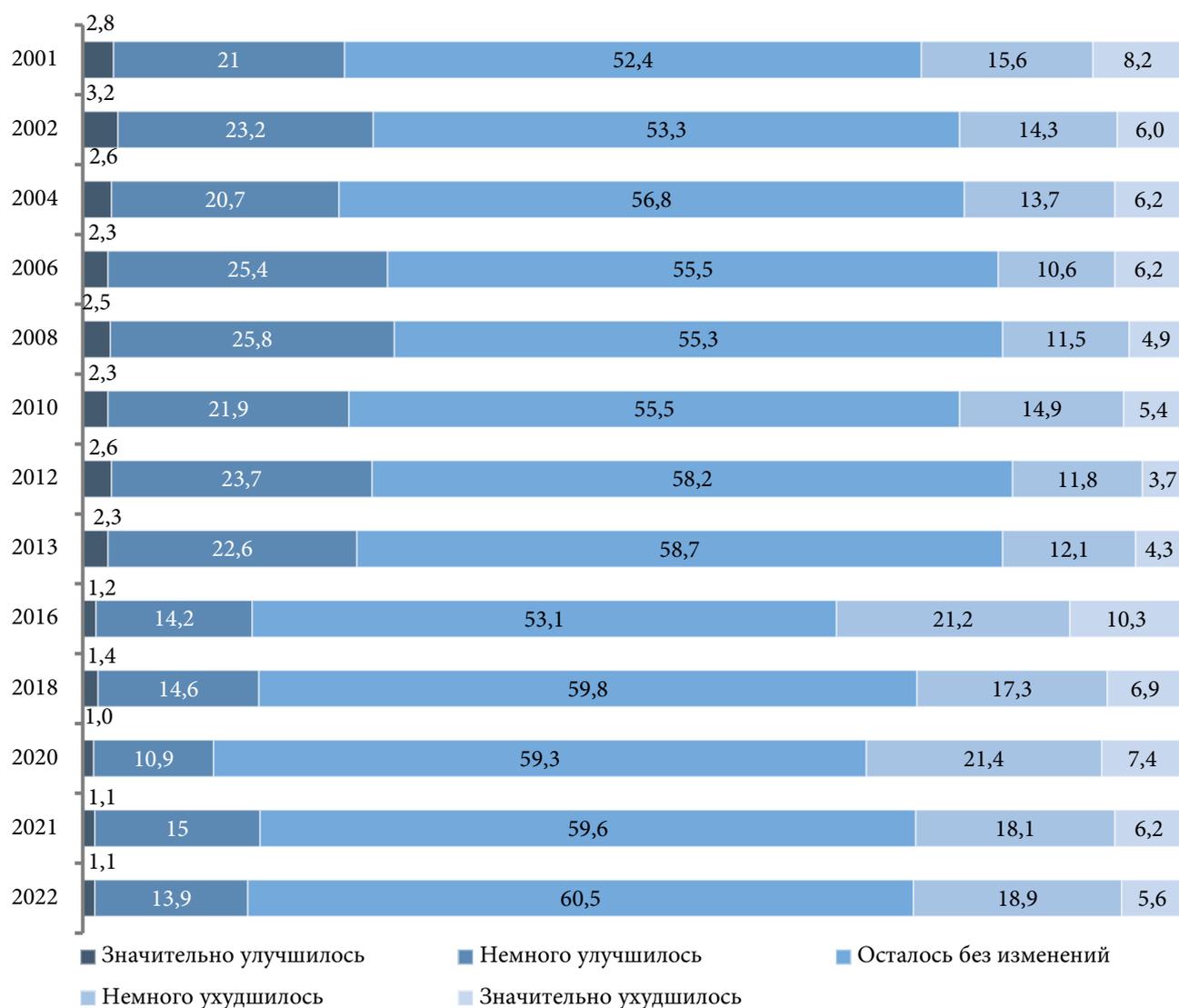

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2022 гг., в %

Как и прежде, наиболее значительной продолжает оставаться доля респондентов, которые так и не смогли за прошедший год увидеть какие-либо изменения в уровне материальной обеспеченности своих семей. Если в конце 2021 г. по сравнению с тем же периодом 2020 г. доля таких респондентов увеличилась с 59,3 до 59,6%, то к концу 2022 г. она увеличилась до 60,5%. В результате этого

повышения, составившего в целом 1,2 п.п., доля указанных респондентов достигла максимального значения, начиная с 2001 г., т. е. со времени, когда начал задаваться соответствующий вопрос.

В РМЭЗ НИУ ВШЭ самоопределение респондентов в социальном пространстве осуществляется в трех измерениях — по девятиступенчатым шкалам материального благосостояния («бедные» — «богатые»), власти («совсем бесправные» — «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» — «очень уважают»). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее — статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения. В ходе анализа рассматриваются три иерархических уровня, объединяющие по три ступени указанных шкал: нижний, средний и верхний.

Из данных мониторинга, приведенных в таблице 13¹, видно, что в последние годы самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, были подвержены небольшим колебаниям. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля наименее обеспеченных респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась с 38,7 до 36,9%. Одновременно доля самых богатых лиц, занимающих три верхние ступени шкалы, увеличилась с 4,2 до 5,4%. В среднем сегменте был отмечен небольшой рост с 57,1 до 57,7%.

Таблица 13

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2022 гг., в % от ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Нижшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Продолжение таблицы 13

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0
2018	4,0	11,3	24,1	24,0	22,0	9,5	4,3	0,7	0,1
2019	3,8	11,1	24,0	24,2	22,7	10,0	3,6	0,5	0,1
2020	3,1	10,0	24,0	26,6	22,7	9,7	3,3	0,5	0,1
2021	3,7	11,2	23,8	25,7	22,3	9,1	3,6	0,5	0,1
2022	3,4	10,8	22,7	26,6	22,5	8,6	4,3	0,8	0,3

В последние годы выявлены минимальные колебания средних самооценок положения респондентов на шкале материального благосостояния. Причем за последний год этот показатель увеличился, но совершенно незначительно. С 2018 по 2019 г. средняя самооценка уменьшилась с 4,0 до 3,98, но затем так же несущественно увеличилась до 4,02 в 2020 г. Далее было отмечено новое едва заметное снижение до 4,0 в 2021 г. и увеличение до 4,03 в 2022 г. Этот рост за последний год может свидетельствовать о небольшом уменьшении материального неравенства, основанного на самооценках уровня материального благосостояния респондентов.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния, власти и уважения, полученные в 2021 и 2022 гг., отражены на рисунках 20 и 21.

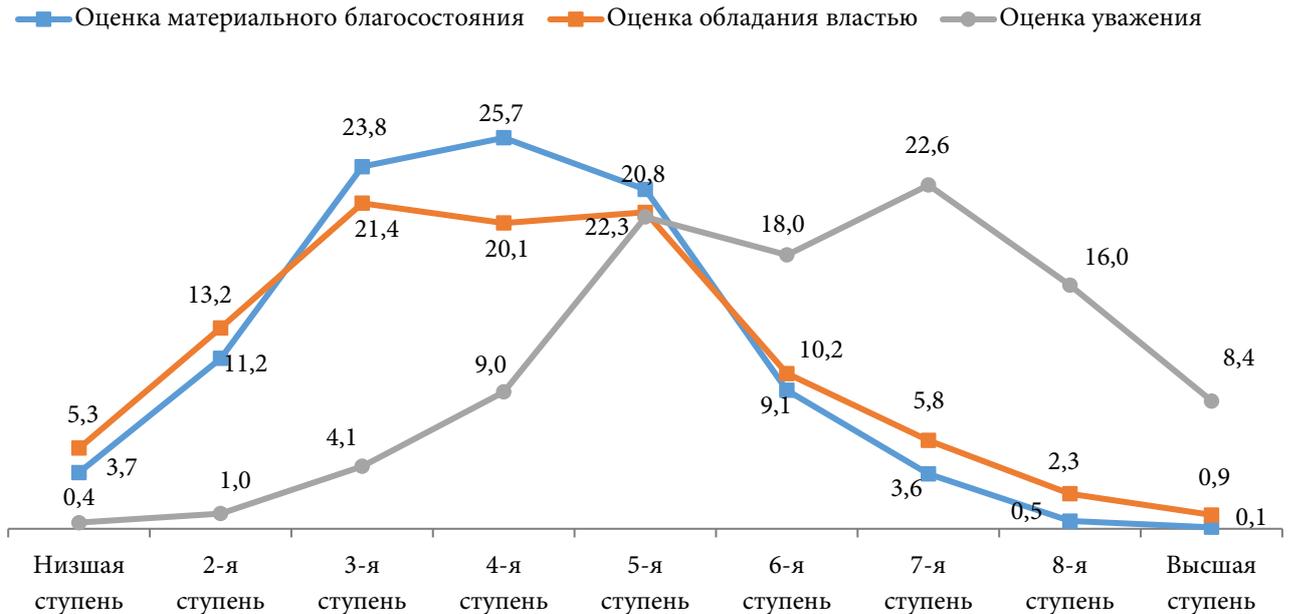

Рис. 20. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2021 г., в % от ответивших

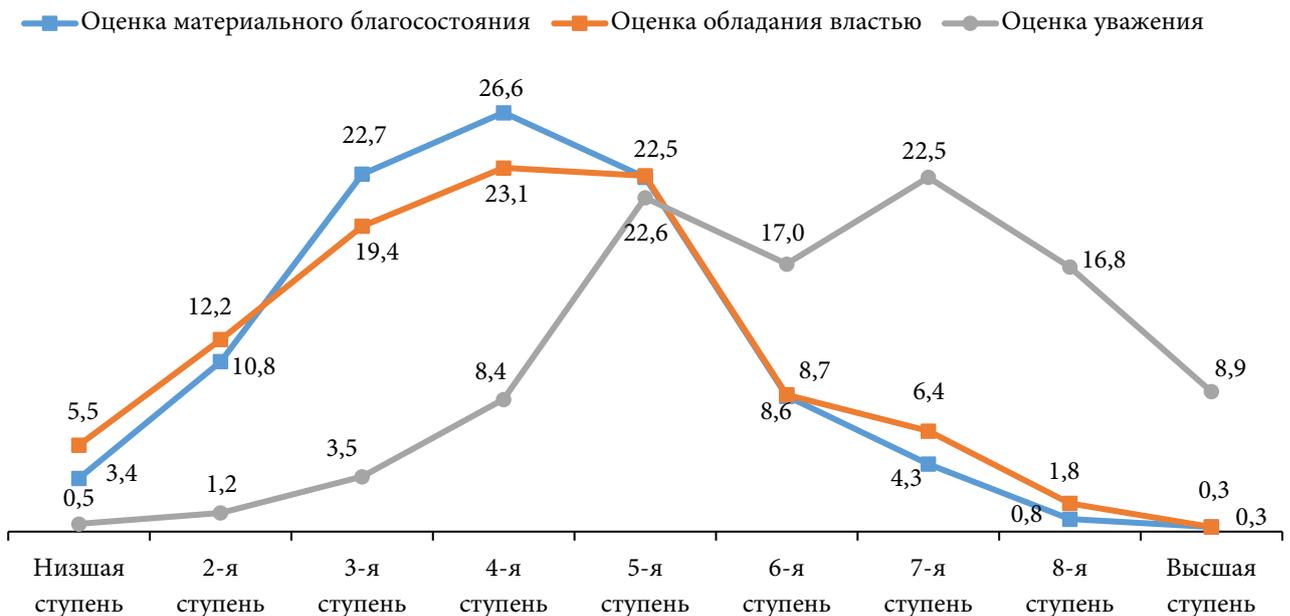

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2022 г., в % от ответивших

Сравнительный анализ этих данных показывает, что в анализируемой структуре за последний год произошли крайне незначительные сдвиги. Как отмечено выше, средняя самооценка положения респондентов на шкале богатства (материального благосостояния) за последний год увеличилась несущественно. В то же время средняя самооценка положения респондентов на шкале власти, после роста в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 4,03 до 4,20, в 2021 г., уменьшилась до 4,08 и в 2022 г. не изменилась. Средняя самооценка положения респондентов на шкале уважения снизилась с 6,32 в 2019 г. до 6,24 в 2020 г. В 2021 г. она практически не изменилась, сократившись до 6,23, а в 2022 г. увеличилась до 6,27.

Об особенностях социального самочувствия россиян свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (табл. 14).

Таблица 14

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2022 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования													
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	2,1	1,3	1,5	2,4
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	17,5	14,6	14,4	13,5
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	49,5	50,2	50,6	46,1
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	9,2	9,3	10,0	12,3
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,1	3,7	4,2	3,8
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	17,6	20,9	19,3	21,9

Анализ полученных данных выявил в 2022 г. небольшие негативные изменения в уровне обеспокоенности населения своим будущим, о чем свидетельствуют характерные сдвиги в оценках респондентов относительно своих личных и семейных жизненных перспектив. В ситуации, в которой люди практически не получали сигналов позитивного уровня, большинство россиян ничего хорошего в следующем году не ожидали. Многим людям было крайне сложно строить какие-либо осмысленные планы, поскольку, во-первых, неопределенность не только на снижалась, а периодически нарастала, во-вторых, возникало все больше текущих проблем, которые требовали немедленного и адекватного реагирования.

Как следует из таблицы 14, доля респондентов, полагающих, что в следующем году они будут жить намного или немного лучше, на протяжении последних трех лет не менялась, составляя 15,9%. Но в то же время за последний год заметно уменьшилась доля лиц, которые не ожидали каких-либо изменений в свой жизни и жизни своих семей. С конца 2021 г. по тот же период 2022 г. доля таких респондентов упала с 50,6 до 46,1%. Это снижение произошло как за счет увеличения количества респондентов, негативно оценивающих перспективы своей жизни, так и за счет тех, кто затруднился выразить определенное мнение в силу неясности своего настоящего и будущего. Так, за прошедший год доля респондентов, считающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного хуже, увеличилась с 14,2 до 16,1%. В то же время доля лиц, которые не определились с ответом, поднялась на 2,6 п.п. – с 19,3% в 2021 г. до 21,9% в 2022 г.

За последний год практически не изменился уровень обеспокоенности опрошенных россиян возможностями материального обеспечения себя и своей семьи в ближайшем будущем. В этом убеждают данные, представленные в таблице

15, которые включают обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?».

Таблица 15

Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2022 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования													
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	32,2	32,9	29,9	29,9
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	35,2	33,0	33,2	33,2
И да, и нет	7,8	6,3	10,7	11,1	11,8	11,0	1,8	12,1	11,4	12,9	13,4	14,3	15,3	16,1
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,5	14,3	15,5	14,3
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	5,7	5,5	6,1	6,5

Так, в конце 2022 г., как и годом ранее, доля респондентов, обеспокоенных трудностями материального обеспечения в ближайшем будущем, составила 63,1%. Характерно, что при этом неизменными остались доли лиц, которые были очень обеспокоены или немного обеспокоены этой проблемой, – 29,9 и 33,2% соответственно. Доля тех, кого совсем не беспокоила или практически не беспокоила проблема обеспечения себя и своей семьи самым необходимым в следующем году, уменьшилась с 21,6% в конце 2021 г. до 20,8% в конце 2022 г. И немного увеличилась доля респондентов, ответивших «и да, и нет», – с 15,3% в конце 2021 г. до 16,1% в конце 2022 г.

Таким образом, в 2022 г. в стране сохранялась непростая ситуация, складывающаяся под влиянием экстремальных событий, что неизбежно сказывалось на настроениях российских граждан. К главным факторам, создававшим тревожный фон, можно отнести прежде всего проведение специальной военной операции на Украине и возросшую неопределенность в экономике. Проблемы бедности, безработицы, коронавируса хотя и отошли на второй план под давлением экстремальных обстоятельств, но тоже продолжали тревожить население. Нарастала усталость от инфляции и потока санкций. Но в то же самое время немалая часть граждан, для большинства которых были характерны весьма скромные запросы, сохраняла оптимизм. Существенную роль в поддержке оптимизма сыграли возросшая социальная поддержка со стороны государства, в том числе адресная помощь наиболее уязвимым слоям населения, общение с близкими людьми, сосредоточенность на решении бытовых проблем. И в то же время у многих респондентов присутствовала невысокая оценка текущей ситуации с точки зрения материального положения семьи. Сохранилась неослабевающая тревожность в плане экономических ожиданий. Но в целом большинство россиян не ждали каких-либо резких изменений в своей жизни ни в худшую, ни в лучшую сторону.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

Богатый на шокирующие события 2022 г. оказался чрезвычайно нестабильным и вихревым для российской экономики в целом, но не особенно нервным и тревожным для рынка труда. Несмотря на влияние различных стрессовых факторов, характер занятости большинства работников остался без изменений, а многие работодатели не стремились минимизировать трудовые издержки. Значительная часть населения продолжала работать в том же режиме и с тем же уровнем заработных плат. Часть предприятий, в первую очередь зарубежных, были вынуждены приостановить свою деятельность или полностью уйти из России, но они составляли относительно небольшую долю отечественного рынка труда¹. Большинство работников не проявляли активности на рынке труда: заинтересованность в сохранении рабочего места и удержании стабильных позиций у них превалировала над стремлением поиска более перспективной с точки зрения карьеры и доходов работы. Не ощущалось сильного притока кадров в связи с уходом из России крупных иностранных компаний, довольно сдержанно был воспринят отъезд из страны немало количества граждан из числа занятого населения после объявления специальной военной операции и начала частичной мобилизации.

О достаточно спокойной, сдержанной ситуации на российском рынке труда свидетельствовала стабилизация основных показателей, характеризующих уровень тревожности россиян по поводу угрозы безработицы. В этом убеждает, в частности, анализ ответов респондентов из числа занятых на основной работе на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Из данных, представленных на рисунке 22, видно, что в конце 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. доля респондентов из числа занятых, которых очень или немного беспокоила возможная потеря работы, стремительно сократилась с 63,9 до 58%, тогда как в конце 2022 г. она практически не изменилась, составив 58,3%. Удельный вес респондентов, выразивших крайнюю степень беспокойства возможной потерей рабочего места, после значительного сокращения с 30,9% в 2020 г. до 24,8% в 2021 г., в 2022 г. уменьшился, но ненамного — до 24,2%, достигнув нового минимума.

Стабилизация тревожного спектра в ответах занятых на основной работе сопровождалась небольшим снижением оптимистического. Если с конца 2020 г. по конец 2021 г. доля респондентов, не волнующихся по поводу возможной потери работы, увеличилась с 21,5 до 26,7%, т. е. сразу же на 5,2 п.п., то в конце 2022 г. она уменьшилась до 25,6%. Эти сдвиги привели к едва заметному увеличению преобладания тревожного спектра в ответах опрошенных над оптимистическим — с 2,2 раза в 2021 г. до 2,3 раза в 2022 г.

Одной из причин роста позитивных настроений работников в отношении угрозы потери работы и возможности нового трудоустройства стал возросший дефицит рабочих рук. Нехватка рабочей силы во многих отраслях экономики на-

¹ Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Август 2022 г. № 9 (162) / Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. В. С. Гуревича, А. В. Колесникова, С. М. Дробышевского [и др.]. 35 с. URL: <https://sciup.org/monitoring-esr/2022-9-162> (дата обращения: 27.11.2023).

чала острее ощущаться на фоне последствий частичной мобилизации и отъезда из страны значительного числа людей трудоспособного возраста. До крайне низкого значения уменьшился уровень безработицы и усилилась неравномерность в распределении рабочей силы. Все это существенно снизило угрозу для россиян остаться без работы.

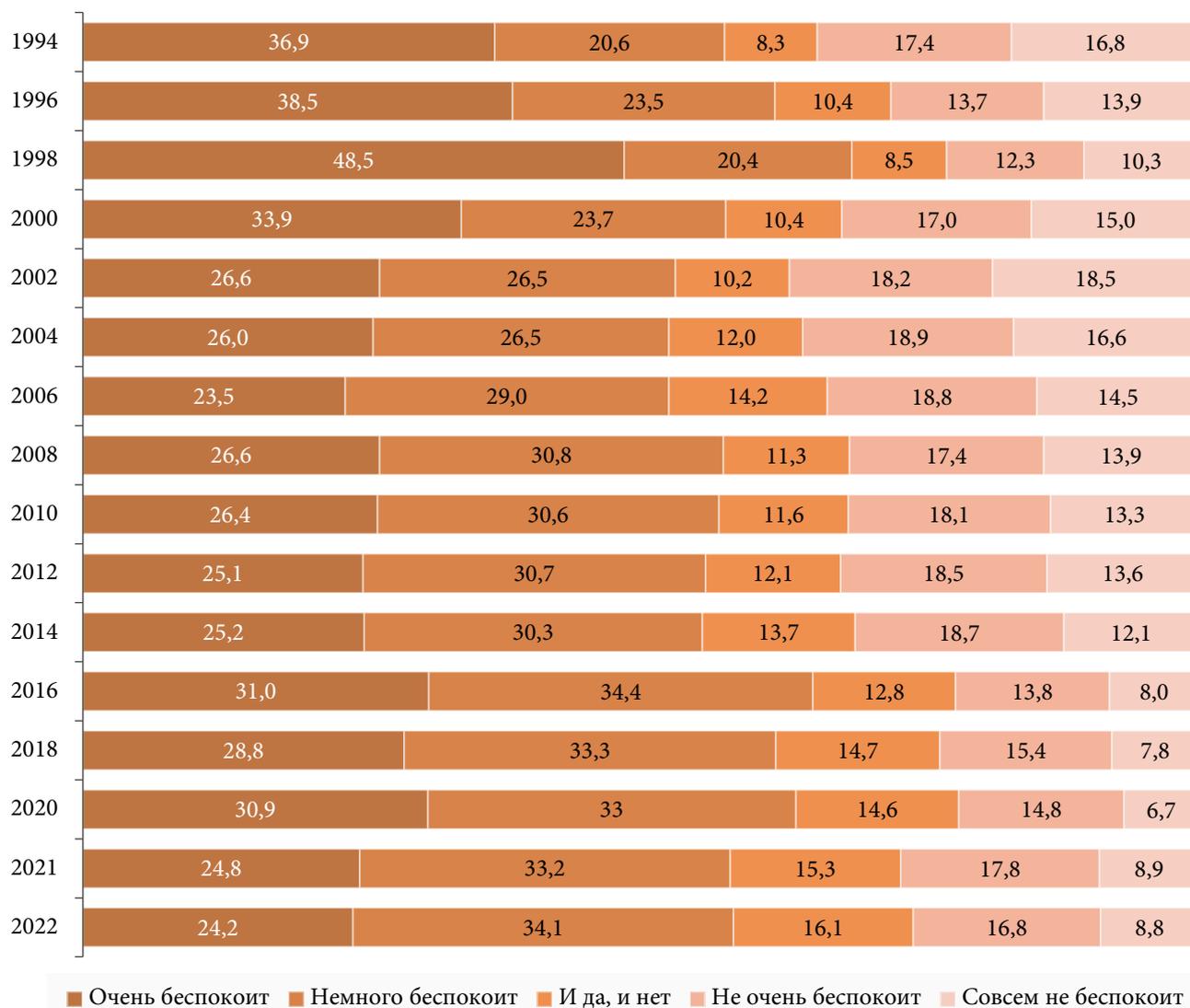

Рис. 22. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2022 гг., в %

На следующем рисунке 23 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов из числа занятых на основной работе на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

Из данных, представленных на рисунке 23, видно, что с конца 2020 г. по конец 2021 г. доля респондентов, уверенных в том, что им так или иначе удастся положительно решить проблему трудоустройства в случае потери рабочего места, существенно выросла с 32 до 37,4% и далее к концу 2022 г. — до еще более значительных 39,1%, т. е. в целом на 7,1 п.п. Одновременно удельный вес респондентов, которые совсем не уверены или не очень уверены в возможности положительного

решения проблемы трудоустройства, сократился с 46% в 2020 г. до 38,7% в 2021 г. и затем в 2022 г. — до 36,8%. Это падение составило в целом значительные 9,2 п.п. Эти изменения не в последнюю очередь были вызваны повышением интереса работодателей к опытным возрастным кандидатам, женщинам, работникам, желающим работать удаленно, и некоторым другим категориям населения, положение которых на рынке труда стало более устойчивым. В результате указанных изменений число респондентов, позитивно оценивающих свои шансы на трудоустройство, стало превышать число пессимистов, тогда как годом ранее наблюдалась противоположная картина.

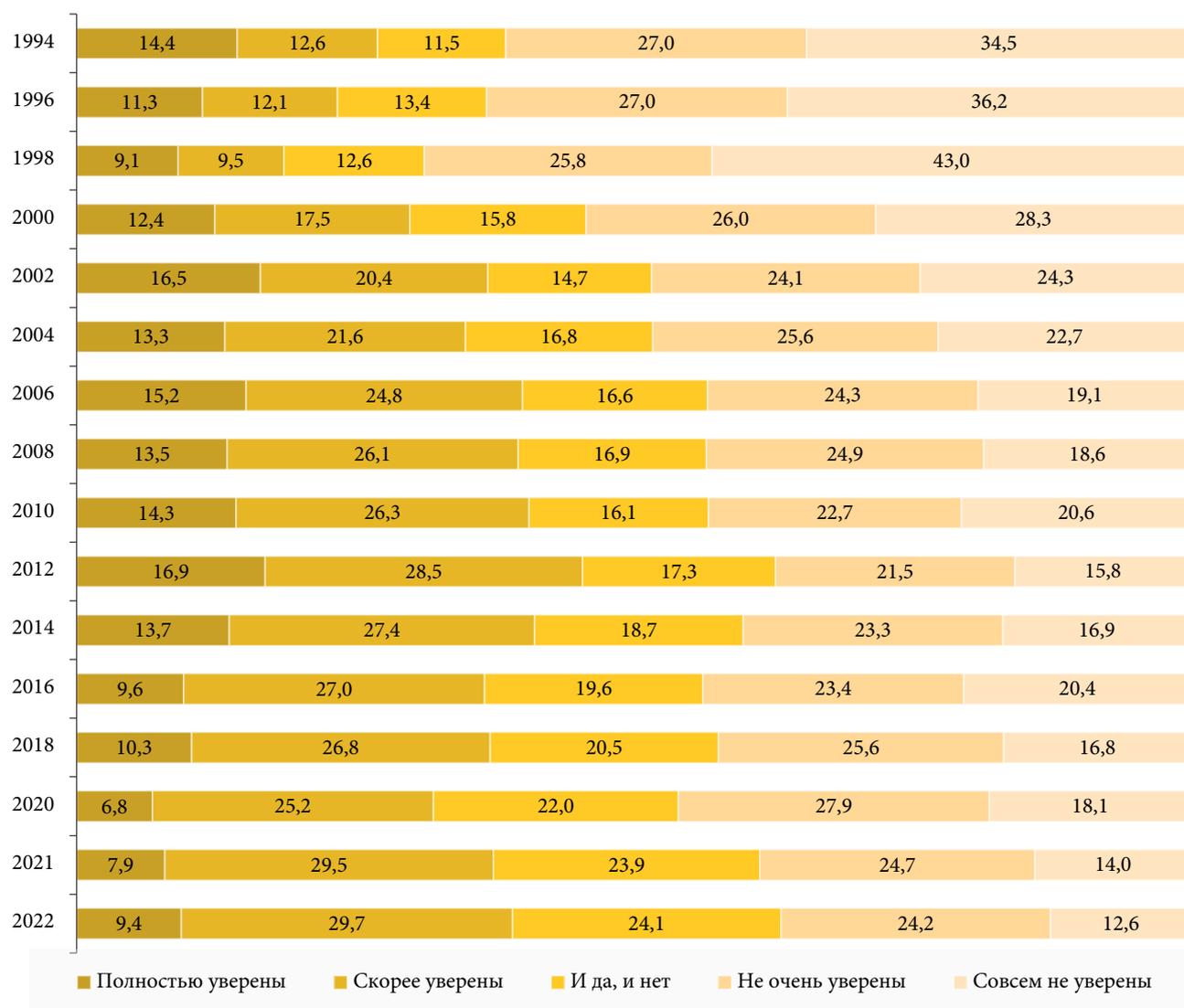

Рис. 23. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2022 гг., в %

На рисунке 24 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2022 гг. (по каждому году отдельно), которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?». Таким образом, на рисунке представлены данные не по всем когда-либо прекратившим работу респондентам, а только по тем, кто был уволен в конкретном (указанном на рисунке) году.

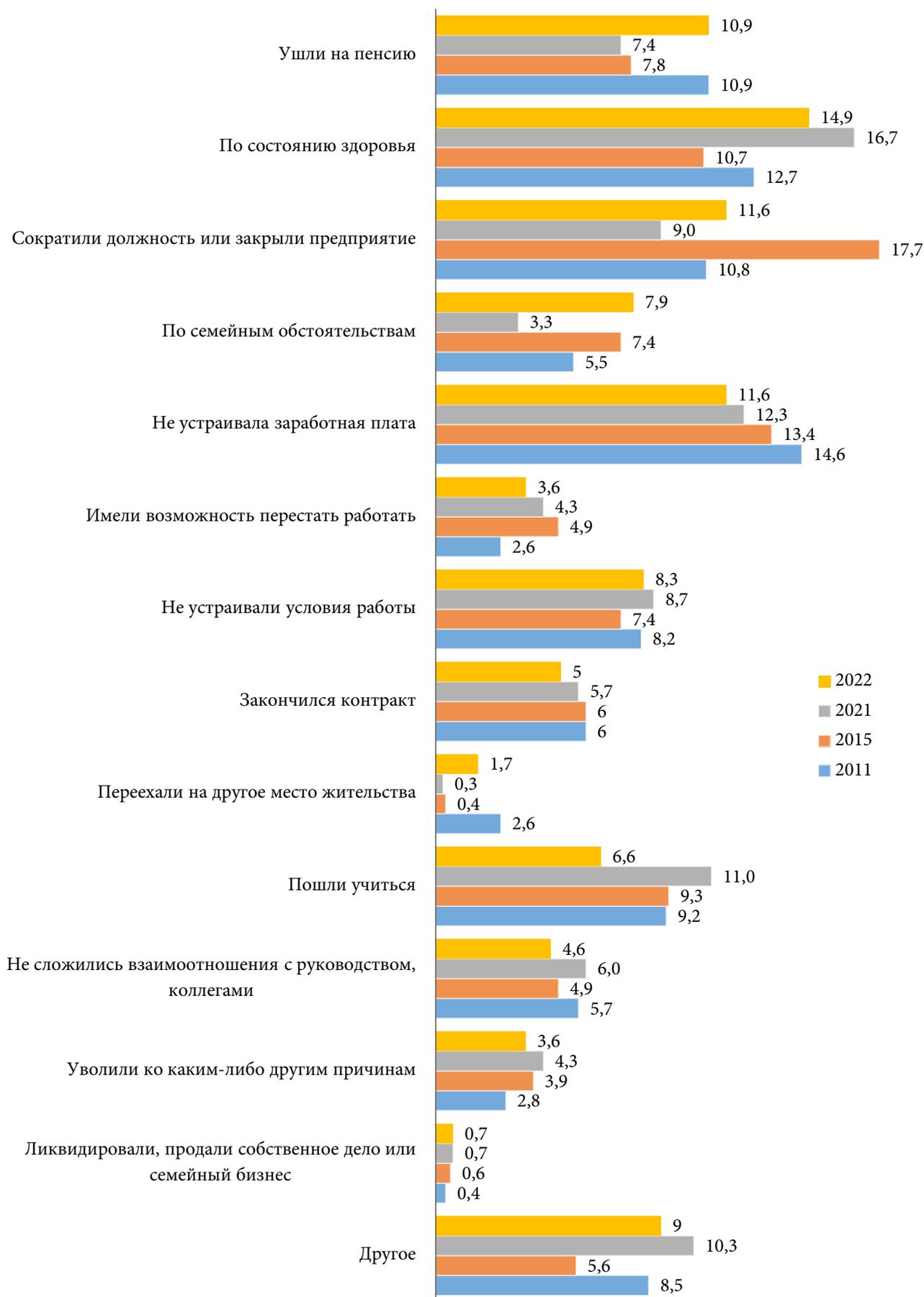

Рис. 24. Причины прекращения работы, 2011–2022 гг., в %

Анализ показал, что в 2022 г., как и годом ранее, наиболее весомой причиной прекращения работы было увольнение работников по состоянию здоровья. Но при этом доля потерявших работу по этой причине сократилась за прошедший год с 16,7 до 14,9%. В определенной мере это снижение можно объяснить улучшением ситуации в борьбе с пандемией коронавируса, которая стала одним из главных обстоятельств заметного роста числа работников, уволившихся по состоянию здоровья в предыдущем году, – с 12,2% в 2020 г. до 16,7% в 2021 г.

На второй позиции оказались одновременно такие причины прекращения работы, как неудовлетворенность размером заработной платы и сокращение должности, закрытие предприятия. Характерно, что недовольство заработной платой остается одной из распространенных причин на протяжении всех последних лет, но значимость ее постепенно снижается. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля работников, которые увольнялись с основной работы по собственному желанию, когда их не устраивала заработная плата, сократилась с 13,6 до 12,5%. В 2021 г. она уменьшилась, но незначительно, до 12,3%, а в 2022 г. упала до минимальных 11,6%.

Обращает на себя внимание увеличение в 2022 г. удельного веса работников, увольнявшихся по причине сокращения должности или закрытия, временной остановки работы предприятия. За 2018–2020 гг. доля таких респондентов стремительно увеличилась на 6,3 п.п. – с 10,7 до 17%, т. е. до одного из самых высоких значений за весь анализируемый период. Однако уже в следующем 2021 г. она не менее резко упала до 9%, а в 2022 г. немного увеличилась – до 11,6%. В результате указанного роста эта причина расставания с работой стала по своей значимости сопоставимой с такой причиной, как неудовлетворенность заработной платой, которая традиционно является одной из самых распространенных. В обстоятельствах, сложившихся в 2022 г., помимо заработной платы важнейшим фактором при выборе рабочего места стала стабильность работодателя.

На третье место в 2022 г. вышла такая причина расставания с работой, как выход на пенсию. Доля респондентов, прекративших работу из-за выхода на пенсию, в течение всего анализируемого периода была подвержена определенным колебаниям. В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом удельный вес респондентов, уволившихся с работы в связи с этим обстоятельством, увеличился с 7 до 10,5%. В 2021 г. эта доля опять уменьшилась до 7,4%, тогда как в 2022 г. выросла до 10,9%. Выявленный рост наблюдался на фоне продолжающегося в России переходного периода в рамках пенсионной реформы, предусматривающей в том числе поэтапное повышение возраста, дающего право на страховую пенсию. Из числа прекративших работу в 2022 г. из-за выхода на пенсию 10,2% уволились, приняв такое решение самостоятельно, и только 0,7% – потому что их обязали или вынудили освободить их рабочее место.

Одной из наиболее стабильных остается значимость такого мотива прекращения работы, как неудовлетворенность работников условиями трудовой деятельности. Удельный вес респондентов, которые в течение года увольнялись из-за того, что они были недовольны условиями труда на основной работе (неудобный график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, неудовлетворительное питание или отсутствие питания на работе и т. п.), в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился с 7,7 до 8,7%, однако в 2022 г. уменьшился до 8,3%.

Заслуживает внимания резкий и весьма значительный рост доли респондентов, прекративших работу из-за тех или иных семейных обстоятельств. В течение 2011–2019 гг. доля таких респондентов колебалась в пределах от 5,5 до 7,5%, но к концу 2021 г. поступательно сократилась до минимальных 3,3%. И вот в 2022 г. она неожиданно выросла почти в 2,5 раза – до немалых 7,9%, достигнув своего максимума. Не менее значительным оказалось также сокращение доли работников, прекративших работу из-за необходимости продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. После уменьшения с 8,4% в 2019 г. до минимальных 5,7% в 2020 г., в 2021 г. доля таких респондентов выросла до максимальных 11%. Однако в 2022 г. она опять стремительно снизилась до 6,6%.

Анализ также показал, что доля респондентов, у которых основанием увольнения стали сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами, в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась вдвое – с 3,1 до 6%, но в 2022 г. уменьшилась до 4,6%. Эти разнонаправленные изменения стали продолжением аналогичных колебаний, которые наблюдались на протяжении всех предыдущих лет. В течение 2011–2019 гг. весомость этой причины менялась в границах довольно узкого коридора значений – от 5,5 до 6,8%.

Совершенно незначительным выглядит изменение в течение прошедшего года весомости такой причины прекращения работы, как окончание контракта, трудового договора. Если в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля респондентов, прекративших работу по этой причине, резко выросла более чем в 2 раза – с минимальных 2,8 до 5,7%, то в 2022 г. она снизилась до 5%. Что касается увольнения по каким-то другим, не зависящим от работника обстоятельствам, то доля респондентов, прекративших работу по этим поводам, после незначительного сокращения с 4,5% в 2020 г. до 4,3% в 2021 г., в 2022 г. уменьшилась до 3,6%.

Как и прежде, к числу наименее распространенных оснований прекращения работы относится появление у респондента возможности не работать и заняться какими-то другими делами. В течение 2011–2019 гг. доля таких работников составляла от 2,3 до 4,9% от числа увольнявшихся в текущем году. И только в 2020 г. ее весомость повысилась до максимальных 5,4%. Однако в 2021 г. данный показатель вернулся на прежний уровень, уменьшившись до 4,3% и затем в 2022 г. – до 3,6%. Крайне редко работники увольняются также из-за того, что вынуждены сменить место жительства. Но за последний год их доля увеличилась с минимальных 0,3% до сравнительно значительных 1,7%, что во многом было вызвано желанием части работников избежать мобилизации, изменив место своего проживания. А наименее весомой в 2022 г., как и прежде, была доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес. В течение 2011–2022 гг. удельный вес таких респондентов колебался в пределах от 0,4 до 0,9%, составив в 2022 г., как и годом ранее, небольшие 0,7%.

Неопределенность и турбулентность в экономике, возросшая инфляция привели к тому, что люди стали искать не только работу с более высокой заработной платой, но и возможности для подработок при сохранении основного рабочего места. Неясность и противоречивость ситуации были обусловлены еще и тем, что частичная мобилизация и эмиграция спровоцировали дефицит кадров в целом ряде отраслей экономики. По данным ЦБ, в декабре 2022 г. с этой проблемой столкнулось каждое второе предприятие (45%). На трети предприятий указали на нехватку квалифицированных специалистов. Кроме того, на каждом втором

предприятия пожаловались на недостаточную квалификацию соискателей работы. Спрос на работников в ряде секторов был такой большой, что для привлечения персонала работодатели меняли для них гендерные и возрастные границы. Это во многом и способствовало сокращению безработицы. Рынок труда охватил категории, которые раньше, возможно, не рассматривались¹. Компании вынуждены были бороться за квалифицированных сотрудников.

Но, несмотря на возросший дефицит рабочей силы, в результате которого рынок труда стал в значительной мере рынком соискателей, продолжилось сокращение числа граждан, выражающих желание найти работу (в том числе новую или другую), среди респондентов в возрасте 14 лет и старше. Как и прежде, работники чаще принимали решение о смене деятельности или места работы, прежде всего исходя из своих карьерных и личных интересов. Сравнительно стабильная работа со всеми ее минусами лучше полного ее отсутствия — в случае если переход на новое место будет неудачным. По-разному сказывались на рынке труда также события, связанные с началом специальной военной операции, с отъездом значительной части активного трудового контингента в другие страны, с увеличением вакансий с бронью, повышением спроса на удаленную занятость и др. В целом с 2016 по 2022 г. доля желающих найти работу, включая новую, среди взрослого населения довольно последовательно снизилась с 16,9 до 10,2%, в том числе за последний год на небольшие 0,3 п.п. Доля респондентов, которые затруднились определиться с ответом в отношении данной проблемы, из года в год не превышала 3–4%. В 2022 г. она составила 3,7%. Из тех, кто хотели найти работу, 50,6% (в 2021 г. — 51,1%) продолжали трудиться, а у 47,2% (в 2021 г. — у 47,3%) на момент опроса не было работы. Остальные находились или в отпуске по беременности и родам, или в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, или в любом другом оплачиваемом отпуске.

В 2022 г. из числа всех респондентов, уже имевших работу, хотели бы найти иное, более привлекательное рабочее место только 10,5%, что было меньше, чем в предыдущие годы. При этом очень четко прослеживается сокращение числа желающих сменить работу. Так, в 2019 г. доля таких респондентов составила 13,8%, в 2020 г. — 12,3%, в 2021 г. — 11,3%. Обращает на себя внимание то, что среди этих респондентов 40,3% были в большей или меньшей степени удовлетворены своей нынешней работой в целом, тогда как доля лиц, в той или иной мере недовольных, составила только 23,5% (в 2021 г. — 38,6 и 23,1% соответственно). Но в то же время 58,8% (в 2021 г. — 57%) работников-соискателей были совсем или скорее не удовлетворены на текущем рабочем месте размером заработной платы. Очень многим не хватало возможностей для профессионального и карьерного роста. На это указали 47,4% (в 2021 г. — 48,3%) работников, желавших сменить работу. 19,6% работников анализируемой категории указали, что их в той или иной мере не устраивают условия труда (в 2021 г. — 25,6%). 19,8% соискателей были совсем или скорее не довольны продолжительностью рабочего дня (в 2021 г. — 21,8%). Еще больше, а именно 23,8%, оказалось тех, кого совсем или скорее не устраивало соответствие имеющейся работы уровню их квалификации (в 2021 г. — 28%). И в то же самое время только 15,6% респондентов были в большей или меньшей степени не удовлетворены графиком работы (в 2021 г. — 17%). На долю выразивших недовольство соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни, пришлось 23,2% опрошенных (в 2021 г. — 25%).

¹ Соловьева О. Нужно больше работников, чтобы производить меньше // Независимая газета. 2023. 20 февр.

Обращает на себя внимания тот факт, что в 2022 г. среди всех респондентов, желавших найти работу, доля тех, кто прилагал для этого реальные усилия, составила только 24,5%, что было лишь немного больше, чем 23,8% годом ранее. Подавляющее большинство остальных респондентов заявляли, что они, несмотря даже на наличие у них желания найти какую-либо или другую, новую работу, пока не занимаются решением данной проблемы на практике. В 2022 г. так ответили 61% (в 2021 г. – 61,6%) респондентов из числа всех, выразивших желание найти работу. Остальные, на долю которых пришлось 14,5% (в 2021 г. – 14,6%), не смогли определиться с ответом.

Характерно, что в 2022 г. из числа тех, кто старался найти работу, доля лиц, которые обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, составила 70,7%, что было меньше, чем в 2021 г. (75,5%), но лишь немного больше, чем в 2020 г. (68,3%). Среди этих респондентов доля тех, кто наиболее активно занимался поиском работы, обращаясь куда-либо или к кому-нибудь с этой целью в течение последних 7 дней, составила 58,5%, между тем как в 2021 г. таких было немного меньше – 53%.

Среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, доля тех, кто обращался с этой целью куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, составила 27,5%. Это было немного меньше, чем 29% в 2021 г. Что касается тех, кто обращался куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней, то их доля среди всех искавших работу респондентов, в 2022 г. составила 16,1%, тогда как в 2021 г. таких было 15,4%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленные в таблице 16. Из них, в частности, следует, что за прошедший год приоритеты россиян в использовании способов поиска работы практически не изменились.

Таблица 16

Распространенность способов поиска работы, 1994–2022 гг., в %

Обращались в поисках работы	Год проведения исследования												
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2014	2016	2018	2020	2021	2022
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	31,0	24,4	20,4	27,7	20,0	34,2	24,3	38,3	21,1	25,3
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	13,1	13,4	10,1	9,2	8,1	12,1	11,2	12,3	8,8	14,2
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	76,0	82,9	78,2	81,9	81,7	79,8	76,5	83,8	75,1	80,6
К родственникам	29,5	40,6	42,7	36,5	42,1	39,4	50,0	50,5	40,6	44,6	54,5	46,4	54,7
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,3	50,5	47,7	47,2	39,7	44,5	49,4	51,3	45,4	43,9
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	40,9	51,8	44,2	40,1	37,9	40,2	39,3	44,2	40,7	36,3
К рекламным объявлениям в интернете	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	48,8	53,8	62,6	64,9	67,2	66,2
В социальные сети	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	35,1	30,9	31,5

Примечание. Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Из данных, представленных в таблице, следует, что в 2022 г., как и во все предшествующие годы, ведущее место среди различных способов поиска работы принадлежало обращениям за помощью к друзьям, товарищам, коллегам и знакомым. В 2022 г. к этому способу прибегали 80,6% респондентов из числа обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, что было больше, чем 75,1% в 2021 г., но меньше, чем 83,8% в 2020 г.

Вторую позицию сохранил за собой такой способ поиска подходящего рабочего места, как обращение к рекламным объявлениям в интернете. До последнего времени этот способ был единственным из всех анализируемых, весомость которого постоянно и последовательно росла. В целом с 2006 по 2021 г. доля соискателей, обратившихся к этому способу, выросла более чем в 5 раз – с 13,1 до 67,2%. Однако в 2022 г. этот рост прекратился: доля респондентов, предпочитавших в этом году обращаться в поисках работы к рекламным объявлениям в интернете, составила 66,2%. Гораздо менее популярным является поиск работы с использованием социальных сетей. После роста доли лиц, воспользовавшихся этим способом в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 29,8 до 35,1%, в 2021 г. она уменьшилась до 30,9% и в 2022 г. изменилась очень мало, составив 31,5%.

На третьем месте по своей популярности находится поиск работы с помощью родственников. Удельный вес респондентов, воспользовавшихся этим хорошо известным и давно освоенным способом, после сокращения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. с 54,5 до 46,4%, в 2022 г. вырос до прежнего уровня, составив 54,7%. Но при этом нельзя пройти мимо того факта, что при решении проблемы трудоустройства возможности родственников оцениваются россиянами намного ниже возможностей друзей и знакомых. Вслед за поиском работы с помощью родственников следует такой способ, как обращение непосредственно на предприятия, в организации. В 2022 г. к нему прибегли 43,9% респондентов, что было лишь немного меньше 45,4% в 2021 г. Кроме того, 36,3% респондентов (в 2021 г. – 40,7%) искали работу с помощью традиционных рекламных объявлений.

Как и во все предыдущие годы, на последних позициях находятся такие способы поиска приемлемого рабочего места, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. Но их популярность в 2022 г., после существенного падения в 2021 г., заметно выросла. Так, доля респондентов, которые, решая проблему трудоустройства, обращались в негосударственные службы занятости, снизилась с 12,3% в 2020 г. до 8,8% в 2021 г., но в 2022 г. выросла до 14,2%. Одновременно доля тех, кто обращался в государственные службы занятости, после значительного падения с 38,3% в 2020 г. до 21,1% в 2021 г., в 2022 г. увеличилась до 25,3%. И все же, несмотря на этот рост, доверие как к государственным, так и к негосударственным службам занятости остается невысоким.

На рисунках 25–28 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2022 гг. Выбор такого временного диапазона объясняется тем, что вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» РМЭЗ НИУ ВШЭ только с 2002 г.

Данные, представленные на этих рисунках, демонстрируют довольно последовательный рост уровня удовлетворенности работников своей работой в целом и отдельными ее сторонами. В условиях дефицита кадров, особенно в сферах, испытывающих острый кадровый голод, работодатели стали проявлять более гибкие подходы к взаимоотношениям с сотрудниками и соискателями. Появилось больше возможностей при решении проблемы занятости для представителей разных социальных групп, возрастных категорий, больше вариантов для работы по гибким графикам и для альтернативных форматов работы — удаленного и гибридного.

Из рисунка 25 хорошо видно, что в 2022 г. продолжился поступательный рост уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом.

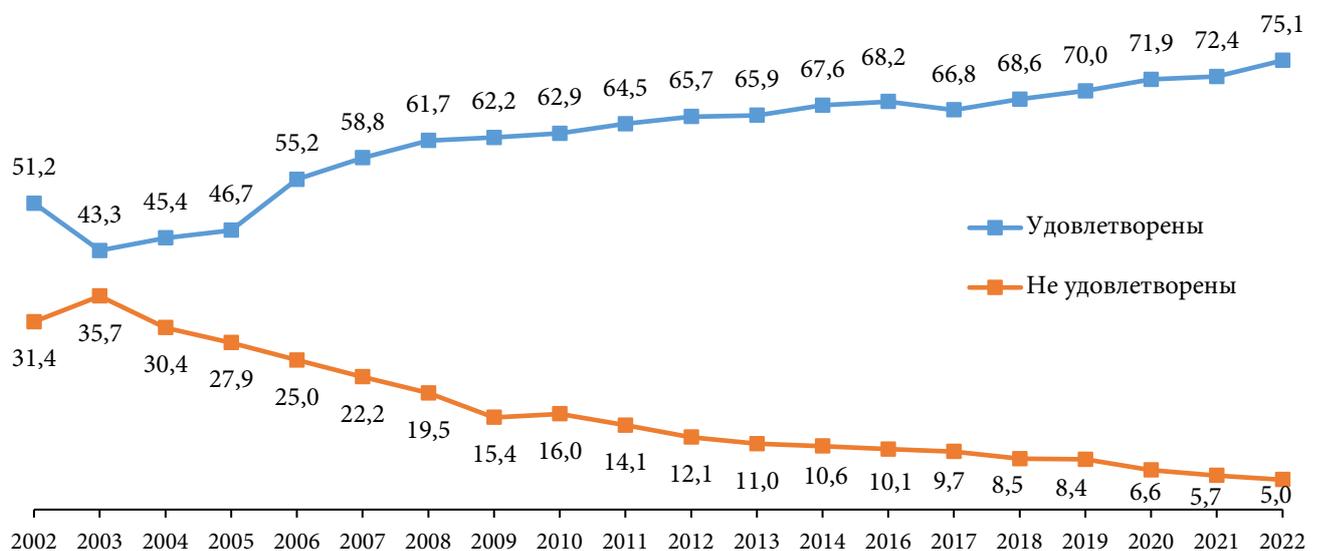

Рис. 25. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2022 гг., в %

Несмотря на обострение экономического кризиса и возникшие трудности в связи проведением специальной военной операции, доля работников, полностью удовлетворенных или скорее удовлетворенных своей нынешней работой, за последний год увеличилась с 72,4 до 75,1%. При этом доля лиц, полностью удовлетворенных своей работой, увеличилась на существенные 5,1 п.п. — с 14,7 до 19,8%. В то же время доля скорее или совсем не довольных своей работой за последний год уменьшилась с 5,7% до минимальных 5%. Причем в 2022 г. на долю совсем не удовлетворенных работой пришлось всего лишь 0,9%. В результате этих изменений в 2022 г. был достигнут новый максимум удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом, начиная с 2002 г. Если в 2021 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей трудовой деятельностью, в 12,7 раза превышала долю тех, кто был в той или иной мере не доволен своей работой, то в 2022 г. это превышение достигло максимальных 15 раз.

За последний год также заметно вырос уровень удовлетворенности работников российских предприятий и организаций различными сторонами своего труда, т. е. частных удовлетворенностей (рис. 26).

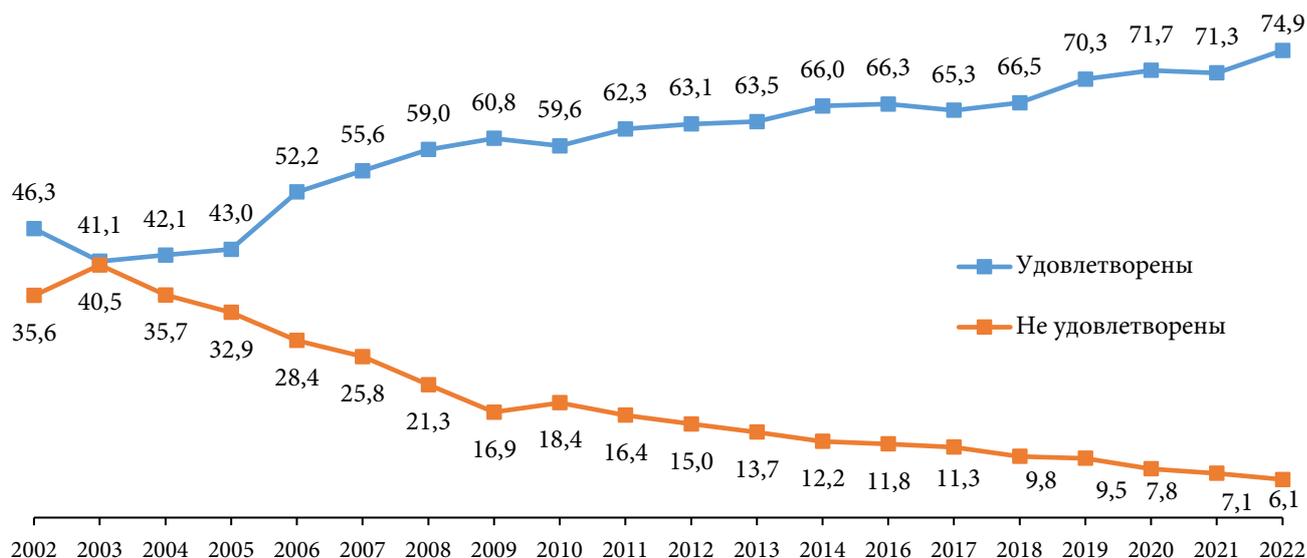

Рис. 26. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2022 гг., в %

Как следует из рисунка 26, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных условиями труда, увеличилась с 71,3 до 74,9%, тогда как доля лиц, скорее или совсем не удовлетворенных, сократилась, но менее значительно – с 7,1 до 6,1%. При этом удельный вес работников, полностью довольных условиями труда, вырос на 4,3 п.п. – с 15,9 до 20,2%, тогда как доля полностью не довольных не изменилась, составив 1,1%. Разрыв между группами, объединяющими работников предприятий и организаций, в большей или меньшей степени удовлетворенных и не удовлетворенных условиями своего труда, за последний год вырос с 10 раз в 2021 г. до 12,3 раза в 2022 гг., превысив прежний максимум.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных на рисунке 27, показал, что больше всего работников российский предприятий и организаций, как и прежде, беспокоит невысокая заработная плата, но за последний год уровень удовлетворенности занятых заработной платой немного повысился.

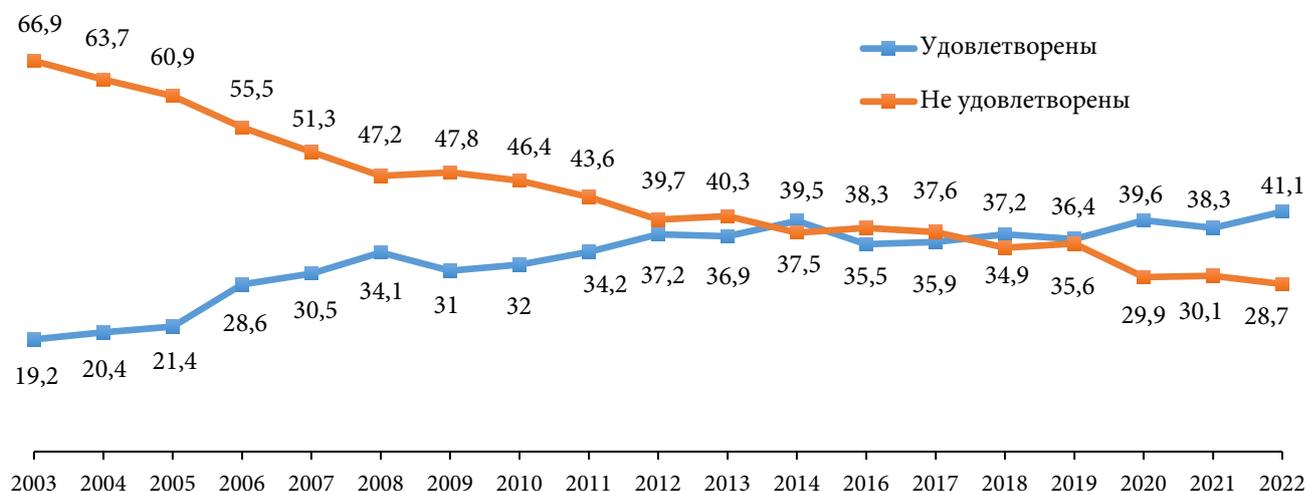

Рис. 27. Удовлетворенность оплатой труда, 2003–2022 гг., в %

Если в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, уменьшилась с 39,6 до 38,3%, то в 2022 г. увеличилась до 41,1%. Такой высокой она не была никогда ранее. В то же время доля лиц, скорее или совсем не довольных уровнем заработка, после предыдущего увеличения с 29,9% в 2020 г. до 30,1% в 2021 г., снизилась в 2022 г. до минимальных 28,7%. При этом удельный вес опрошенных работников, полностью удовлетворенных и совсем не удовлетворенных оплатой своего труда, оставался сравнительно небольшим — 11 и 6,4% соответственно (в 2021 г. — 8,9 и 7%). Таким образом, доля работников, в большей или меньшей степени удовлетворенных заработной платой, стала превышать долю в той или иной мере не удовлетворенных на 12,4 п.п., тогда как в 2021 г. это превышение составляло только 8,2 п.п.

На рисунке 28 представлены данные мониторинга, демонстрирующие главные тенденции, характеризующие изменения в уровне удовлетворенности работников российских предприятий и организаций возможностями для профессионального и карьерного роста.

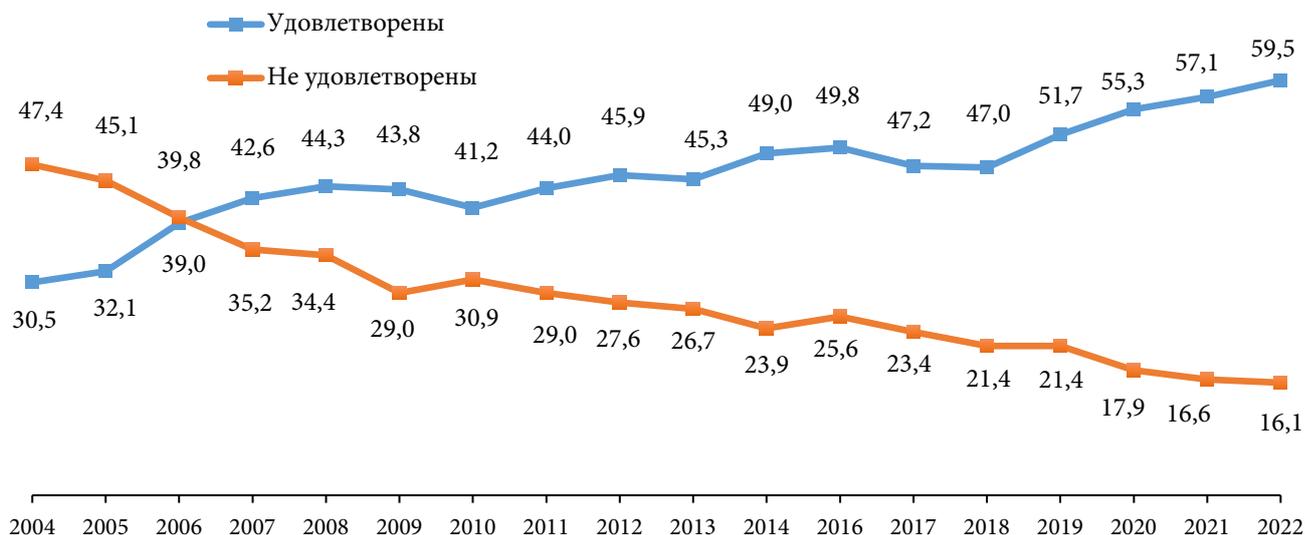

Рис. 28. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2004–2022 гг., в %

Из этого рисунка следует, что за последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных возможностями для профессионального роста, после увеличения с 55,3% в 2020 г. до 57,1% в 2021 г., в 2022 г. выросла до 59,5%, обновив прежний максимум. Одновременно доля работников, в большей или меньшей степени не довольных условиями для профессионального роста, снизилась с 17,9% в 2020 г. до 16,6% в 2021 г. и далее в 2022 г. до минимальных 16,1%. В 2022 г. удельный вес работников предприятий и организаций, полностью удовлетворенных данным аспектом труда, за последний год вырос с 11,7 до 14,9%, а доля совсем не удовлетворенных увеличилась с 4 до 4,5%. Результатом таких не всегда последовательных сдвигов стало увеличение разрыва между позитивным и негативным контингентами с 3,4 раза в 2021 г. до максимальных 3,7 раза в 2022 г.

В ходе анализа данных мониторинга было также выявлено, что за 2009–2022 гг. доля респондентов из числа работников отечественных предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных продолжительностью

своего рабочего дня, увеличилась с 68,3 до 73,5%, в том числе за последний год – на 1,3 п.п. В то же время доля лиц, в большей или меньшей степени не довольных этой стороной своего труда, сократилась за 2009–2020 гг. с 14 до 8%. В 2021 г. она увеличилась до 8,3, но в 2022 г. опять снизилась до 7,2%. Причем в 2022 г. 18% респондентов (в 2021 г. – 14,7%) были полностью удовлетворены продолжительностью рабочего дня, тогда как доля полностью не довольных составляла всего лишь 1,6% (в 2021 г. – 1,8%).

2022 г. стал также годом очередного роста уровня удовлетворенности работников соответствием имеющейся работы уровню их профессиональной квалификации. За 2009–2022 гг. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных данной стороной труда, выросла с 65 до 74,3%, в том числе за последний год – на 1,2 п.п. За этот же период доля в той или иной степени не довольных сократилась более чем вдвое – с 16,1 до 7,4%, в том числе за последний год – на 0,2 п.п.

Крайне высоким остается уровень удовлетворенности работников графиком своей работы. За 2009–2022 г. доля респондентов, которых в большей или меньшей степени устраивал временной график их работы, с определенными перепадами увеличилась с 72,9 до 75,9%, в том числе за последний год – на 3,2 п.п. В то же время доля недовольных сократилась с 11% в 2009 г. до 5,5% в 2022 г., в том числе за последний год – на 0,4 п.п. Кроме того, в 2022 г. были полностью или скорее удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни, 66,7% респондентов (в 2021 г. – 64,1%) российских предприятий и организаций, тогда как свое недовольство этим соотношением выразили только 9,3% опрошенных (в 2021 г. – 10,2%).

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленные в таблице 17, помогают раскрыть некоторые особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов.

Таблица 17

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2022 гг., в %

Формы рыночного поведения	Год проведения исследования											
	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021	2022
Работали на дополнительной работе	8,6	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	7,5	6,7	4,9	5,3	4,9	4,9
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,1	4,8	2,8	2,0	2,3	2,0
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	4,1	3,1	2,8	2,1	2,2	1,8
Оказывали услуги за плату	4,1	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,1	2,6	2,8	2,4	2,7	2,9
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	1,0	1,4	1,0	1,0	0,9	0,6
Помещали в банк деньги, давали деньги взаймы под проценты	1,2	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	1,3	1,5	1,3	0,9	1,1	1,4
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7

Данные таблицы 17, в частности, показывают, что после выявленного в 2020 г. (впервые после продолжительного периода сокращения) роста доли россиян, занятых на дополнительной работе, в 2021 г. было отмечено ее снижение до уровня 2018 г. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля дополнительно занятых среди всех опрошенных россиян сократилась с 5,3 до 4,9% и в 2022 г. не изменилась.

В настоящее время часть россиян продолжают надеяться на подсобное хозяйство. Но в то же время многие убедились в очень скромных его возможностях и уже не рассматривают подсобное хозяйство как полноценный источник ресурсов для выживания в период кризиса. Невысоким является экономический интерес к садоводству и огородничеству, выращиваю живности с точки зрения пополнения бюджета домохозяйств. Так, доля россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.) на продажу и обмен, после увеличения с 2% в 2020 г. до 2,3% в 2021 г., в 2022 г. уменьшилась до 2%. Отмечено также очередное сокращение доли респондентов, занятых разведением в подсобном хозяйстве скота, птицы, рыбы не для личного потребления, а на продажу или обмен, – с 2,2 % в 2021 г. до 1,8% в 2022 г.

Но в то же время зафиксировано небольшое увеличение доли респондентов, которые оказывают другим людям те или иные платные услуги: с 2,4% в 2020 г. до 2,7% в 2021 г. и далее до 2,9% в 2022 г. Кроме того, в 2022 г. всего лишь 0,6% опрошенных россиян охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, 1,4% помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты и всего лишь 0,7% сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль или другое имущество.

Таким образом, несмотря на сложную ситуацию в экономике, которая характеризовалась высокой турбулентностью и неопределенностью, российский рынок труда по многим показателям относительно благополучно пережил 2022 г. Экономика столкнулась с возросшим дефицитом трудовых ресурсов, но одновременно снизилась угроза для россиян оказаться без работы. С одной стороны, работодатели стремились сократить расходы на оплату труда, с другой стороны, часть компаний увеличила заработную плату или всем, или только наиболее ценным сотрудникам. Многие предприятия активно использовали такие способы адаптации к изменившейся экономической ситуации, как оплачиваемые отпуска или остановка работы предприятия, но с сохранением зарплаты сотрудникам. Выявлены сокращение числа россиян, выражающих желание найти работу, и снижение активности граждан в поиске работы, стало заметно меньше желающих изменить карьерный путь. Многие соискатели работы стали менее подвижны, боялись менять позиции, отдавали предпочтение вакансиям с возможностью удаленной работы и компаниям, в которых могут претендовать на освобождение или отсрочку от мобилизации. В тройку наиболее распространенных причин прекращения работы входили ухудшение здоровья, неудовлетворенность размером заработной платы и сокращение должности, закрытие предприятия. Практически не изменились предпочтения граждан в использовании способов поиска подходящего рабочего места. Как и годом ранее, наиболее популярными способами поиска работы являются помощь друзей и знакомых, рекламные объявления в интернете, помощь родственников и обращение непосредственно на предприятия. Невзирая

на возросшие проблемы, отмечен некоторый рост уровня удовлетворенности работающего населения работой в целом и такими ее сторонами, как заработная плата, условия труда, возможности для карьерного и профессионального роста.

* * *

Несмотря на колоссальное внешнее санкционное давление, начало специальной военной операции и другие беспрецедентные вызовы, экономика России в 2022 г. не только не обрушилась, но продолжала функционировать в устойчивом режиме. Устойчивость экономики к целому ряду рисков обеспечили прежде всего высокая адаптивность бизнеса и масштабная государственная поддержка. России удалось выдержать кризисный удар и уже осенью вступить в период восстановления утраченных позиций в экономике. В результате предпринятых мер удалось избежать значительного падения уровня жизни населения. Но при этом прошедший год был весьма непростым для большинства россиян и привнес в их жизнь немало важных изменений, повлиял на привычные практики работы, отдыха, потребления и многое другое. Одним из главных вызовов для российской экономики, непосредственно повлиявших на уровень жизни населения, стал значительный рост цен на товары и услуги. Годовая инфляция в 2022 г. составила 11,9%, достигнув одного из самых высоких значений за последние годы, что в очередной раз очень сильно ударило по карману среднестатистического россиянина.

Принявший острую форму кризис 2022 г. затруднил рост реальных доходов россиян и сделал их динамику нисходящей. Падающие доходы населения, сокращающиеся потребительский спрос, стали одной из важнейших экономических проблем. Но спад в экономике все же не так сильно сказался на доходах населения, как пандемийное падение 2020 г. Если в 2021 г. средние реальные доходы домохозяйств выросли на 6,9%, то в 2022 г. они сократились на 7,1%, что в немалой степени было связано с сокращением производства из-за санкций и геополитических рисков. На динамику доходов оказали влияние также возросшая эмиграция и выплаты мобилизованным. Совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы, составляющий основу доходов российских семей, демонстрировал в предыдущем году рост на 2,9%, тогда как в 2022 г. — на 1,8%. Более значительному росту зарплат препятствовали повышение МРОТ и серьезное снижение безработицы, которая упала до рекордного уровня. За прошедший год доход домохозяйств от работы на частных предприятиях снизился на сравнительно небольшие 0,2%, в то время как доход от работы на предприятиях государственного сектора увеличился на 1,9%. Но гораздо более значительным оказался рост дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, который составил 19,6%. Однако непосредственный вклад этого роста в общую динамику невелик в силу малочисленности таких предприятий.

Особенно значительным оказалось сокращение совокупного месячного дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей — второго по значимости источника доходов российских семей. В 2021 г. он вырос на 14%, что обеспечивалось увеличением размера пенсий и социальных пособий в связи с не-

обходимостью повышения поддержки отдельных групп населения, испытывающих трудности в период экономического кризиса и пандемии коронавируса. Однако в 2022 г. доход от данного источника сократился на 13,5%. Еще более значительным оказалось сокращение дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора. Так, денежный доход от домашнего производства и неформального сектора упал почти в 2 раза, а аналогичный натуральный доход – в 1,5 раза. Помощь от родственников и благотворительная помощь уменьшилась на 8,5%, что можно объяснить ухудшением материального положения большинства российских семей в период обострения экономического кризиса.

Исследование выявило значительный рост весомости дохода от заработной платы в структуре доходов домохозяйств. Доля общего дохода от заработной платы, после снижения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. с 45,7 до 45,1%, в 2022 г. стремительно поднялась до 47,2%. Между тем доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях за последний год выросла с 21 до 21,8%, доля дохода от работы на частных предприятиях увеличилась с 21,9 до 22,7%, а доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности поднялась с 2,3 до 2,7%. В то же время доля дохода от государственных трансфертных платежей, после увеличения с 42,9% в 2020 г. до 43,7% в 2021 г., в 2022 г. упала до 43%. Выявлено также значительное сокращение доли дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора. Доля денежного дохода от этого источника снизилась с 4,3 до 3% за последний год, тогда как натурального – с 2 до 1,7%. Доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в структуре совокупного дохода домохозяйств, после сокращения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. с 4,8 до 4,5%, в 2022 г. не изменилась.

Получателями государственных трансфертов в 2022 г. являлись 73,4% домохозяйств против 74,5% годом ранее. Это сокращение во многом связано с очередным уменьшением численности пенсионеров в стране, которые являются основными получателями государственных трансфертов. В то же время доля домохозяйств, получающих доход от заработной платы, после увеличения с 62,2% в 2020 г. до 62,4% в 2021 г., в 2022 г. опять увеличилась до 63,1%. При этом за последний год удельный вес домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях увеличился с 35,1 до 36,3%, тогда как доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях госсектора, уменьшилась с 37,5 до 37,4%. Выявлено также новое значительное увеличение с 4,2 до 5% доли домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности. Отмечено очередное сокращение доли домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора – с 12,8 до 11,5%. В целом за 1994–2022 гг. доля домохозяйств с таким доходом последовательно уменьшилась почти в 2,2 раза. Доля домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора за последний год сократилась с 38,7 до 37%. Кроме того, с 21,7 до 21,4% снизилась доля получателей помощи от родственников и благотворительной помощи.

Рост доходов в 2021 г., в большей мере затронувший менее обеспеченные домохозяйства, что способствовало сокращению доходного неравенства, в 2022 г. сменился снижением, негативно отразившимся на доходах наименее состоятельных домохозяйств. При этом в 2022 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного

дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,3 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. Наименее зависимыми от государственных трансфертов остаются наиболее обеспеченные домохозяйства. В 2022 г. за счет заработной платы формировалось от 40 до 47% общего дохода домохозяйств первых четырех квинтилей и около 64% общего дохода домохозяйств наиболее доходного квинтиля, что было значительно больше, чем 55% в 2020 г. И в то же время в 2022 г. государственные трансфертные платежи обеспечивали от 44 до 51% дохода домохозяйств первых четырех квинтилей и около четверти дохода домохозяйств верхнего квинтиля, тогда как годом ранее последних было около трети. Доходы от работы как на государственных, так и на частных предприятиях были значимы для половины наиболее состоятельных и только для трети менее состоятельных домохозяйств.

Несмотря на обострившиеся трудности, продолжился после пандемийных ограничений, хотя и очень медленными темпами, восстановительный рост расходов населения. Ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после падения на 30% в 2020 г., в 2021 г. выросли на 3,2% и далее в 2022 г. – на 0,3%. Причем за последний год ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания сократились на едва заметные 0,4%, тогда как расходы на непродовольственные товары увеличились на 0,7%. Небольшие изменения в расходах затронули практически все группы продуктов питания и непродовольственных товаров. Значительными оказались только рост расходов домохозяйств на питание вне дома и падение расходов на продукты домашнего изготовления и приобретение предметов длительного пользования. Главной причиной сокращения этих расходов стало снижение доходов населения, а также сокращение ассортимента непродовольственных товаров. У значительной части россиян не хватает денег на то, чтобы потреблять больше товаров и услуг, а покупать они могут только самые недорогие товары. Многие сократили расходы на развлечения и отпуск, стали экономить на лечении и образовании. Увеличилось число людей, находящихся в поиске дополнительных заработков.

Как и прежде, чрезмерно высокой является доля расходов домохозяйств на продукты питания, показывающая, что Россия остается страной с «задавленным» потреблением, архаичная структура которого меняется очень мало. Доля этих расходов в общих расходах домохозяйств, после роста с 40,5% в 2020 г. до 41,5% в 2021 г., т. е. до уровня 2015 г., в 2022 г. снизилась до 41,4%. Продолжающиеся восстановительные тенденции в определенной мере затронули рынок услуг. Доля расходов на оплату услуг, одной из самых весомых статей бюджета семей в совокупных расходах домохозяйств, после увеличения в 2021 г. по сравнению с 2020 г. с 14,4 до 14,9%, в 2022 г. еще раз увеличилась до 15,5%. Смещение потребительского спроса от товаров к услугам привело к росту этого сегмента экономики. К наиболее весомым статьям расходов семей относятся также растущие траты на содержание жилья. После сокращения с максимальных 14,1% в 2020 г. до 13,3% в 2021 г., доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг символически увеличилась в 2022 г. до 13,5%. Практически не изменилась весомость расходов домохозяйств на одежду: доля расходов на нее, после небольшого увеличения с 4,6% в 2020 г. до 4,7% в 2021 г., в 2022 г. уменьшилась до 4,1%. Продолжилось ускоренное сокращение доли расходов домохозяйств на предметы длительного пользования, которая,

после снижения с 3,7% в 2019–2020 гг. до 3,2% в 2021 г., в 2022 г. упала до 2,5%. Доля расходов на горючее, топливо сократилась с максимальных 4,2% в 2021 г. до 4% в 2022 г.

В 2022 г. уровень дифференциация домохозяйств по расходам практически не изменился. На протяжении трех последних лет двадцать процентов наиболее обеспеченных домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 5,1 раза больше, чем наименее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств. Разрыв в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год увеличился с минимальных 1,9 раза до 2,1 раза. Если в 2021 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания, непродовольственные товары и услуги у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,8 раза больше, чем у наиболее состоятельных двадцати процентов домохозяйств (51,5% против 18,7%), то в 2022 г. эта разница уменьшилась до 2,5 раза (48,9% против 20%). Выявлено некоторое снижение неравенства между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Если за 2019–2021 гг. разрыв в величине расходов на товары непродовольственного ряда между домохозяйствами полярных квинтилей вырос с 7 до 8,6 раза, то в следующем 2022 г. он сократился до 8 раз.

Уровень безработицы среди экономически активного населения, после снижения с 3,4% в 2020 г. до 3,1% в 2021 г. — самого низкого значения за все время наблюдений, в 2022 г. сохранился на этом минимальном уровне. За последний год официальная безработица среди мужчин снизилась с 2,7 до 2,5%, тогда как среди женщин не изменилась, составив прежние 3,4%. После сокращения в предыдущем году было выявлено новое сокращение долговременной безработицы за счет увеличения менее длительной. Если в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля безработицы, превышающей три месяца, сократилась с 76,8 до 65,5%, то в 2022 г. она снизилась еще раз до 58,9%. В то же время безработица длительностью от одного до трех месяцев, после увеличения с 13,4% в 2020 г. до 17,9% в 2021 г., в 2022 г. выросла до 20,1%. Что касается безработицы длительностью менее одного месяца, то она, после роста годом ранее с 9,7 до 16,6%, в 2022 г. выросла до еще более значительных 20,9%.

В 2021 г. по сравнению с 2020 г. коэффициент участия в рабочей силе вырос с 80,9 до 81,5%, однако в 2022 г. он сократился до 80,6%. Важной мерой поддержки доходов пожилых в условиях кризиса остается обеспечение занятости людей пенсионного возраста. Если в 2021 г. было выявлено увеличение долей занятых, получающих пенсию, как среди мужчин, так и среди женщин, то в следующем году последовало такое же одновременное их сокращение. Среди мужчин-пенсионеров увеличение доли занятых с 19,2% в 2020 г. до 22,2% в 2021 г. сменилось в 2022 г. сокращением до 20,6%. В то же время среди занятых женщин, получающих пенсию, за увеличением их доли с 23,7% в 2020 г. до 25,4% в 2021 г. последовало в 2022 г. снижение до 21,6%. Эти изменения происходили на фоне очередного сокращения численности получателей пенсий из-за увеличения возраста выхода на пенсию, а также роста смертности от пандемии коронавируса.

В ходе исследования выявлено небольшое увеличение числа работников, для которых проблема задолженности по заработной плате является болезненной. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля таких работников сократилась с 1,8% до минимальных 0,7%, а в 2022 г. не изменилась. Средняя сумма задолженности по зарплате перед этими работниками, вслед за резким падением в 2020 г. по сравнению с 2019 г. более чем в 1,6 раза, в 2021 г. увеличилась на небольшие 2,4%. Но в 2022 г. было зафиксировано очередное резкое падение данного показателя, составившее 1,5 раза. Одновременно продолжилось снижение сроков задолженности по заработной плате. В 2022 г. сроки всех задолженностей по зарплате не превышали 2 месяцев. Среди должников доля работников, которым заработная плата на основной работе задерживалась на срок менее месяца, составила 85,6%, что было намного больше 75,6%, зафиксированных годом ранее. Как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы, чем мужчинам. За последний год доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин увеличилась с 0,8 до 1%, тогда как среди женщин – с 0,4 до 0,5%. Сокращение сроков задолженности по заработной плате было зафиксировано как у мужчин, так и у женщин. В 2022 г. средняя сумма задолженности по заработной плате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,6 раза, что было лишь немного меньше, чем 1,7 раза годом ранее.

Как и в предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста при высоком уровне образования последних как по доле получающих какой-либо доход от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода. В 2022 г. это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности составило 79,7% против 71,3%. Если в 2021 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составил 73,2% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, то в 2022 г. он составил 76,8%. У мужчин, для которых источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 4,6%, но в 2022 г. снизился на 3,9%. В то же время у женщин увеличение среднего размера получаемого дохода в 2021 г. составило всего лишь 0,3%, а в 2022 г. – еще 0,8%. Наблюдалось превосходство мужчин по доле получающих доход и по среднему размеру получаемого дохода от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности.

На протяжении многих лет проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в России не относилась к категории беспокойных, но начиная с 2019 г. ее чувствительность стала постепенно повышаться. Среди мужчин-пенсионеров доля лиц, не получивших пенсию за последний месяц, с 2018 по 2022 г. последовательно выросла с 1,5 до 9,2%, в том числе за последний год на 1 п.п. Среди женщин-пенсионеров доля таких респондентов за этот же период выросла с 1,4 до 6,1%, в том числе за последний год на 0,6 п.п. В 2021 г. по сравнению с предыдущим годом средний размер ежемесячной пенсии для мужчин-пенсионеров уменьшился на 1,8%, тогда как в 2022 г. – на 1%. В то же время у женщин-пенсионеров сокращение среднего размера ежемесячной пенсии в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 1,8% в 2022 г. сменялось увеличением на 1,6%.

Доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, после сокращения с 5,8% в 2020 г. до минимальных 4,4% в 2021 г., в 2022 г. увеличилась до 4,7%. После увеличения годом ранее снизилась долговая нагрузка на домохозяйства по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом размер средней суммы этого вида задолженности вырос на 15%, то в 2022 г. снизился на 7,4%. Выявлено также сравнительно небольшое снижение средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. Если в 2021 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги уменьшилась на 1,9%, то в 2022 г. – на 2,7%. Как и годом ранее, домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели намного больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

Если 2021 г. стал периодом определенной стабилизации социальных настроений, то 2022 г. характеризовался резкими перепадами, обусловленными чередой травмирующих событий. Но несмотря на беспрецедентный характер шоков, вызванных началом специальной военной операции, частичной мобилизацией, усилением санкционного давления, масштабы всплесков негативных настроений, вызванных этими событиями, не приобрели длительного и угрожающего характера. В конце 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. наблюдалось даже некоторое улучшение социальных настроений, определенный рост позитивных ожиданий. Доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, после последовательного двухлетнего сокращения в 2021 г. по сравнению с 2019 г. с 52 до 50,6%, к концу 2022 г. увеличилась до 51,9%. В то же время доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью в целом, после сокращения за 2020–2021 гг. с 23,2 до 21,9%, к концу 2022 г. снизилась до минимальных 20,7%.

Несмотря на немалые трудности, было отмечено некоторое повышение удовлетворенности россиян материальной стороной своей жизни. Если с 2019 по 2021 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась с 23,6 до 22,4%, то в конце 2022 г. она увеличилась до 23,7%. Одновременно доля тех, кто были в той или иной степени не удовлетворены своим материальным положением, после медленного сокращения с 56,2% в 2019 г. до 55,2% в 2021 г., в конце 2022 г. резко снизилась до 50,1%. Таким образом, в 2022 г. число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, стало превышать число довольных в 2,1 раза, что было меньше 2,5 раза в предыдущем году. Позитивные сдвиги во многом стимулировали возросшие социальные выплаты и усиление адресной поддержки наименее обеспеченных слоев населения. Кроме того, в сложных условиях многие россияне выражали готовность перетерпеть ухудшение экономической ситуации в стране. Вместе с тем сократилась доля тех, кто утверждал, что экономические проблемы стали чаще обходить их стороной. Положительные оценки изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу, после увеличения с 11,9% в 2020 г. до 16,1% в 2021 г., в 2022 г. сократились до 15%. При этом доля респондентов, указавших на ухудшение материального положения своих семей, вслед за сокращением с 28,8% в 2020 г. до 24,3% в 2021 г., в 2022 г. практически не изменилась, составив 24,5%. Но наиболее представительной, как

и прежде, являлась доля респондентов, которые не видели изменений в уровне материальной обеспеченности своих семей. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. она увеличилась с 59,3 до 59,6% и далее к концу 2022 г. — до 60,5%.

За годы постсоветского периода, наполненного драматическими событиями, у большинства россиян сложилось понимание, что кризисы рано или поздно заканчиваются. Однако в 2022 г. тревожность в плане экономических ожиданий и ожиданий стабильности не только не стала слабее, а даже немного усилилась. В условиях резко обострившихся экономических трудностей, вызванных усилением санкций, и возросшей неопределенности, россияне стали более пессимистично оценивать перспективы улучшения своего материального положения. Доля респондентов, полагающих, что в следующем году они будут жить намного или немного лучше, на протяжении последних трех лет не менялась, составляя 15,9%, тогда как доля лиц, которые не ожидали каких-либо изменений, снизилась с 50,6 в 2021 г. до 46,1% в 2022 г. В то же время доля респондентов, считающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного хуже, за последний год увеличилась с 14,2 до 16,1%, а доля неопределившихся с ответом поднялась с 19,3 до 21,9%. Кроме того, в конце 2022 г., как и годом ранее, доля респондентов, обеспокоенных трудностями материального обеспечения в ближайшем будущем, составила 63,1%. В то же время доля тех, кого совсем не беспокоила или практически не беспокоила эта проблема, уменьшилась с 21,6% в 2021 г. до 20,8% в 2022 г.

События прошедшего 2022 г. сильно изменили экономическую ситуацию в стране, в том числе и рынок труда. Но к концу года большинство тенденций, характеризующих эти перемены, приостановились и обстановка на рынке труда стала довольно спокойной и размеренной. В этом убеждает, в частности, стабилизация уровня тревожности работников предприятий и организаций по поводу угрозы безработицы. Если с 2020 по 2021 г. доля респондентов из числа занятых, которые были в большей или меньшей степени обеспокоены угрозой потери работы, сократилась с 63,9 до 58%, то в 2022 г. она увеличилась, но всего лишь до 58,3%. Что касается тех, кого эта проблема не беспокоила, то их доля с 2020 по 2021 г. выросла с 21,5 до 26,7%, тогда как в 2022 г. она уменьшилась до 25,6%. Поубавился пессимизм по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места как следствие возросшего дефицита рабочей силы, обусловленного частичной мобилизацией и эмиграцией, и снижения напряженности на рынке труда. Доля респондентов, полностью или скорее уверенных в том, что им удастся найти работу не хуже прежней, если это потребуется, последовательно выросла с 32% в 2020 г. до 37,4% в 2021 г. и далее до 39,1% в 2022 г. Одновременно сократился удельный вес респондентов, которые были не очень уверены или совсем не уверены в возможности положительного решения проблемы трудоустройства, — с 46% в 2020 г. до 38,7% в 2021 г. и затем до 36,8% в 2022 г.

Как и годом ранее, наиболее распространенной причиной прекращения работы стало ухудшение здоровья работников. Но за прошедший год доля респондентов, уволившихся с основной работы по этой причине, уменьшилась с 16,7 в 2021 г. до 14,9% в 2022 г. Одними из самых распространенных и равных по значимости оказались такие причины прекращения работы, как неудовлетворенность размером заработной платы (доля уволившихся по этой причине уменьшилась с 12,3% в 2021 г. до 11,6% в 2022 г.) и сокращение должности, закрытие предприятия (доля

потерявших работу по этим причинам увеличилась с 9% в 2021 г. до 11,6% в 2022 г.). За прошедший год увеличилась доля респондентов, которые прекратили работу из-за выхода на пенсию (с 7,4 до 10,9%), но лишь немного уменьшилась доля уволившихся из-за недовольства условиями труда (с 8,7 до 8,3%). Существенно выросла доля прекративших работу из-за семейных обстоятельств (с 3,3 до 7,9%), и в то же время не менее значительно уменьшилась доля уволившихся для того, чтобы продолжить обучение (с 11 до 6,6%). Работники стали реже увольняться из-за сложных взаимоотношений с руководством, с коллективом предприятия (доля таких работников уменьшилась с 6 до 4,6% за прошедший год), по причине окончания контракта, трудового договора (с 5,7 до 5%), появившейся возможности не работать (с 4,3 до 3,6%), но гораздо чаще стали увольняться по причине смены места жительства (доля уволившихся по этой причине увеличилась с 0,3 до 1,7%). Наименее весомой в 2022 г., как и годом ранее, была доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали собственное дело или семейный бизнес (0,7%).

В условиях острого экономического кризиса и возросшей неопределенности, связанной с теми радикальными сдвигами, которые происходят в глубинах рынка труда и в целом в российской экономике, выявлены сокращение числа желающих найти новую работу и активности соискателей на рынке труда. Но, несмотря на это, неизменной осталась иерархия способов поиска работы. В тройку наиболее часто используемых способов поиска рабочего места вошли помощь друзей и знакомых (наблюдался рост доли использующих данный способ респондентов с 75,1% в 2021 г. до 80,6% в 2022 г.), обращения к рекламным объявлениям в интернете (сокращение с 67,2 до 66,2%), помощь родственников (рост с 46,4 до 54,7%). Следующие позиции заняли обращения непосредственно на предприятия, значимость которых практически не изменилась (их доля сократилась с 45,4 до 43,9% за прошедший год), обращения к традиционным рекламным объявлениям (сокращение с 40,7 до 36,3%), использование социальных сетей (увеличение с 30,9 до 31,5%). Наименее распространенными способами поиска работы, как и прежде, оказались обращения к услугам государственных служб занятости (их доля увеличилась с 21,1 до 25,3% за прошедший год) и негосударственных служб занятости (увеличение с 8,8 до 14,2%).

Исследование выявило дальнейшее повышение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Так, за прошедший год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, после повышения годом ранее с 71,9 до 72,4%, вновь выросла до максимальных 75,1%. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. заметно вырос также уровень удовлетворенности занятых условиями труда (с 71,3 до 74,9%), оплатой труда (с 38,3 до 44,1%), возможностями профессионального роста (с 57,1 до 59,5%). Кроме того, отмечен рост удельного веса работников, в большей или меньшей степени удовлетворенных продолжительностью рабочего дня (с 72,2 до 73,5%), соответствием имеющейся работы уровню своей профессиональной квалификации (с 73,1 до 74,2%), графиком работы (с 72,7 до 75,9%), соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни (с 64,1 до 66,7%).

Список литературы

- Долженков А.* Спокойная осень 2022 г. // Эксперт. 2022. № 34. С. 13–17.
- Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. Январь 2022 г. № 1 (61) / Банк России. М., 2022. 7 с. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39719/Infl_exp_22-01.pdf (дата обращения: 27.11.2023).
- Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Июль 2022. № 8 (161) / Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. В. С. Гуревича, А. В. Колесникова, С. М. Дробышевского [и др.]. 18 с. URL: <https://www.iep.ru/ru/doc/37510/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-8-161-iyul-2022-g.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
- Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Август 2022 г. № 9 (162) / Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. В. С. Гуревича, А. В. Колесникова, С. М. Дробышевского [и др.]. 35 с. URL: <https://www.iep.ru/ru/doc/37592/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-9-162-avgust-2022-g.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
- Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: Информация Министерства экономического развития РФ от 18 мая 2022 г. // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. 09.06.2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404624399/> (дата обращения: 27.11.2023).
- Соловьева О.* Нужно больше работников, чтобы производить меньше // Независимая газета. 2023. 20 февр.
- Социально-экономическое положение регионов РФ – итоги 2022 года: Аналитический бюллетень. Вып. 49 / РиаРейтинг. М., 2023. 74 с. URL: <https://riarating.ru//images/63023/89/630238975.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
- Турунцев А.* Доходы обошли прогнозы // Эксперт. 2023. № 11. С. 55.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.1

RUSSIAN HOUSEHOLDS: DYNAMICS OF INCOME, EXPENDITURES, SOCIAL WELL-BEING (1994–2022)

Voronin G. L., Dorofeeva Z.E., Evgrafova K. O., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.

Abstract. In this article, we demonstrate how socio-economic conditions of Russian households had been changing from 1994 to 2022. To do so, we rely on the data from a unique series of nationally representative household surveys “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). As the RLMS-HSE data shows, the average real household income declined by 7.1% in 2022. There was a slight increase in wages, with a 2.9-percent rise in 2021 and a 1.8-percent rise in 2022. Income from government

transfers saw a significant increase of 14% in 2021, yet this was followed by a decline back to previous levels, with a 13.5-percent decrease in 2022. Household income received from domestic production and informal employment declined significantly, with income in cash being two times lower and income in-kind being 1.5 times lower compared to 2021. Monetary transfers from relatives and charitable donations to households contracted by 8.5% in 2022. Following a brief decline from 45.7 to 45.1% in 2021, the proportion of wages in the total gross household income increased and reached 47.2% in 2022. Income inequality remained at the level observed in 2021, with the average income of the top 20% of households being 2.3 times higher than the average income of the bottom 20% of households. The modest 3.2% growth in average household expenditure recorded in 2021 slowed down to 0.3% in 2022. As a result, household expenditure failed to recover from a precipitous decline of 30% observed in the initial phase of the COVID-19 pandemic in 2020. The disparity in household expenditure between the top and bottom 20% of households persisted, with affluent families spending 5.1 times more than those in poverty. The unemployment rate remained at the lowest level ever recorded standing at 3.1% of the total labor force. However, labor force participation fell from 81.5% in 2021 to 80.6% in 2022. The gender pay gap decreased with women earning 76.8% of men's average income in 2022 compared to 73.2% in 2021. The proportion of workers facing wage arrears in 2022 was 0.7%, representing a slight uptick from the historic low of 0.6% recorded a year earlier. However, there was a further increase in delayed pension payments. The proportion of retirees failing to receive their monthly pensions on time rose from 1.5% in 2018 to 9.3% in 2022 among men and from 1.4 to 7.8% among women. In 2022, public attitudes were characterized by two opposing trends. While general life satisfaction and self-assessed economic well-being improved slightly in 2022, people were increasingly pessimistic about their economic prospects. However, people felt more confident about their employment opportunities. The proportion of respondents who believed they would be able to find another job if they lost their current position increased consistently from 32% in 2020 to 37.4% in 2021 and to 39.1% in 2022. In contrast, the proportion of respondents who expressed concern about their ability to secure employment declined from 46% in 2020 to 38.7% in 2021 and to 36.8% in 2022. Furthermore, the data indicates a notable increase in job satisfaction during the same period.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, public attitudes

References

- Dolzhenkov A.* Spokoynaya osen' 2022 g. // *Ekspert*. 2022. № 34. S. 13–17.
- Inflyatsionnyye ozhidaniya i potrebitel'skiye nastroyeniya: Informatsionno-analiticheskiy kommentariy. Yanvar' 2022 g. № 1 (61) / *Bank Rossii*. M., 2022. 7 s. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39719/Infl_exp_22-01.pdf (data obrashcheniya: 27.11.2023).
- Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Iyul' 2022. № 8 (161) / Institut ekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gaydara, Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii; pod red. V. S. Gurevicha, A. V. Kolesnikova, S. M. Drobyshevskogo [i dr.]. 18 s. URL: <https://www.iep.ru/ru/doc/37510/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-8-161-iyul-2022-g.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
- Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Avgust 2022 g. № 9 (162) / Institut ekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gaydara, Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii; pod red. V. S. Gurevicha, A. V. Kolesnikova, S. M. Drobyshevskogo [i dr.]. 35 s. URL: <https://www.iep.ru/ru/doc/37592/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-9-162-avgust-2022-g.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
- Osnovnyye parametry stsenarnykh usloviy prognoza sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2023 god i na planovyy period 2024 i 2025 godov: Informatsiya Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 18 maya 2022 g. // GARANT.RU. Informatsionno-pravovoy portal. 09.06.2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404624399/> (data obrashcheniya: 27.11.2023).
- Solov'yeva O.* Nuzhno bol'she rabotnikov, chtoby proizvodit' men'she // *Nezavisimaya gazeta*. 2023. 20 fevr.
- Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye regionov RF – itogi 2022 goda: Analiticheskiy byulleten'. Vyp. 49 / *RiaReyting*. M., 2023. 74 s. URL: <https://riarating.ru/images/63023/89/630238975.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
- Turuntsev A.* Dokhody oboshli prognozy // *Ekspert*. 2023. № 11. S. 55.

Рощина Я. М.

КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЛИ ИЗМЕНЕНИЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ В 2022 г.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.2

Аннотация. Статья посвящена изменениям в жизни россиян после февраля 2022 г. Ответы респондентов свидетельствуют, что у 50,3% появилось чувство тревоги, 26,8% пришлось экономить на продуктах питания, 14,1% не смогли поехать отдыхать, 12,5% стали реже ходить в кино и театр. Каждый десятый отметил, что пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники. Около 8% респондентов сказали, что не могли купить нужные лекарства. Столько же отметили, что им пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины. На вопрос «Скажите, как изменилась Ваша жизнь после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.?» 74% респондентов ответили, что они живут, как и раньше, для них ничего не изменилось, 7,9% сказали, что они многое изменили, но уже приспособились, а 0,3% даже использовали ситуацию, чтобы изменить жизнь к лучшему. Почти 14% отметили, что им трудно приспособиться к изменениям, а 3,9% – что они никак не могут справиться с новыми условиями и возникшими трудностями. При этом больше всего тех, кто не может справиться с ситуацией или привыкнуть к новым условиям, наблюдалось среди москвичей и петербуржцев, людей с высшим образованием и старшего возраста, самых обеспеченных. При помощи кластерного анализа были выделены пять групп россиян, различающихся степенью и направленностью изменений в жизни. Самая большая группа (57,8%) считали, что в их жизни не произошло никаких изменений, и действительно, уровень проблем для них был минимален. Наиболее затронутыми практически всеми сторонами кризиса оказались 6,3% респондентов, а для 7,5% наибольшая проблема была связана с экономией на продуктах питания. Еще 11,7% не смогли приспособиться к ситуации, хотя реже сталкивались со сложностями, чем остальные россияне. Наконец, 16,6% респондентов полагали, что их жизнь не изменилась, но в то же время подавляющее большинство из них отмечали экономию на продуктах питания.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, экономия на питании, тревожность, изменения в жизни

Ситуация после февраля 2022 г. существенно изменила жизнь россиян: из России ушли многие иностранные компании, что привело как к сокращению рабочих мест, так и к исчезновению некоторых товаров и услуг; часть сбережений в валюте оказались заблокированы или их можно было снять только в рублях по низкому курсу; в России перестали работать иностранные платежные системы; исчезло воздушное сообщение с Европой, США и некоторыми другими странами и т. д. Это привело к тому, что кто-то остался без работы, кто-то не мог полноценно распоряжаться сбережениями или потерял часть средств из-за низкого на тот момент валютного курса. Некоторым пришлось отказаться от запланированного в Европе отдыха или покупки автомобиля желаемой марки, которые перестали поставляться в Россию. Помимо материальных трудностей, многие не могли справиться и с психологическими, о чем косвенно свидетельствует выросший спрос на антидепрессанты в этот период.

В исследовании «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» осенью 2022 г. был задан блок вопросов о том, как ситуация, начиная с февраля 2022 г., повлияла на жизнь россиян (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г. ...», в зависимости от уровня доходов (по квинтильным группам, где 1 – самые бедные, 5 – самые обеспеченные), 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Квинтильные группы					Всего
	1	2	3	4	5	
Вам пришлось экономить на продуктах питания	30,9	33,4	27,4	24,5	19,0	26,8
Вы не смогли купить нужные лекарства	9,3	9,8	7,6	6,8	6,0	7,8
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	9,5	6,8	7,4	6,6	8,7	7,7
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	13,9	11,0	10,7	9,7	10,9	11,1
Вы начали пить или стали больше пить алкоголя	1,5	1,6	0,9	1,1	1,5	1,3
Вы стали реже ходить в кино, театр и т. п.	14,0	12,2	9,6	11,8	15,5	12,5
у Вас появилось чувство тревоги	45,5	49,9	49,1	51,7	54,4	50,3
Вы не смогли произвести платеж по кредиту	1,9	1,3	0,6	0,8	0,7	1,0
Вы не смогли поехать отдыхать	14,9	14,4	11,7	12,9	17,0	14,1
Ваши сбережения или активы оказались «заморожены»	1,2	0,6	0,8	0,7	1,9	1,0
Отношения в семье стали хуже	5,5	5,0	3,6	3,3	5,1	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	3,4	3,1	2,6	3,1	5,1	3,5

Как можно заметить, выше всего доля тех, кто ответил, что у них появилось чувство тревоги – 50,3% респондентов, 26,8% опрошенных ответили, что им пришлось экономить на продуктах питания, еще 14,1% не смогли поехать отдыхать, 12,5% стали реже ходить в кино и театр, более чем каждый десятый отметил, что пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники. Чуть менее чем по 8% респондентов сказали, что не смогли купить нужные лекарства и что пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости

или машины. Относительно небольшая доля опрошенных отметила, что у них стали хуже отношения в семье (4,4%) и с друзьями (3,5%). Меньше всего тех, кто не смог расплатиться по кредиту (1%) или признал, что начал или стал пить больше алкоголя (1,3%).

Конечно, изменения в разной степени коснулись людей из разных социальных групп. Пожалуй, наибольшие различия можно наблюдать по уровню душевого дохода, образованию, месту жительства и возрасту (табл. 1–4), но значимы и другие характеристики.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г....», в зависимости от уровня образования, 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Уровень образования				Всего
	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее профессиональное	Высшее	
Вам пришлось экономить на продуктах питания	21,8	28,8	28,6	25,8	26,8
Вы не смогли купить нужные лекарства	7,3	8,5	8,0	7,2	7,8
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	5,1	7,9	7,8	9,1	7,7
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	8,6	9,8	12,8	12,4	11,1
Вы начали пить или стали больше пить алкоголя	1,5	1,5	1,3	1,1	1,3
Вы стали реже ходить в кино, театр и т. п.	8,0	10,9	13,2	16,5	12,6
У Вас появилось чувство тревоги	33,8	47,8	55,4	58,1	50,3
Вы не смогли произвести платеж по кредиту	0,8	1,3	1,1	0,7	1,0
Вы не смогли поехать отдохнуть	7,6	12,6	14,6	19,3	14,1
Ваши сбережения или активы оказались «заморожены»	0,4	0,7	0,9	1,9	1,0
Отношения в семье стали хуже	4,8	4,6	4,5	4,0	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	2,4	3,0	3,6	4,5	3,5

Если говорить об экономии на продуктах питания, то она больше всего затронула наименее обеспеченных: об этом факте заявили 30,9% респондентов из нижнего квинтиля, по сравнению с 19% – из верхнего (табл. 1). Выше доля тех, кому пришлось экономить, среди старшего поколения (29,2%) по сравнению с молодыми (15,4%), безработных (41,3%) по сравнению с занятыми (26,3%) и неактивными (26,9%), женщин (30,2%) по сравнению с мужчинами (21,9%), семей с тремя детьми (33,9%) по сравнению с семьями с одним ребенком (25,2%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г....»,
в зависимости от места жительства, 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Место жительства				Всего
	Москва, Санкт- Петербург	Областной центр	Другой город	ПГТ, село	
Вам пришлось экономить на продуктах питания	25,3	26,6	28,2	26,4	26,8
Вы не смогли купить нужные лекарства	11,9	7,4	7,0	7,3	7,8
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	4,8	6,5	11,6	6,9	7,7
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	8,9	9,6	14,7	10,6	11,1
Вы начали пить или стали больше пить алкоголя	2,5	1,8	1,1	0,6	1,3
Вы стали реже ходить в кино, театр и т. п.	19,5	13,9	11,6	9,4	12,5
у Вас появилось чувство тревоги	57,4	51,0	54,2	43,9	50,3
Вы не смогли произвести платеж по кредиту	1,2	1,3	0,7	1,0	1,0
Вы не смогли поехать отдохнуть	17,8	14,3	13,4	13,2	14,1
Ваши сбережения или активы оказались «заморожены»	4,4	0,6	0,8	0,4	1,0
Отношения в семье стали хуже	7,8	4,6	3,4	4,0	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	10,0	2,8	2,9	2,3	3,5

Невозможность купить нужные лекарства больше всего затронула москвичей и жителей Санкт-Петербурга (11,9%), людей старшего возраста (9,5%), менее обеспеченных (более 9%), безработных (14%), женщин (9,5%). Проблема с невозможностью вернуть кредит больше всего затронула безработных – 3,5% (при среднем 1%), а замороженность сбережений – жителей Москвы и Санкт-Петербурга – 4,4% (при среднем также в 1%).

Хотя отказаться от покупки недвижимости или машины пришлось в среднем всего 7,7% опрошенных, эта доля оказалась выше как среди наименее обеспеченных (9,5%), так и среди наиболее обеспеченных (8,7%), а также среди людей с высшим образованием (9,1%), жителей городов – не областных центров (11,6%), людей среднего возраста от 26 до 40 лет (12,7%), безработных (13,8%), состоящих в браке (10%), в семье которых 2 ребенка (10,6%). Такая же доля респондентов не смогли купить бытовую технику, хотя собирались это сделать (7,7%). Эта проблема была наиболее актуальной для людей из низшей квинтильной группы (13,9%), людей со средним и высшим профессиональным образованием (более 12%), жителей небольших городов (14,7%), людей среднего возраста (15,7%), безработных (19,4%), семей с тремя и больше детьми (14,2%). Вероятно, причины отказа от покупки бытовой техники и электроники могли быть разными: для одних основной проблемой оказался уход привычных брендов, для других – недостаток дохода, у кого-то могли измениться жизненные приоритеты.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г....»,
в зависимости от возраста, 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Возраст, лет				Всего
	< = 25	26–40	41–60	61+	
Вам пришлось экономить на продуктах питания	15,4	28,7	28,1	29,2	26,8
Вы не смогли купить нужные лекарства	3,2	6,6	7,9	10,5	7,8
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	5,1	12,7	9,3	3,9	7,7
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	9,2	15,7	12,5	7,4	11,1
Вы начали пить или стали больше пить алкоголя	0,6	2,0	1,9	0,6	1,3
Вы стали реже ходить в кино, театр и т. п.	15,8	20,9	12,5	5,3	12,5
у Вас появилось чувство тревоги	33,0	52,1	52,3	54,7	50,3
Вы не смогли произвести платеж по кредиту	0,6	1,7	1,3	0,4	1,0
Вы не смогли поехать отдыхать	12,3	23,2	15,0	7,8	14,1
Ваши сбережения или активы оказались «заморожены»	0,3	1,8	0,8	1,0	1,0
Отношения в семье стали хуже	3,3	5,0	4,9	4,1	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	2,4	4,4	3,5	3,3	3,5

Хотя отказ от посещения театров и кино как форма проведения досуга может показаться менее серьезной проблемой, чем невозможность купить продукты питания или бытовую технику, тем не менее это также важная сторона повседневной жизни людей. По сравнению со средним значением (12,5%) доля тех, кто сообщил о снижении частоты посещения зрелищных мероприятий, была выше среди людей как более бедных, так и более обеспеченных (14 и 15,5% соответственно), людей с высшим образованием (16,5%), жителей Москвы и Санкт-Петербурга (19,5%), людей среднего возраста (20,9%), безработных (26,1%), тех, у кого трое и более детей (17,5%). О том, что они не смогли поехать в отпуск, как обычно, в среднем заявили 14,1% респондентов, при этом эта доля составила 17% среди самых обеспеченных, 19,3% – среди имеющих высшее образование, 17,8% – среди жителей столицы и Санкт-Петербурга, 23,2% – среди людей в возрасте 26–40 лет, 22,5% – среди семей с тремя и более детьми.

Ухудшение отношений в семье (по сравнению с 4,4% в среднем) больше всего коснулось жителей Москвы и Санкт-Петербурга (7,8%), а ухудшение отношений с друзьями – самых богатых (5,1%), а также москвичей и петербуржцев (10%).

Очевидно, что люди столкнулись с разными проблемами в своей жизни в силу разных причин: кому-то не хватало денег на еду и бытовую технику, а более обеспеченные и образованные люди не смогли поехать в отпуск, получить свои сбережения, стали реже ходить в театры и кино. Однако можно сказать, что для половины россиян кризис 2022 г. оказался психологически сложным и породил чувство тревоги. Больше всего об этом заявляли люди с высшим образованием (58,1%), обеспеченные (54,4%), жители Москвы и Санкт-Петербурга (57,4%), люди старшего возраста (57,4%), а в наименьшей степени – те, кому не больше 25 лет (33%).

В то же время, вероятно, ответы респондентов не слишком последовательны, так как, отвечая на вопрос о наличии у них тех или иных проблем в сфере ментального здоровья (табл. 5), лишь 16,6% отметили, что для них характерно чувство тревоги, а 14,4% – частая нервозность.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Для вас характерны...?», по годам, в %

Варианты ответов	2012	2021	2022
Частая нервозность	28,8	16,3	14,0
Чувство тревоги, частые приступы паники	22,1	14,2	17,0
Приступы раздраженности, агрессии	22,6	10,9	9,4
Хроническая бессонница	18,4	11,5	14,7
Ослабление памяти	23,6	19,9	19,3
Периодическая депрессия	16,1	8,6	7,7
Другие психические расстройства	2,3	0,9	0,8
Хотя бы одно из перечисленных	52,7	37,1	36,5

В целом, судя по результатам данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, нельзя сказать, что в 2022 г. по сравнению с 2021 г. доля людей, страдающих ментальными расстройствами, выросла – по крайней мере одна из перечисленных в вопросе проблем была характерна для 37,1% респондентов в 2021 г. и для 36,5% – в 2022 г. В то же время если сравнить эти ответы с ответами людей в 2012 г., то мы можем зафиксировать существенное снижение доли тех, кто заявил о наличии у них ментальных расстройств: наличие хотя бы одного из них фиксировали более половины опрошенных, то есть к 2021–2022 г. наблюдается снижение почти в 1,5 раза.

Все же среди тех, кто положительно ответил на вопрос «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г. у Вас появилось чувство тревоги?», характерна более высокая доля тех, кто имеет те или иные расстройства, по сравнению с теми, кто ответил отрицательно (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Для вас характерны...?», в зависимости от появления чувства тревоги, 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Появилось ли чувство тревоги после февраля 2022 г.	
	Нет	Да
Частая нервозность	10,0	18,2
Чувство тревоги, частые приступы паники	8,3	25,8
Приступы раздраженности, агрессии	7,2	11,6
Хроническая бессонница	11,6	17,9
Ослабление памяти	13,5	25,1
Периодическая депрессия	5,4	10,0
Другие психические расстройства	0,7	0,9
Хотя бы одно из перечисленных	26,8	46,5

В 2022 г. респондентам также был задан вопрос «В течение последних 12 месяцев Вы обращались к врачу по поводу нервного расстройства?», на него положительно ответили 9,4% тех, у кого была хотя бы одна ментальная проблема из перечисленных в вариантах ответов. Обращаются к врачу примерно по 12–13% тех, кто столкнулся с тем или иным расстройством, за исключением депрессии: в этом случае ищут врачебной помощи 18,8% людей. Можно также отметить, что ментальные проблемы выше среди людей старшего возраста, по сравнению с молодежью (табл. 7), а также в Москве и Санкт-Петербурге и областных центрах, по сравнению с сельской местностью (табл. 8).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Для вас характерны...?», в зависимости от возраста, 2022 г., в %

Варианты ответов	Возраст, лет			
	< = 25	26–40	41–60	61+
Частая нервозность	7,6	11,7	14,4	18,2
Чувство тревоги, частые приступы паники	8,0	11,7	16,5	25,1
Приступы раздраженности, агрессии	7,6	9,1	10,2	9,6
Хроническая бессонница	1,8	4,1	10,4	32,3
Ослабление памяти	2,2	6,1	14,2	41,1
Периодическая депрессия	4,0	5,4	8,0	10,6
Другие психические расстройства	1,1	0,5	0,7	1,1
Хотя бы одно из перечисленных	15,0	23,4	34,6	57,3

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Для вас характерны...?», в зависимости от места жительства, 2022 г., в %

Варианты ответов	Место жительства			
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Другой город	ПГТ, село
Частая нервозность	22,3	13,9	14,1	11,2
Чувство тревоги, частые приступы паники	24,9	17,1	16,4	14,5
Приступы раздраженности, агрессии	13,1	10,4	8,2	8,1
Хроническая бессонница	19,3	13,5	13,7	15,1
Ослабление памяти	23,5	17,8	19,7	18,8
Периодическая депрессия	10,6	8,2	7,8	6,1
Другие психические расстройства	0,9	1,3	0,7	0,5
Хотя бы одно из перечисленных	47,1	34,4	37,8	33,7

Респондентам также задали вопрос «Скажите, как изменилась Ваша жизнь после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.?», при этом 74% опрошенных ответили, что они живут, как и раньше, для них ничего не изменилось, 7,9% – что они многое изменили, но уже приспособились, а 0,3% даже использовали ситуацию, чтобы изменить жизнь к лучшему (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Скажите, как изменилась Ваша жизнь после начала специальной военной операции в феврале 2022 г.?», в зависимости от места жительства, 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Место жительства				Всего
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Другой город	ПГТ, село	
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	8,4	3,8	3,3	2,9	3,9
Очень трудно привыкнуть к изменениям	21,6	14	12,2	12,4	13,9
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом я уже приспособился/приспособилась	7,5	6,8	9,6	7,6	7,9
Я живу, как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось	62,3	75,2	74,6	76,7	74,0
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	0,3	0,3	0,2	0,4	0,3

Почти 14% респондентов отметили, что им трудно приспособиться к изменениям, а 3,9% – что они никак не могут справиться с новыми условиями и возникшими трудностями. При этом больше всего тех, кто не может справиться с ситуацией или привыкнуть к новым условиям, среди москвичей и петербуржцев (в сумме 30%), людей с высшим образованием и старшего возраста (более чем по 20%), самых обеспеченных (22,3%). Напротив, доля тех, у кого «ничего не изменилось в жизни», самая высокая среди молодых до 25 лет (82%).

Разумеется, неудивительно, что среди тех, кто не смог справиться с ситуацией к осени 2022 г. (время опроса), более половины вынуждены экономить на продуктах питания, четверть не смогли купить нужные лекарства, треть стали реже ходить в театры и кино, 40% не смогли поехать в отпуск, почти 12% не могли распоряжаться своими активами, у каждого пятого стали хуже отношения в семье или с друзьями (табл. 10). В этой группе самая высокая тревожность (86,3%), а также тех, кто стал пить больше алкоголя (9,8%).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 г....», в зависимости от степени адаптации к ситуации (1 – не могу справиться, 2 – трудно привыкнуть, 3 – уже приспособился, 4 – ничего не изменилось), 2022 г., вертикальный %

Варианты ответов	Степень адаптации				Всего
	1	2	3	4	
Вам пришлось экономить на продуктах питания	52,0	40,2	46,4	21,0	26,8
Вы не смогли купить нужные лекарства	25,7	14,9	12,7	5,1	7,8
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	12,9	16,9	17,5	4,7	7,7
Вам пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	27,9	19,4	21,9	7,5	11,1
Вы начали пить или стали больше пить алкоголя	9,8	2,7	2,2	0,5	1,3

Продолжение таблицы 10

Варианты ответов	Степень адаптации				Всего
	1	2	3	4	
Вы стали реже ходить в кино, театр и т. п.	32,4	20,9	22,7	9,1	12,5
У Вас появилось чувство тревоги	86,3	77,3	68,4	41,5	50,3
Вы не смогли произвести платеж по кредиту	4,5	1,4	1,7	0,7	1,0
Вы не смогли поехать отдохнуть	40,4	23,9	26,8	9,8	14,1
Ваши сбережения или активы оказались «заморожены»	11,8	1,9	1,0	0,4	1,0
Отношения в семье стали хуже	20,1	7,4	8,3	2,8	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	20,7	7,0	5,0	1,9	3,5

Между следующими двумя группами – тех, кому трудно привыкнуть к новым условиям, и тех, кто многое изменил, но уже приспособился, – разница в ответах на этот блок вопросов небольшая и доля ответивших положительно на наличие всех проблем существенно меньше, чем в первой группе, но все же довольно высока. Но даже среди трех четвертей населения, которые сказали, что в их жизни ничего не изменилось, каждый пятый стал экономить на еде, у четвертых из десяти появилось чувство тревоги, каждый десятый не смог поехать отдохнуть.

С использованием переменных наличия изменений в жизни, а также двух дамми, в первой из которых мы объединили ответы «Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями» и «Очень трудно привыкнуть к изменениям», а во второй – «Я живу, как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось» и «У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего», мы построили модель кластерного анализа методом К-средних, выделив пять групп, различающихся степенью и направленностью изменений в жизни (табл. 11).

Таблица 11

Кластерные центры модели кластерного анализа методом К-средних, вертикальный %

Изменения и/или значимые события в жизни респондентов	Номер кластера					Всего
	1	2	3	4	5	
Трудно привыкнуть или не могу справиться с ситуацией	68,4	78,6	0,0	41,9	0,0	17,8
В жизни ничего не изменилось или стало лучше	0,0	0,0	97,5	33,2	100	74,3
Пришлось экономить на продуктах питания	100,0	0,0	0,0	73,2	80,2	26,8
Не смогли купить нужные лекарства	28,4	3,2	1,2	29,7	13,8	7,8
Пришлось отказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	5,8	6,2	2,0	70,7	4,9	7,7
Пришлось отказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	11,3	3,7	2,3	89,9	13,1	11,1
Начали пить или стали больше пить алкоголя	3,3	1,2	0,3	8,9	0,9	1,3
Стали реже ходить в кино, театр и т. п.	20,6	10,5	1,4	69,1	23,4	12,5
Появилось чувство тревоги	79,1	76,1	31,3	84,4	64,9	50,3
Не смогли произвести платеж по кредиту	1,6	0,3	0,2	6,9	1,6	1,0

Продолжение таблицы 11

Изменения и/или значимые события в жизни респондентов	Номер кластера					Всего
	1	2	3	4	5	
Не смогли поехать отдыхать	23,0	13,5	1,4	83,1	24,5	14,1
Сбережения или активы оказались «заморожены»	4,6	2,2	0,1	3,9	0,5	1,0
Отношения в семье стали хуже	15,5	4,6	1,9	12,8	5,0	4,4
Отношения с друзьями стали хуже	11,3	6,1	1,4	9,9	3,2	3,5
Доля кластера в выборке, горизонтальный %	7,5	11,7	57,8	6,3	16,6	100,0

Выделенные кластеры имеют также значимые различия по социально-экономическим характеристикам (табл. 12).

Таблица 12

Социально-экономические характеристики кластеров, вертикальный %

Характеристики	Номер кластера					Всего
	1	2	3	4	5	
Возраст						
< = 25	5,1	10,4	17,5	11,7	9,6	14,0
26–40	23,0	23,4	20,1	36,2	23,3	22,3
41–60	32,2	32,9	31,6	36,4	35,3	32,7
61+	39,7	33,4	30,8	15,6	31,8	31,0
Образование						
Неполное среднее	13,1	11,0	19,4	10,8	12,5	16,2
Полное среднее	27,9	25,3	29,2	27,9	32,1	29,1
Среднее профессиональное	27,2	27,7	25,8	29,0	28,7	26,8
Высшее	31,8	36,1	25,6	32,3	26,6	27,9
Доля мужчин	32,1	42,0	44,2	43,0	32,9	41,1
Номер квинтильной группы						
1	18,7	11,4	16,1	21,8	19,0	16,6
2	21,2	15,7	18,1	21,0	23,1	19,1
3	21,5	18,8	21,7	19,0	21,4	21,1
4	21,6	22,5	23,0	19,2	21,2	22,3
5	17,0	31,6	21,1	19,0	15,4	20,9
Количество несовершеннолетних в семье						
0	61,3	62,0	59,5	47,1	59,2	59,1
1	19,6	20,0	22	29,1	19,3	21,6
2	13,6	13,2	12,7	16,7	12,6	13,1
3 и больше	5,5	4,8	5,8	7,1	8,8	6,2
Тип населенного пункта						
Москва, Санкт-Петербург	20,0	18,1	10,5	9,2	9,6	11,9
Областной центр	28,1	28,1	30,5	29,0	31,4	30,1
Другой город	25,4	24,4	25,4	33	22,9	25,4
ПГТ, село	26,6	29,4	33,6	28,8	36,0	32,6

Первый кластер (7,5% выборки) характеризуется тем, что все респонденты отметили, что им пришлось экономить на продуктах питания, и никто не сказал, что в их жизни ничего не изменилось. В этой группе также выше среднего доля тех, кто не смог купить нужные лекарства (28,4%), стал реже ходить в театры, музеи и т. д. (20,6%), кто не смог поехать отдохнуть (23%), у кого стали хуже отношения в семье (15,5%) и с друзьями (11,3%). Доля тех, у кого появилось чувство тревоги, в полтора раза выше среднего (79,1%). С точки зрения социально-экономических характеристик в этом кластере значимо ниже доля самых молодых (5,1%), мужчин (32,1%), самых обеспеченных (17%), жителей села (26,6%).

Для второго кластера (11,7%) характерно то, что в нем никто не ответил, что экономит на продуктах питания, но и никто не сказал, что в жизни ничего не изменилось, хотя почти по всем перечисленным вопросам доля позитивных ответов ниже среднего, за исключением чувства тревоги (76,1%) и ухудшения отношений с друзьями (6,1%). Таким образом, это люди, которые тяжело переживают ситуацию прежде всего психологически, а не из-за депривации. В этой группе чуть меньше молодых и чуть больше пожилых, чем в среднем, значимо выше доля людей с высшим образованием (36,1%), из пятого доходного квинтиля (31,6%), из Москвы и Санкт-Петербурга (18,1%).

Третий кластер самый многочисленный (57,8%), почти все (97,5%) его представители считают, что в их жизни ничего не изменилось, а остальные — что изменилось многое, но они уже привыкли к новой ситуации. Действительно, из этого кластера никто не экономит на продуктах питания и по остальным аспектам изменения минимальны — их отметили 1–2% опрошенных, за исключением появления чувства тревоги — этот факт зафиксировали 31,3%, но это существенно меньше среднего. В этом кластере несколько выше доля молодежи (17,5%), людей с неполным средним образованием и мужчин, однако остальные характеристики близки к средним по выборке.

Четвертый кластер (6,3%) отличается от остальных прежде всего тем, что 70,7% его представителей заявили, что им пришлось отказаться от запланированной покупки машины или недвижимости, а 89,9% — бытовой техники или электроники. Но эта группа также самая «депривированная» и по другим параметрам: 73,2% пришлось экономить на продуктах питания, 29,7% не смогли купить нужные лекарства, 69,1% стали реже ходить в театры и музеи, 6,9% не смогли выплатить взнос за кредит, 83,1% не смогли поехать отдохнуть, у 3,9% оказались заморожены сбережения. Не удивительно, что среди них самая высокая тревожность (84,4%) и больше всего тех, кто стал пить больше алкоголя (8,9%). Это люди преимущественно среднего возраста (36,2% в возрасте 26–49 лет, 36,4% — 41–60 лет), со средним профессиональным (29%) или высшим (32,3%) образованием, но среди них выше доля принадлежащих к нижней доходной группе (21,8%) и семей с детьми (52,9%), жителей городов — не областных центров (33%).

Наконец, пятый кластер (16,6%) характеризуется тем, что все его представители считают, что в их жизни ничего не изменилось, однако в то же время 80,2% заявляют, что им пришлось экономить на продуктах питания. Среди них также значимо выше, чем в среднем, доля тех, кто не смог купить нужные лекарства (13,8%), стал реже посещать зрелищные мероприятия (23,4%), не смог поехать отдохнуть (24,5%), тех, у кого появилось чувство тревоги (64,9%). Таким образом, налицо

явное противоречие реальности и ее психологической оценки. В этом кластере меньше, чем в среднем, молодежи (9,6%), мужчин (32,9%), самых обеспеченных (15,4%) и выше – семей с тремя детьми (8,8%) и жителей села (36%).

При помощи кластерного анализа были выделены 5 групп россиян, различающихся степенью и направленностью изменений в жизни. Самая большая группа, 57,8%, считают, что в их жизни не произошло никаких изменений, и действительно, уровень проблем для них минимален. Наиболее затронутыми практически всеми сторонами кризиса оказались 6,3% опрошенных, а для 7,5% наибольшая проблема связана с экономией на продуктах питания. Еще 11,7% респондентов не могут приспособиться к ситуации, хотя реже сталкиваются со сложностями, чем остальные россияне. Наконец, 16,6% респондентов полагают, что их жизнь не изменилась, но в то же время подавляющее большинство отмечают экономию на продуктах питания. Таким образом, можно утверждать, что почти 60% населения России сложности, связанные с ситуацией в 2022 г., практически не коснулись, а самые серьезные материальные проблемы испытали около 6% людей.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.2

HOW RUSSIANS SEE THEIR LIVES CHANGING IN 2022

Roshchina Ya.M.

Abstract. The article is devoted to the changes in the lives of Russians after February 2022. The answers of respondents indicate that 50.3% had a feeling of anxiety, 26.8% had to save money on food, 14.1% could not afford to go on holiday, and 12.5% went to the cinema and theatre less often. More than one in ten noted that they had to abandon the planned purchase of household appliances and electronics. About 8% of respondents said that they were no longer able to buy the necessary medicines. The same number of respondents noted that they had to refuse the planned purchase of real estate or a car. To the question “Tell me, how has your life changed since the start of the special military operation in February 2022?”, 74% of respondents said that nothing had changed for them; 7.9% said that their lives had indeed changed a lot, but they had successfully adapted to these changes, and 0.3% improved their lives thanks to the changing circumstances. Almost 14% said that it was difficult for them to adapt and 3.9% said that they were unable to cope with the new situation and challenges. At the same time, those who failed to cope successfully or get used to new circumstances were most often observed among the residents of two metropolitan areas (Moscow and St. Petersburg), people with higher education and older people, and the most affluent respondents. Cluster analysis was used to identify five groups of Russians, differing in the degree and direction of changes in life. The largest group (57.8%) believed that there had been no changes in their lives and that their problems were minimal. The most affected by almost every aspect of the crisis were 6.3% of respondents, and for 7.5% the largest problem was saving money on food. Another 11.7% were unable to adapt to the situation, although they encountered difficulties less frequently than Russians on average. Finally, 16.6% of respondents believed that their lives had not changed, but at the same time the vast majority of them noted that they had to save on food.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, saving on food, anxiety, life changes

Борзых А. А., Рощина Я. М.

ОСОБЕННОСТИ МОБИЛЬНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ПО ДОХОДАМ В 2018–2022 гг.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.3

Аннотация. В работе на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) рассматриваются динамика доходов и мобильность домохозяйств по доходам в России в период экономических трудностей с 2018 по 2022 г., сравниваются социально-демографические характеристики наиболее и наименее мобильных домохозяйств. Как свидетельствуют данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, с 2020 по 2022 г. наблюдалось более интенсивное перемещение домохозяйств по ранговой шкале доходов, чем в 2018–2019 гг. Наиболее стабильными на протяжении всех четырех лет оставались группы самых богатых и самых бедных. К самым бедным на протяжении всего рассматриваемого периода относились 7,9% домохозяйств, к самым богатым – 7,5%. При этом около 33% домохозяйств хотя бы раз оказывались в группе самых бедных и 41% – в группе самых богатых. Наиболее склонными к мобильности по доходам оказались группы со средним достатком, причем если кризис 2020–2021 гг. отразился в большей степени на стабильности более бедных, то в 2022 г. менее стабильными оказались более обеспеченные домохозяйства. В целом с 2018 по 2022 г. 42,6% домохозяйств не демонстрировали мобильности по доходам. В группу стабильно богатых домохозяйств чаще всего входили домохозяйства работающих взрослых, не отягощенных детьми или другими иждивенцами и проживающих в столичных городах (Москва, Санкт-Петербург) или областных центрах. В группу стабильно бедных чаще всего попадали домохозяйства, расположенные в сельской местности, и многодетные семьи (семьи с тремя и более детьми). В 54% случаев наиболее стабильные и наименее обеспеченные домохозяйства возглавляли работающие члены семьи, что свидетельствует о существовании в России проблемы «работающих бедных». Наличие высшего образования у главы домохозяйства, хотя и было связано с вероятностью попадания в группу стабильно богатых, не защищало домохозяйство от нисходящей мобильности. Домохозяйства пенсионеров составляли 35,3% домохозяйств со стабильным уровнем дохода. При этом наличие хотя бы одного работающего члена практически исключало попадание таких домохозяйств в группу самых бедных. Таким образом, сочетание государственных трансфертов и занятости позволяло пожилым людям сохранять стабильное финансовое положение и успешно избегать бедности.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS HSE, домохозяйство, доходы, мобильность по доходам, относительная мобильность по доходам, работающие бедные, многодетные семьи, пенсионеры

В 2018 г., по данным Росстата, впервые со времен валютного кризиса 2014 г. произошел рост реальных располагаемых доходов россиян относительно предыдущего периода. Данный тренд продолжился и в 2019 г. Однако распространение коронавирусной инфекции привело к увеличению уровня безработицы. Согласно расчетам, сделанным по методологии МОТ, безработица в России выросла с 4,8% в первом квартале до 6,2–6,3% в период с августа по ноябрь 2020 г. Уровень зарегистрированной безработицы вырос с марта по сентябрь 2020 г. в пять раз — с 1 до 4,9%, или с 0,7 до 3,7 млн человек. В некоторых регионах уровень зарегистрированной безработицы достигал 9–10%. Также было зафиксировано сокращение ВВП на 3,1%. Следует также отметить, что в связи с приостановкой работы многих предприятий возросла неполная занятость (практиковались простои, отпуска по соглашению сторон и другие формы неполной занятости). В первой волне кризиса, связанного с распространением коронавируса, неполная занятость возросла с 3,8% в первом квартале до 6,3% во втором квартале. В Москве уровень неполной занятости возрос до 8,8%, а в Санкт-Петербурге — до 10%. По итогам года реальные располагаемые доходы россиян сократились на 3,5% по сравнению с 2019 г.

С возобновлением бесперебойной работы предприятий и постепенным смягчением ограничений в сфере услуг и туризма в 2021 г. наблюдалась положительная экономическая динамика. По данным Росстата, ВВП вырос на 4,6%, а реальные располагаемые доходы населения — на 3,4%. Однако 2022 г. принес с собой новые вызовы для экономики России и ее жителей. Исключительные санкционные меры, применяемые западными странами после начала специальной военной операции, оказали значительное воздействие на экономическое и социальное положение граждан российского государства. Крупные компании, как зарубежные, так и отечественные, приостановили свою деятельность или покинули рынок из-за нарушений в поставках материалов, проблем в транспортной логистике и репутационных рисков. За 2022 г. инфляция составила 11,94%, что на 3,55 п.п. выше, чем в 2021 г. В то же время наблюдалось снижение реальных располагаемых доходов населения на 1% по сравнению с 2021 г. По субъективной оценке, на ноябрь 2022 г., за предыдущие два-три месяца, материальное положение улучшилось у 7% россиян и ухудшилось у 25%¹.

Фундаментальное сходство кризисов 2020 и 2022 гг. состоит в том, что они вызваны шоками неэкономической природы². В этом заключается их принципиальное отличие от других российских кризисов последних тридцати лет.

¹ Динамика материального положения. Как изменилось материальное положение россиян за последний месяц // ФОМ: [сайт]. 12.03.2024. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14992> (дата обращения: 14.06.2024).

² Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего / Н. В. Акиндинова, В. А. Бессонов, С. Г. Пухов [и др.] // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5–25.

Макроданные указывают на то, что начиная с 2019 г. доходы населения изменялись под влиянием внешних шоков: они снижались в 2020 г., увеличивались в 2021 г. и вновь снижались в 2022 г. Однако эти макроданные не позволяют оценить ситуацию на микроуровне.

В рамках данного исследования будут рассмотрены динамика доходов и мобильность домохозяйств по доходам в условиях экономических трудностей и восстановления в 2018–2022 гг., а также социально-экономические характеристики наиболее и наименее мобильных домохозяйств.

Изучение мобильности в рамках экономической социологии весьма многогранно. В классическом понимании мобильность связана с переходами индивидов из одной страты (или класса) в другую, обусловленными получением определенных навыков или диспозиций (недвижимость, средства производства и т. д.) и структурными изменениями в обществе. Если говорить об изучении непосредственно мобильности по доходам, существуют два основных направления – изучение относительной и абсолютной мобильности. В первом случае изучается изменение ранга домохозяйства между двумя периодами, то есть возможность для индивидов перемещаться вверх и вниз в рейтинге доходов, во втором – абсолютное изменение дохода между двумя периодами и, дополнительно, изменения в абсолютном богатстве и бедности.

В данной работе будет рассматриваться именно относительная мобильность российских домохозяйств по доходам. В первую очередь, этот выбор связан с тем, что такой подход позволяет отчасти нивелировать искажения в сообщаемых доходах, вызванные тем, что люди склонны занижать свои доходы (как из-за ошибок припоминания, так и из-за нежелания отвечать на вопросы о доходах). Более того, при изучении абсолютной мобильности возникают методологические сложности, связанные с вопросом о том, какие изменения в доходах считать значимыми.

Изучение мобильности по доходам тесно связано с изучением неравенства, однако измерение неравенства демонстрирует лишь статическую картину разницы в доходах среди населения, не учитывая тот факт, что конкретные индивиды и домохозяйства могут менять свои позиции с течением времени. Более того, высокая мобильность по доходам может частично компенсировать неравенство¹.

В России изучению мобильности по доходам посвящен ряд исследований, каждое из которых фокусируется на определенном значимом периоде: периоде экономической нестабильности середины 1990-х гг., периоде быстрого экономического роста 2000–2005 гг. и периоде валютного кризиса 2014–2017 гг. В исследовании Т. Богомоловой и В. Тапилиной показано, что в середине 1990-х гг. более 60% домохозяйств оказались подвержены высокому уровню нестабильности доходов и только 20% оказались стабильными, т. е. сохранили свое положение на относительной доходной шкале². Также Богомолова и Тапилина впервые обратили внимание на наличие в России эффекта «липкого потолка» и «липкого пола», когда наиболее бедные и наиболее богатые группы населения были в меньшей степени

¹ *Shorrocks A.* Income inequality and income mobility // *Journal of Economic Theory*. 1978. Vol. 19, No 2. P. 376–393.

² *Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S.* Income Mobility in Russia in the mid-1990s. Moscow: Economic Rducation and Research Consortium, 1999. 46 p. (Micro 2. Working Paper Series; № 99/11).

подвержены мобильности по доходам по сравнению со «средним классом». В начале 2000-х гг. также имела место значительная мобильность населения по доходам от года к году. Причем экономический рост 2000–2005 гг. в большей степени сказался на улучшении положения более бедных слоев населения¹. Доходы более богатых жителей России росли медленнее. В 2014–2017 гг. была отмечена относительно высокая подвижность доходов, а также уменьшение степени устойчивого неравенства (так называемого «липкого пола» и «липкого потолка»), которые характеризовали страну в 1990-е гг.²

Настоящее исследование в некотором смысле является продолжением этих работ, оно позволяет оценить масштабы и профиль мобильности населения в контексте новых экономических кризисов, вызванных шоками неэкономической природы, а также подробнее рассмотреть характеристики наиболее и наименее мобильных домохозяйств.

В данном исследовании используются данные 27-й – 31-й волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Прежде всего, были использованы данные по домохозяйствам (душевые доходы, скорректированные на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе в данном году, а также другие характеристики домохозяйств, например – структура доходов, состав семьи и т. д.). В дополнение к этому были агрегированы индивидуальные данные, что позволило получить дополнительные переменные, характеризующие домохозяйство (например, долю занятых, количество детей, наличие безработных и т. д.), и переменные, характеризующие социально-демографические характеристики главы домохозяйства.

В качестве объекта исследования выбраны домохозяйства, а не индивиды, потому что люди живут в домохозяйствах и их благосостояние зависит именно от дохода домохозяйства (так как внутри домохозяйства происходит перераспределение ресурсов). И наличие других членов семьи может либо смягчать шоки (например, при потере работы кем-то из членов домохозяйства), либо обострять (при потере кормильца, рождении ребенка и т. д.).

Так как ключевым концептом данной работы является относительная мобильность по доходам, основной изучаемой характеристикой стал номинальный душевой доход домохозяйства. Была создана переменная номинального душевого дохода домохозяйства, которая представляет собой суммарный доход всех членов домохозяйства из всех источников, поделенный на количество членов семьи, скорректированный на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе в данном году. Важно отметить, что из суммарного дохода домохозяйства были исключены нерегулярные поступления, которые могли бы сместить положение домохозяйства на шкале доходов (доходы от продажи имущества, взятые кредиты, страховые выплаты и возвращенные долги).

¹ *Lukiyanova A., Oshchepkov A.* Income mobility in Russia (2000–2005) // *Economic Systems*. 2012. Vol. 36, No 1. P. 46–64.

² *Мареева С. В., Слободенюк Е. Д.* Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2020. Т. 131, №. 3–4. С. 100–115.

На основании полученной переменной дохода была создана переменная распределения домохозяйств по уровню дохода на пять групп в каждом отдельном году, каждая из которых включает по 20% от общего числа членов домохозяйств (квintильные группы: 1 – самые бедные, 5 – самые богатые). Так как принято выделять 20% именно от всех индивидов, а не семей в целом, понятно, что на уровне домохозяйств пропорции несколько отличаются (так как в более бедных семьях обычно большее число членов).

Далее была построена переменная «Изменение позиции на шкале доходов», которая представляет собой разницу между позицией домохозяйства в году $T+1$ и позицией домохозяйства в году T . Таким образом, переменная может принимать значения от -4 до 4 , показывая, на сколько ступеней уменьшилась или увеличилась позиция домохозяйства. Если домохозяйство не изменило позицию, значение переменной оказывалось равно 0 .

Наконец, на основе переменной «Изменение позиции на шкале доходов» и переменной принадлежности к доходному квintилию в году T была построена переменная «Типы мобильности», в которой были выделены следующие группы домохозяйств.

1. Стабильные домохозяйства – домохозяйства, которые не изменили квintильную группу в году $T+1$ относительно года T и не являются представителями 1-й и 5-й квintильных групп (т. е. переменная «Изменение позиции на шкале доходов» принимает значение 0 , а переменная принадлежности к квintильным группам по доходам принимает значения от 2 до 4).

2. Домохозяйства с восходящей мобильностью – домохозяйства, которые в году $T+1$ улучшили свое положение относительно года T , причем в эту группу не могут входить домохозяйства из самого обеспеченного квintилия (т. е. переменная «Изменение позиции на шкале доходов» принимает значения от 1 до 4).

3. Домохозяйства с нисходящей мобильностью – домохозяйства, которые в году $T+1$ ухудшили свое положение относительно года T , в эту группу не могут входить самые бедные домохозяйства (т. е. переменная «Изменение позиции на шкале доходов» принимает значения от -4 до -1).

4. «Стабильно богатые» – домохозяйства, находящиеся в пятой (самой обеспеченной) квintильной группе в году T и в году $T+1$ (т. е. переменная «Изменение позиции на шкале доходов» принимает значение 0 , а переменная принадлежности к квintильным группам по доходам принимает значение 5 за оба года).

5. «Стабильно бедные» – домохозяйства, находящиеся в первой (наименее обеспеченной) квintильной группе в году T и в году $T+1$ (т. е. переменная «Изменение позиции на шкале доходов» принимает значение 0 , а переменная принадлежности к квintильным группам по доходам принимает значение 1 за оба года).

Общие характеристики относительной мобильности домохозяйств по доходам

Для измерения и оценки масштабов мобильности домохозяйств по доходам на четырехлетнем временном периоде была построена матрица переходов между доходными квинтилями по годам (табл. 1).

Таблица 1

Матрица переходов между квинтильными группами домохозяйств по уровню доходов, 2018–2022 гг.,
горизонтальный %

		Доходные квинтили в году T+1					Всего	
		1	2	3	4	5		
2018	Доходные квинтили в году T	1	61,9	20,5	9,2	4,4	4,0	100
		2	16,7	52,2	19,4	8,2	3,5	100
		3	5,8	19,5	47,2	21,0	6,5	100
		4	3,8	7,2	19,5	52,2	17,3	100
		5	3,0	1,7	5,8	19,1	70,4	100
	Всего		15,6	19,2	20,7	22,1	22,4	100
2019	Доходные квинтили в году T	1	62,7	21,9	6,8	5,5	3,1	100
		2	15,3	51,6	21,3	8,9	2,9	100
		3	6,3	16,5	47,8	23,1	6,2	100
		4	3,8	6,1	17,0	51,3	21,8	100
		5	3,1	3,0	7,5	16,3	70,1	100
	Всего		15,7	19,0	20,6	22,2	22,6	100
2020	Доходные квинтили в году T	1	56,9	21,0	11,2	6,8	4,1	100
		2	23,0	37,4	20,3	14,5	4,7	100
		3	7,0	23,1	33,6	26,3	10,0	100
		4	3,7	7,8	25,7	40,3	22,5	100
		5	2,7	3,6	6,9	20,2	66,6	100
	Всего		16,1	17,6	19,7	22,7	23,9	100
2021	Доходные квинтили в году T	1	56,1	24,1	9,7	5,7	4,4	100
		2	16,3	41,7	27,4	9,7	4,9	100
		3	9,0	18,9	35,8	27,6	8,6	100
		4	5,6	12,8	22,6	38,9	20,1	100
		5	3,9	3,5	9,6	20,7	62,3	100
	Всего		15,9	18,8	20,9	21,8	22,5	100

Полученная матрица указывает на то, что периоды 2020–2021 и 2021–2022 гг. характеризовались более активным перемещением домохозяйств на ранговой шкале по доходам, чем периоды 2018–2019 и 2019–2020 гг. Можно заметить, что на протяжении всех четырех лет наиболее стабильными оказывались домохозяйства, попадающие в первую и пятую квинтильную группу по доходам, т. е. наиболее бедные и наиболее богатые домохозяйства.

Однако чтобы говорить о наличии и наполненности групп так называемых «липкого потолка» и «липкого пола», описанных в предыдущих исследованиях, нужно оценить, какая доля домохозяйств, относящихся к пятому и первому квинтилю на начало периода, сохранила свои позиции в конечный период наблюдения.

Всего 4% домохозяйств в каждом году изучаемого периода оказывались в первой квинтильной группе, при этом 7,9% домохозяйств находились в первой квинтильной группе и на начальный, и на конечный период наблюдения (в 2018 и 2022 гг. соответственно). Несмотря на незначительные масштабы «хронической» бедности, доля соприкасавшихся с бедностью довольно высока: хотя бы раз за пять лет в первом квинтиле оказывались 33% домохозяйств. Таким образом, для большей части бедных домохозяйств пребывание в низшем квинтиле носит временный характер.

Аналогично «хронически богатые», т. е. домохозяйства, которые в каждом из исследуемых годов находились в 5-м квинтиле, составляют 7,5%. Домохозяйства, которые находились в 5-м квинтиле в начале и в конце наблюдаемого периода, составляют 7,9%. Хотя бы раз в этом квинтиле оказывались 41% домохозяйств.

Таким образом, шансы соприкосновения с богатством выше, чем шансы соприкосновения с бедностью. В то же время вероятность сохранения положения в наиболее богатом квинтиле выше, чем в наиболее бедном, что говорит о меньшей вовлеченности наиболее обеспеченных домохозяйств в процессы мобильности по доходам.

В наибольшей мере относительная мобильность характерна для домохозяйств, принадлежащих к средним доходным квинтилям. Около половины смогли сохранить свое положение в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (52,2, 47,2 и 52,2% для первой, второй и третьей квинтильной группы соответственно) и в 2020 г. по сравнению с 2019 г. (51,6, 47,8 и 51,3% для первой, второй и третьей квинтильной группы соответственно). В 2021 г. относительно 2020 г. свое положение сохранили только 37,4% представителей второй квинтильной доходной группы, 33,6% – третьей и 40,3% – четвертой группы. В 2022 г. относительно 2021 г. домохозяйства из второй и третьей квинтильной группы оказались более иммобильными в сравнении с предыдущим периодом, а вот домохозяйства, принадлежащие к четвертой квинтильной группе, наоборот, оказались менее стабильными. Таким образом, можно говорить о том, что кризис 2020–2021 гг. в большей степени отразился на более бедных домохозяйствах, а кризис 2022 г. – на более обеспеченных.

Масштабы мобильности домохозяйств по доходам

Масштабы относительной мобильности по доходам по годам отражены в таблице 2.

Таблица 2

Интенсивность мобильности домохозяйств между квинтильными доходными группами, по годам, вертикальный %

Положение на шкале доходов в году T+1 по сравнению с годом T	Год проведения исследования				
	2018	2019	2020	2021	Всего
Пониилось на 4 ступени	0,7	0,7	0,6	0,9	0,7
-3	1,2	1,5	1,7	2,1	1,6
-2	4,1	4,3	4,7	7,0	5,0
-1	15,8	13,7	19,4	16,7	16,4
Не изменилось	56,8	56,6	47,1	47,1	51,9
1	15,1	17,2	17,4	18,8	17,1
2	4,4	4,1	6,5	5,0	5,0
3	1,4	1,4	2,0	1,8	1,6
Выросло на 4 ступени	0,6	0,5	0,6	0,7	0,6
Всего	100	100	100	100	100

Исходя из данных, представленных в таблице 2, можно заметить, что мобильности домохозяйств по доходам за год были свойственны следующие масштабы. В 2018–2019 гг. 56,8% домохозяйств остались в своей квинтильной группе, 21,5% характеризовались восходящей мобильностью по доходам, 21,8% – нисходящей мобильностью. В 2019–2020 гг. по сравнению с предыдущим периодом не наблюдалось существенных изменений: 56,6% домохозяйств сохранили свое положение, 23,2% улучшили свои позиции на шкале доходов, 20,2% характеризовались нисходящей мобильностью. По сравнению с 2020 г., в 2021 г. 47,1% домохозяйств остались в первоначальном квинтиле, 26,5% смогли улучшить свое положение, а 26,4% характеризовались нисходящей мобильностью. В 2021–2022 гг. доля стабильных домохозяйств не изменилась по сравнению с прошлым периодом и составила 47,1%, при этом 26,3% домохозяйств характеризовались восходящей мобильностью, 26,6% – нисходящей.

Таким образом, наиболее интенсивной мобильность по доходам была в 2020–2021 и в 2021–2022 гг. В период 2018–2019 гг. доля стабильных домохозяйств оказалась значимо выше, т. е. интенсивность мобильности была значимо меньше. Следовательно, шоки неэкономической природы последних лет привели к увеличению экономической нестабильности положения населения.

Наиболее распространенным на всех изучаемых временных интервалах является изменение положения домохозяйства на один квинтиль. Более двух третей всех переходов составляют именно переходы из своего в соседний класс. Так, в 2018–2019 и 2019–2020 гг. 30,9% домохозяйств изменили свое положение на один квинтиль. В 2020–2021 гг. доля таких домохозяйств составила 36,8%, а в 2021–2022 гг. – 35,5%. Однако делать содержательные выводы об интенсивности

и масштабах мобильности в определенный период по таким переходам нельзя, так как они являются самыми «легкими» и указывают скорее на небольшие колебания в доходах домохозяйств.

На два квинтиля и более изменилось положение 12,4% домохозяйств в 2018–2019 гг., на 12,5% – в 2019–2020 гг., на 16,1% – в 2020–2021 гг. и на 17,5% – в 2021–2022 гг., что указывает на значимый рост масштаба и интенсивности мобильности в период шоков. Таким образом, можно говорить о том, что масштаб (уменьшение доли стабильных домохозяйств) и интенсивность (увеличение доли изменений положения домохозяйств на две и больше квинтильные группы) мобильности по доходам в кризисные 2020–2022 гг. оказались значимо выше, чем в 2018–2020 гг. В целом 42,6% домохозяйств сохранили свое положение в 2022 г. по сравнению с 2018 г. Изучаемый временной интервал характеризуется ростом нисходящей мобильности по доходам.

Наиболее стабильными оказались домохозяйства, изначально принадлежавшие к первой и пятой квинтильным группам, т. е. самые бедные и самые богатые домохозяйства. Это связано с методикой исследования, так как изучается относительная мобильность и очевидно, что из первой группы невозможно двигаться «вниз», а из пятой – «вверх». Однако можно говорить о том, что наиболее обеспеченные домохозяйства в меньшей степени были вовлечены в процессы мобильности, чем наиболее бедные домохозяйства, что является положительным фактом с точки зрения социальной структуры. На протяжении всего изучаемого периода не выходили из первой квинтильной группы только 4% домохозяйств, а из пятой – 7,5%. При этом хоть раз оказывались в первом квинтиле треть домохозяйств, что говорит о высоком уровне соприкосновения с бедностью.

Также, исходя из данных, можно сделать вывод, что различие кризисов 2020–2021 и 2022 гг. проявляется в том, что для первого периода потеря стабильности скорее характерна для более бедных слоев населения, в то время как в 2022 г. менее стабильными оказались изначально более обеспеченные домохозяйства.

Социально-экономические характеристики наиболее и наименее мобильных групп в период 2018–2022 гг.

Далее будет представлено описание социально-экономических характеристик, которые значимо различаются для представителей разных групп мобильности на основании теста Хи-квадрат. Также в работе был использован анализ значимости стандартизованных скорректированных остатков, позволивший определить типичность характеристик для соответствующих групп.

Характеристики домохозяйства в целом

Домохозяйства, попадающие в группу стабильно богатых, чаще, чем в среднем, проживают в областных центрах (39%), в Москве и Санкт-Петербурге (20,4%), в то же время сельские домохозяйства имеют значимо меньший шанс попадания в эту группу и составляют 15,4% выборки (табл. 3).

Таблица 3

Распределение домохозяйств по типу населенного пункта и статусу мобильности, по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Тип населенного пункта	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Москва и Санкт-Петербург	12,0	10,7	9,9	20,4	5,1	11,8
Областной центр	30,7	31,3	31,6	39,0	22,8	31,6
Другой город	26,7	29,4	27,1	25,2	20,9	26,8
Село, ПГТ	30,6	28,6	31,3	15,4	51,2	29,8
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 1172,694$, Pr = 0.

Обратная ситуация наблюдается для стабильно бедных. В этой группе больше, чем в среднем, доля сельских домохозяйств (51,2%), а домохозяйства, проживающие в Москве или Санкт-Петербурге, с меньшей вероятностью являются ее представителями (только 5,1% стабильно бедных домохозяйств проживают в столицах). Среди тех, кто совершил восходящую мобильность, доля домохозяйств, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, ниже, чем в среднем.

Таким образом, можно говорить о том, что наблюдается явная концентрация богатства в крупных городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. В то же время сельские домохозяйства составляют половину группы стабильно бедных, что дает основание говорить о наличии структурных проблем в сельских регионах России. Москва, Санкт-Петербург и областные центры как крупнейшие города России представляют собой мощные центральные деловые районы с высокими доходами. По мере удаления от центра доходы и экономическая активность снижаются. Таким образом, сельские районы России, находящиеся на периферии, предоставляют ограниченные экономические возможности домохозяйствам, которые в них проживают.

Есть основания полагать, что между группами домохозяйств по типу мобильности есть значимые различия по наличию и количеству в них детей (табл. 4).

Таблица 4

Распределение домохозяйств по количеству детей и статусу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Количество детей	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
0	63,3	65,8	60,4	79,6	35,1	63,1
1	21,1	19,9	21,0	15,4	24,8	20,2
2	12,3	11,7	14,4	4,5	24,1	12,6
3 и больше	3,3	2,6	4,2	0,6	16,0	4,1
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 1992,161$, Pr = 0.

Так, среди домохозяйств, которые принадлежат к группе стабильно богатых, выше, чем в среднем, доля домохозяйств без детей. Около 80% домохозяйств, представляющих эту группу, не имеют детей. Домохозяйства с тремя и более детьми (многодетные) с большей вероятностью относятся к стабильно бедным, чем к любой другой группе, и меньше всего представлены в группе стабильно богатых (0,6% при среднем значении 4,1%). Можно предположить, что отсутствие детей снижает финансовую нагрузку на домохозяйство, позволяя сохранять и увеличивать капитал, более того, наличие детей часто связано с большими расходами на воспитание и образование, что может ограничивать возможность накопления богатства.

Среди стабильных домохозяйств доля домохозяйств без детей также выше, чем в среднем, – 65,8%. Среди домохозяйств, совершивших восходящую мобильность, выше, чем в среднем, доля домохозяйств с одним или двумя детьми. В предыдущих исследованиях количество детей в домохозяйстве оказывалось значимо связано с возможностью изменения положения на доходной шкале. Среди стабильно богатых домохозяйств 13,2% составляют домохозяйства, состоящие только из работающих пенсионеров (табл. 5).

Таблица 5

Распределение домохозяйств по типу и статусу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Тип домохозяйства	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Все остальные домохозяйства	69,3	59,3	71,9	73,6	91,8	70,0
Домохозяйства пенсионеров (все работают, без детей и иных иждивенцев)	4,9	1,9	1,8	13,2	0,1	4,2
Домохозяйства пенсионеров (хотя бы один работает, без детей и иных иждивенцев)	4,2	3,5	2,1	5,0	0,2	3,2
Домохозяйства неработающих пенсионеров	21,6	35,3	24,2	8,2	7,9	22,6
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 2506,363$, Pr = 0.

Домохозяйства, в которых только неработающие пенсионеры, чаще являются представителями группы стабильных домохозяйств. В этой группе 35,3% составляют именно такие домохозяйства. Основными источниками дохода таких домохозяйств являются социальные и частные трансферты (в среднем 84,8 и 7,2% соответственно). Тот факт, что такие домохозяйства имеют высокие шансы на сохранение своего положения в общем распределении доходов, говорит о том, что пенсионные выплаты и другие социальные трансферты обеспечивают определен-

ный уровень дохода, который позволяет им сохранять стабильное экономическое положение и избегать бедности, но и не дает возможности достичь высокого уровня благосостояния.

В то же время домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, в которых работает хотя бы один из них или работают оба, практически не представлены в группе «липкого пола», их доля составила менее 1%. Таким образом, социальные трансферты в сочетании с трудовым доходом позволяют пенсионерам практически полностью избегать крайней бедности.

Среди совершивших нисходящую мобильность выше среднего доля домохозяйств, состоящих из работающих пенсионеров, и домохозяйств, где работает хотя бы один из пенсионеров. Среди совершивших восходящую мобильность 24,2% представлены домохозяйствами из неработающих пенсионеров.

Около половины сохранивших свое положения самых богатых домохозяйств представлены домохозяйствами, состоящими только из работающих людей трудоспособного возраста, без детей и иных иждивенцев (табл. 6). В то же время такие домохозяйства практически не встречаются в группе стабильно бедных, они составляют 6,6% этой группы.

Таблица 6

Распределение домохозяйств по типу и статусу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Тип домохозяйства	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Трудоспособные (работающие, без детей и иных иждивенцев)	18,5	10,1	11,3	48,3	6,6	18,0
Все остальные домохозяйства	81,5	89,9	88,7	51,7	93,4	82,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(4) = 3088,862$, Pr = 0.

Домохозяйства, состоящие исключительно из работающих взрослых, имеют наиболее высокий потенциал для накопления дохода в силу сочетания максимальной экономической активности и минимальных финансовых обязательств. Без детей и иждивенцев они могут направлять большую часть своих ресурсов на инвестиции, сбережения и потребление, что может способствовать их финансовой стабильности и росту богатства.

Структура доходов домохозяйств

Для анализа различий в структуре доходов домохозяйств использовалось сравнение средних значений долей доходов из разных источников (табл. 7). Значимость различий была проверена с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Таблица 7

Среднее значение доли доходов домохозяйства из разных источников для домохозяйств с разными типами мобильности, в период 2018–2022 гг., вертикальный %

Источники дохода	Тип мобильности					
	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Социальные трансферты	31,7	45,2	39,4	20,6	33,4	35,7
Частные трансферты	9,1	3,9	5,6	3,5	8,9	5,9
Дотации и льготы	2,3	2,7	3,0	0,9	6,3	2,7
Доход от ЛПХ	1,6	0,5	1,0	0,6	2,1	1,1
Доход от продажи имущества	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2
Трата сбережений, долги и ценные бумаги	2,3	2,8	4,6	3,8	3,3	3,3
Доход от собственности	0,5	0,2	0,3	1,1	0,2	0,5
Зарплата всех членов семьи	52,5	44,6	47,4	69,2	49,8	51,5

У стабильных домохозяйств выше среднего доля социальных трансфертов в структуре доходов. Таким образом, увеличение зависимости от государственной поддержки помогает сохранять экономическую стабильность. Социальные трансферты включают пенсии, пособия и другие формы государственной помощи, играют важную роль в обеспечении базового уровня дохода и предотвращении бедности в силу того, что являются регулярными и фиксированными.

У домохозяйств, которые совершили нисходящую мобильность, выше, чем в среднем, доля доходов от частных трансфертов. Домохозяйства, теряющие свое экономическое положение, сталкиваются с уменьшением стабильных доходов и вынуждены искать альтернативные источники притока средств. Частные трансферты, такие как помощь родственникам или друзей, становятся важной финансовой поддержкой. Таким образом, можно предположить, что повышение доли доходов от частных трансфертов у домохозяйств, совершивших нисходящую мобильность, связано с их стремлением компенсировать потерю стабильных доходов через неформальные экономические практики и социальные сети. Кроме того, понятно, что размер такой помощи может быть подвержен значительным колебаниям в разные годы, что также не способствует стабильности финансового положения.

Среди представителей стабильно бедных выше, чем среди представителей других групп, доли доходов от дотаций и льгот и от личного подсобного хозяйства, также у них выше среднего доля частных трансфертов в структуре дохода. Как отмечалось выше, значительная доля домохозяйств из группы «липкого пола» про-

живают в сельских районах, где не всегда доступно стабильное трудоустройство. В таких условиях доходы от личного подсобного хозяйства играют важную роль, поскольку это один из основных способов поддержания жизнедеятельности.

У домохозяйств, принадлежащих к категории стабильно богатых, наиболее высока доля доходов от собственности и заработной платы всех членов семьи. Как отмечалось выше, большая доля домохозяйств, принадлежащих к группе стабильно богатых, представлена домохозяйствами без детей и иных иждивенцев, в которых все члены работают. Ожидается, что для них доля доходов от заработной платы будет выше среднего. Минимальное количество финансовых обязательств позволяет таким домохозяйствам инвестировать в активы и собственность, формируя дополнительные источники пассивного дохода, помогающие поддерживать стабильно высокий уровень доходов.

У домохозяйств, совершивших восходящую мобильность, выше, чем в среднем, доля доходов от сбережений и ценных бумаг.

Социально-демографические характеристики глав домохозяйств

В качестве главы домохозяйства в данной работе выделялся член домохозяйства с наибольшим личным доходом. В случае, когда два члена домохозяйства имеют одинаковый доход, главой домохозяйства считает тот, кто старше. Если же два члена домохозяйства имеют одинаковый доход и возраст, главой домохозяйства считается мужчина.

Средний возраст главы домохозяйства отличается для домохозяйств, имеющих различные типы мобильности. Так, для домохозяйств, попадающих в категорию стабильно бедных, средний возраст главы домохозяйства равен 45 годам. Средний возраст главы стабильного домохозяйства – 54,8 года (табл. 8).

Таблица 8

Средний возраст главы в домохозяйствах с разными типами мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., лет

Тип мобильности	Средний возраст главы домохозяйства
Совершили нисходящую мобильность	50,9
Стабильные	54,8
Совершили восходящую мобильность	51,3
Стабильно богатые	49,0
Стабильно бедные	45,0
Всего	51,2

Можно предположить, что более высокий средний возраст глав стабильных домохозяйств объясняется значительным числом пенсионеров в этой группе. Регулярные доходы от пенсий, потенциальное наличие накопленных сбережений и активов, а также социальные льготы и поддержка со стороны государства способствуют экономической стабильности пенсионеров, что отражается в более высоком возрасте глав стабильных домохозяйств по сравнению с возрастом глав домохозяйств других типов мобильности.

Среди стабильных домохозяйств, принадлежащих ко 2-й – 4-й квинтильным группам, 44,5% возглавляет неработающий человек. В 21% таких домохозяйств глава – специалист среднего уровня, в 19% – квалифицированный рабочий (табл. 9). Мы можем предположить, что большая доля неработающих в группе стабильных домохозяйств указывает на значительное количество пенсионеров. Это предположение также подтверждается высоким средним возрастом глав стабильных домохозяйств. Также из данных следует, что специалисты среднего уровня квалификации имеют стабильный доход, защищающий их домохозяйства от ухудшения экономического положения, но также не позволяющий значительно его улучшить.

Таблица 9

Распределение домохозяйств по профессиональному статусу главы и типу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Профессиональный статус главы домохозяйства	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Не работает	35,0	44,5	41,8	12,4	42,9	36,5
Законодатели, крупные чиновники, руководители	4,7	3,3	3,6	11,1	2,5	4,9
Специалисты высшего уровня квалификации	10,6	8,4	9,4	24,7	6,3	11,5
Специалисты среднего уровня квалификации.; чиновники; служащие	25,1	21,0	23,3	31,0	22,3	24,2
Квалифицированные рабочие	20,8	19,1	18,1	19,0	19,1	19,2
Неквалифицированные рабочие	3,7	3,6	3,8	1,8	6,8	3,7
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(20) = 2129,904$, Pr = 0.000.

Главы домохозяйств, представляющих группу стабильно богатых, с наименьшей вероятностью не имеют работу. Около четверти из них (24,7%) являются специалистами высшего уровня квалификации, еще 31% – специалистами среднего звена. Также среди таких домохозяйств выше, чем в среднем, доля домохозяйств, возглавляемых законодателями, крупными чиновниками и руководителями.

Среди стабильно бедных домохозяйств 42,9% имеют главу, который не работает. Домохозяйства, которые возглавляют неквалифицированные рабочие, имеют бóльшую вероятность попадания именно в группу стабильно бедных. Большая доля домохозяйств, главы которых имеют работу, в составе группы стабильно бедных (57,1%) подтверждает наличие в России группы так называемых «работающих бедняков».

Домохозяйства, главы которых являются квалифицированными работниками, имеют бóльшую вероятность совершить нисходящую мобильность. Также среди тех, кто совершил нисходящую мобильность, доля домохозяйств с неработающим главой ниже, чем в среднем. Среди домохозяйств, совершивших восходящую мобильность, выше, чем в среднем, доля домохозяйств, главы которых не работают, – 41,8%.

Чуть больше половины (50,8%) домохозяйств, принадлежащих к группе стабильно богатых, имеют главу с высшим образованием, 25,4% – главу со средним профессиональным образованием (табл. 10).

Таблица 10

Распределение домохозяйств по уровню образования главы и типу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Уровень образования главы домохозяйства	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Неполное среднее	12,3	13,3	13,5	5,2	22,6	12,7
Полное среднее	30,9	29,2	32,0	18,7	37,8	29,5
Среднее профессиональное	26,3	28,5	25,7	25,4	21,0	26,1
Высшее	30,4	29,1	28,8	50,8	18,7	31,7
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 319,7481$, Pr = 0.000.

Для домохозяйств, главы которых имеют неполное или полное среднее образование, попадание в группу стабильно богатых статистически менее вероятно. В группе стабильно бедных выше, чем в среднем, доля домохозяйств, главы которых имеют неполное или полное среднее образование, и ниже, чем в среднем, доля домохозяйств, главы которых имеют среднее профессиональное или высшее образование.

Среди стабильных домохозяйств выше, чем в среднем, доля домохозяйств, главы которых имеют среднее профессиональное образование. У домохозяйств, которые возглавляют люди с полным средним образованием, статистически значимо больше вероятность совершить восходящую мобильность: у 32% домохозяйств, улучшивших свое положение, глава имел именно этот уровень образования.

Среди домохозяйств, чье положение ухудшилось, практически в равной степени представлены домохозяйства, возглавляемые людьми с высшим (30,4%) и полным средним (30,9%) образованием.

Высокая доля домохозяйств с главами с высшим образованием среди стабильно богатых подтверждает важность высшего образования для достижения экономического благополучия. В то же время среди домохозяйств, чье положение ухудшилось, примерно одинаково представлены домохозяйства с главами с высшим и полным средним образованием, что говорит о том, что образование само по себе не является гарантом стабильности и стоит принимать во внимание другие сопутствующие факторы. С другой стороны, среди стабильно бедных преобладают домохозяйства с главами с неполным или полным средним образованием, что подчеркивает проблему низкого уровня образования как одного из факторов бедности. Таким образом, можно говорить о том, что образование является важным фактором мобильности по доходам в России в 2018–2022 гг.

Среди стабильно богатых доля домохозяйств, главы которых не пьют алкоголь, ниже, чем в среднем (табл. 11).

Таблица 11

Распределение домохозяйств по типу потребления алкоголя главой и типу мобильности по доходам, в период 2018–2022 гг., вертикальный %, Хи-квадрат

Тип потребления алкоголя главой домохозяйства	Совершили нисходящую мобильность	Стабильные	Совершили восходящую мобильность	Стабильно богатые	Стабильно бедные	Всего
Вообще не пьют	35,7	38,6	37,7	25,3	38,9	35,7
Не пил в течение последних 30 дней	20,9	21,9	20,8	20,4	23,3	21,3
Пил в течение последних 30 дней умеренно	37,6	34,8	36,6	47,7	32,5	37,7
Пил в течение последних 30 дней чрезмерно	5,8	4,7	4,9	6,6	5,3	5,4
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 309,415$, Pr = 0.000.

Чаще, чем в среднем, в группу стабильно богатых попадают домохозяйства, в которых глава пил умеренно за последние 30 дней. Таким образом, полное воздержание от употребления алкоголя не является ключевым фактором попадания в группу стабильно богатых. Можно также предположить, что умеренное потребление алкоголя является проявлением определенных социальных привычек или частью образа жизни обеспеченных россиян. Среди домохозяйств, не изменивших свое положение, выше, чем в среднем, доля домохозяйств, возглавляемых теми, которые вообще не пьют (39%). Можно предположить, что воздержание от употребления алкоголя главой домохозяйства увеличивает шансы домохозяйства на экономическую стабильность.

По результатам сравнения наиболее мобильных и наименее мобильных домохозяйств по составу, типу населенного пункта, структуре доходов и социально-демографическим характеристикам главы домохозяйства можно сделать следующие выводы.

Наименее мобильные группы населения, занимающие низкие позиции в доходной стратификации, представлены преимущественно многодетными семьями. Домохозяйства с тремя и более детьми с большей вероятностью относятся именно к группе стабильно бедных домохозяйств, чем к любой другой группе, и меньше всего представлены в группе стабильно богатых. Таким образом, следует обратить особое внимание на развитие мер поддержки семей с детьми, в особенности многодетных.

Домохозяйства, состоящие только из работающих пенсионеров (без детей и других иждивенцев), составили 13,2% группы стабильно богатых домохозяйств. Доля таких домохозяйств в группе стабильно богатых действительно оказалась выше среднего. Более того, домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, в которых работает хотя бы один из них или работают оба, практически не представлены в группе стабильно бедных, их доля составила менее 1%.

В период 2018–2022 гг. в составе группы наименее мобильных и наиболее обеспеченных домохозяйств преобладали домохозяйства, состоящие из людей в трудоспособном возрасте, имеющих работу и не имеющих в своем составе детей, пенсионеров и других иждивенцев.

Важно отметить, что больше половины стабильно богатых домохозяйств (59,4%) проживали в Москве, Санкт-Петербурге или других областных центрах, в то время как 51,2% стабильно бедных домохозяйств проживали в селах и поселках городского типа. Эти данные говорят о неравномерном распределении экономических возможностей для населения в зависимости от места жительства, а также об очевидной концентрации богатства в крупных городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Однако данный вывод нельзя назвать неожиданным. Если в период 2002–2008 гг. большинство малоимущих домохозяйств проживали в городах, то с 2010-х гг. ситуация кардинально изменилась, и уже сельские домохозяйства стали наиболее подвержены рискам застревания в бедности.

Данные за 2018–2022 гг. также подтверждают факт наличия и широкой распространенности феномена «работающих бедных», являющегося отличительной особенностью бедности для нашей страны: 54% домохозяйств, оказавшихся в группе наименее мобильных и наименее обеспеченных, имели трудоустроенного главу домохозяйства.

Больше половины стабильно богатых домохозяйств имеют главу с высшим образованием, что подчеркивает значимость этого уровня образования в увеличении шансов на экономическое благополучие.

В рамках данного исследования удалось установить, что в период 2018–2019 гг. мобильность по доходам была менее интенсивной по сравнению с кризисными периодами. Масштаб и интенсивность мобильности по доходам в период 2020–2022 гг. оказались значимо больше, чем в период 2018–2020 гг. При этом период 2020–2022 гг. характеризуется именно ростом нисходящей мобильности по доходам; различие кризисов 2020–2021 и 2022 гг. проявляется в том, что для первого периода потеря стабильности более характерна для более бедных слоев населения, в то время как в 2022 г. менее стабильными оказались изначально более обеспеченные домохозяйства.

В ходе исследования также удалось сравнить социально-демографические и экономические характеристики (состав домохозяйства, тип населенного пункта, в котором оно проживает, возраст главы домохозяйства, его профессиональный статус, образование и тип потребления им алкоголя, структура доходов домохозяйства) наиболее и наименее мобильных групп домохозяйств. Удалось установить, что наименее мобильные группы населения, занимающие низкие позиции в доходной стратификации, представлены преимущественно многодетными семьями и домохозяйствами, проживающими в селах и ПГТ. В составе группы наименее мобильных и наиболее обеспеченных домохозяйств преобладали домохозяйства, состоящие из занятых респондентов трудоспособного возраста, не имеющие в своем составе детей, пенсионеров и других иждивенцев, локализованные в Москве, Санкт-Петербурге и других областных центрах. При этом важно отметить, что результаты данного исследования указывают на остающуюся актуальной проблему «работающих бедных». Более половины домохозяйств, оказавшихся в группе наименее мобильных и наименее обеспеченных, возглавлялись работающими респондентами.

Список литературы

Динамика материального положения. Как изменилось материальное положение россиян за последний месяц // ФОМ: [сайт]. 12.03.2024. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14992> (дата обращения: 14.06.2024).

Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего / Н. В. Акиндинова, В. А. Бессонов, С. Г. Пухов [и др.] // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5–25.

Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. Т. 131, №. 3–4. С. 100–115.

Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. Income Mobility in Russia in the mid-1990s. Moscow: Economic Education and Research Consortium, 1999. 46 p. (Micro 2. Working Paper Series; № 99/11). EDN: [VDIWHX](#).

Lukiyanova A., Oshchepkov A. Income mobility in Russia (2000–2005) // Economic Systems. 2012. Vol. 36. No 1. P. 46–64. DOI: [10.1016/j.ecosys.2011.10.001](https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2011.10.001). EDN: [PDMEDH](#).

Shorrocks A. Income inequality and income mobility // Journal of Economic Theory. 1978. Vol. 19. No 2. P. 376–393.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.3

INCOME MOBILITY OF RUSSIAN HOUSEHOLDS IN 2018–2022

Borzykh A.A., Roshchina Ya.M.

Abstract. In this paper we use the data from “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to analyze the income dynamics and income mobility of Russian households during the period of economic difficulties from 2018 to 2022. We also examine the socio-demographic characteristics of the most and least mobile households. As the RLMS-HSE data show, from 2020 to 2022

the income mobility of households increased compared to 2018–2019. However, the richest and poorest groups of households remained the most stable in all four years, with 7.9% of households belonging to the poorest group and 7.5% of households belonging to the richest group in each year. About 33% of households were in the poorest group at least once and 41% were in the richest group throughout the period under consideration. Middle-income groups were more likely to experience ups and downs in income, and while the 2020–2021 crisis had a greater impact on the stability of poorer households, the financial situation of wealthier households was more volatile in 2022. Overall, 42.6% of households experienced no income mobility between 2018 and 2022. Households with stable high incomes were most likely to include working adults without children or other dependents living in metropolitan cities (Moscow, St. Petersburg) or regional urban centers. Households located in rural areas and families with three or more children were most likely to be among the “chronically poor”. In 54% of cases, the most stable and least well-off households were headed by working family members, indicating the existence of the “working poor” in Russia. Higher education of the household head, while associated with the likelihood of a household belonging to the stable high-income group, did not protect households from downward income mobility. Retired households accounted for 35.3% of households with stable income. The presence of at least one working member effectively prevented these households from falling into the poorest group. Thus, the combination of government transfers and employment allowed the elderly to maintain a stable income and successfully avoid poverty.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, income mobility, relative income mobility, working poor, families with three or more children, retirees

References

Dinamika material'nogo polozheniya. Kak izmenilos' material'noye polozheniye rossiyan za posledniy mesyats // FOM: [sayt]. 12.03.2024. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14992> (data obrashcheniya: 14.06.2024).

Inflyatsionnyye vyzovy perioda pandemii i sanktsiy. Uroki dlya budushchego / Akindinova N.V., Bessonov V.A., Pukhov S.G. [i dr.] // Voprosy ekonomiki. – 2022. – № 5. – S. 5–25.

Mareyeva S.V., Slobodenyuk E.D. Zastravshiy v bednosti i sokhranivshiy bogatstvo: individual'naya mobil'nost' po dokhodam v Rossii // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii. – 2020. – T. 131. – №. 3–4. – S. 100–115.

Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. Income Mobility in Russia in the mid-1990s. Moscow: Economic Education and Research Consortium, 1999. 46 p. (Micro 2. Working Paper Series; № 99/11). EDN: [VDIWHX](#).

Lukiyanova A., Oshchepkov A. Income mobility in Russia (2000–2005) // Economic Systems. 2012. Vol. 36. No 1. P. 46–64. DOI: [10.1016/j.ecosys.2011.10.001](https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2011.10.001). EDN: [PDMEDH](#).

Shorrocks A. Income inequality and income mobility // Journal of Economic Theory. 1978. Vol. 19. No 2. P. 376–393.

Бобкова Е. А., Рощина Я. М.

КАК РОССИЙСКИЕ ДОШКОЛЬНИКИ ПРОВОДЯТ СВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.4

Аннотация. В статье рассматривается, как российские дошкольники проводили свой досуг в 2016–2021 гг. Практически все дети играют дома и смотрят телевизор или видео, подавляющему большинству читают книги или дети читают сами. Почти 78% детей играют на улице в подвижные игры (прыгалки, салочки), 69,3% играют в мяч, катаются на велосипеде, 61,8% находятся на улице, но двигаются мало (играют в песочнице). Гораздо меньше детей занимаются спортом (18%), рисованием или музыкой (66,4%), творчеством или танцами (30,4%), получают дополнительные знания (21,1%) или изучают иностранный язык (5,6%). В 2020–2021 гг. доля детей, которые играли на улице, а также занимались спортом, рисованием, музыкой, снизилась по сравнению с 2018–2019 гг. из-за пандемии коронавируса и сопутствовавших ей карантинных мер. Девочки больше играют в подвижные и малоподвижные игры на улице, а также занимаются творческими, спортивными и образовательными активностями. Мальчики склонны либо к домашнему досугу – просмотру телевизора и видео, чтению, играм дома, – либо к минимальной активности в целом. Девочки чаще получают уход со стороны профессиональных нянь и педагогов, в то время как за мальчиками чаще присматривают не проживающие в том же домохозяйстве родственники (бабушки, реже дедушки). Было выделено четыре группы детей, различающихся структурой затрат времени на досуг. В первую, самую малочисленную группу (4,9%) вошли дети, чей досуг посвящен спорту, творческим занятиям и получению знаний. Досуг второй группы (14,6%) состоит в основном из просмотра телевизора и видео, чтения и игр дома. Третья группа (21,4%) больше всего времени проводит в активных играх на улице. Последняя, самая многочисленная группа (68,2%) включает детей, чей досуг не занят ни одним из перечисленных в исследовании видов активности.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS HSE, дошкольники, досуг, инвестиции в детей

Согласно статистике, наиболее малочисленная категория детей, которые вовлечены в дополнительное образование, — это дошкольники. В то же время раннее развитие ребенка, в которое вовлечены не только родители, но образовательные организации, является первым этапом к дальнейшему индивидуальному успеху. Поэтому важно понимать, насколько активным является досуг дошкольников, как много они двигаются, занимаются спортом — в противоположность просмотру телевизора, — вовлечены ли они в творческие занятия, в получение дополнительных знаний. Эти виды активности можно интерпретировать как инвестиции семьи в человеческий капитал ребенка.

Мы рассмотрим, какое количество времени российские дошкольники посвящали разным видам деятельности в свое свободное время, на основании данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2016–2021 гг. В 2016 г. впервые в детскую анкету были включены расширенные вопросы, связанные с детским досугом и занятиями ребенка. Мы предлагаем сравнить досуг дошкольников в 2016–2019 гг. и в 2020–2021 гг., чтобы понять, проводили ли дети меньше времени на улице из-за пандемии коронавируса. Для анализа были отобраны дети 3–7 лет, не посещающие школу (а также не находящиеся на школьном домашнем обучении). В панельной выборке за 2016–2021 гг., где отслеживались переехавшие домохозяйства, таких детей насчитывалось 5702 человека, в репрезентативной выборке — 3065 человек. Так как по основным социально-демографическим характеристикам панельная выборка практически не отличается от репрезентативной, мы будем использовать первую в силу большего количества кейсов. Следует также иметь в виду, что детскую анкету заполнял один из родителей, наиболее осведомленный о занятиях ребенка. С одной стороны, это могло приводить к некоторым неточностям, с другой стороны, мы исходили из того, что дошкольник сам не смог бы указать, какое количество времени у него/нее уходило на разные виды досуга. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ также позволяют сопоставить характеристики ребенка, его семьи и родителей, что позволяет увидеть, влияют ли эти характеристики на тип времяпрепровождения дошкольников.

В детском вопроснике РМЭЗ НИУ ВШЭ занятия предварительно сгруппированы и по каждому виду деятельности задаются два типа вопросов: занимался ли ребенок и сколько часов и минут в неделю у него на это ушло. В том случае, если ребенок не занимался какими-либо видами деятельности, количеству времени было присвоено значение 0. В вопросах выделены следующие виды досуга:

- карате, дзюдо, гимнастика, теннис, плавание;
- игра в мячик, катание на коньках, на велосипеде, на роликах;
- танцы, бег, прыжки, игра в классики, в прятки;
- игры сидя: на лавочке, в песочнице;
- занятия физкультурой и спортом в детском дошкольном учреждении, секции или дома;
- рисование или музыка;
- посещение театральных кружков, рукоделие, танцы или другое творчество;
- занятие предметами, выбранными родителями или ребенком для получения дополнительных знаний;

- занятия иностранным языком;
- просмотр телевизора, видео, видео- или компьютерные игры;
- самостоятельное чтение или ребенок слушает то, что ему читают;
- игры в машинки, куклы, конструкторы, шахматы, шашки.

Помимо этого, имеются переменные о том, встречался ли ребенок со сверстниками вне детского сада, и если да, то как часто и где именно.

В 2016–2020 гг. были заданы также вопросы о занятиях под руководством родителей или вместе с ними или другими родственниками и о затраченном времени в неделю на:

- различные виды физической активности, спорт;
- творчество;
- предметы, выбранные родителями или ребенком для получения дополнительных знаний.

Также в 2016–2020 гг. в анкете присутствовали вопросы о частоте посещения ребенком культурно-зрелищных мероприятий — как с родителями, так и без них, о поездках на какие-либо экскурсии, о походах и т. п. — также с родителями и без них.

В итоговую выборку были отобраны 5702 детей, которым на момент проведения обследования было от 3 до 7 лет. Была использована панельная выборка с большим количеством респондентов, так как значимые различия с репрезентативной выборкой не были обнаружены по основным социально-демографическим характеристикам.

Среди обследованных детей мальчики составили 52,3%. Это соответствует данным статистики: мальчиков рождается чуть больше, чем девочек, но затем постепенно доли выравниваются, а к пожилому возрасту женщин становится больше, чем мужчин. Возраст респондентов варьируется от 3 до 7 лет (табл. 1). Самая большая доля детей в выборке — это дети в возрасте 5 лет (26,5%). Самая малонаполненная категория — дети в возрасте 7 лет (менее 2% от всей выборки). Так как обычно дети идут в школу с шести лет, понятно, что лишь небольшая доля семилетних ее не посещает.

Таблица 1

Распределение дошкольников по возрасту, 2016–2021 гг., вертикальный % ($N = 5702$)

Возраст	Доля дошкольников
3 года	23,5
4 года	25,6
5 лет	26,5
6 лет	23,1
7 лет	1,3

Так как мы предполагаем, что здоровье детей может влиять на уровень активности их досуга и распорядок дня, посмотрим, как родители оценивают здоровье своих детей. Данные показывают, что 78,5% респондентов оценивали

здоровье своего ребенка как хорошее или очень хорошее, 20,1% – как среднее и только 1,4% считали его плохим или очень плохим. Эта оценка связана с наличием хронических заболеваний у ребенка. По всей выборке 79,7% детей не имеют хронических заболеваний и родители в 86,1% случаев оценивают здоровье таких детей как хорошее или очень хорошее, а остальные – как среднее. Среди детей, имеющих хронические заболевания, родители лишь в 48,6% случаев считали здоровье ребенка хорошим или очень хорошим, в 45,3% случаев – средним, а в 6,2% случаев – плохим.

При анализе досуга дошкольников большое внимание будет уделяться его семье. Это связано с тем, что чем больше человеческий и материальный капитал родителей, тем больше они имеют возможностей инвестировать в человеческий капитал ребенка. С другой стороны, если оба родителя работают полный рабочий день, они имеют меньше возможностей заниматься с ним. В этом случае ребенок может ходить в детский сад или оставаться с няней, бабушкой или дедушкой. Как показывают данные, 80,6% дошкольников живут с обоими родителями, 13,1% – только с матерью, 4,2% – с матерью и отчимом, 1% – без обоих родителей (табл. 2). Так как характеристики отца и матери являлись независимыми переменными в регрессионном анализе, мы исключили тех детей, которые проживают без них. В России также традиционно бабушки (в первую очередь) и дедушки помогают воспитывать внуков: бабушки есть в семьях 27,2% дошкольников, дедушки – 12,9%.

Таблица 2

Наличие родителей в семье дошкольников, 2016–2021 гг., вертикальный % ($N = 5702$)

Родители в семье	Доля родителей
Отец и мать	80,60
Только мать	13,10
Отчим и мать	4,20
Только отец	0,60
Отец и мачеха	0,40
Отчим и мачеха	0,10
Только отчим	0,02
Только мачеха	0,02
Никого из родителей	1,00

Как правило, более образованные и обеспеченные родители имеют и желание, и возможность больше вкладывать в своих детей. Поэтому важны образование и занятость матери и отца. В нашей выборке у 44,4% дошкольников мать имеет высшее образование, у 28,1% – отец. У 27% детей не работает мать, у 9,2% – отец. Среди матерей выше доля специалистов высшего и среднего уровня квалификации, среди отцов – руководителей и квалифицированных рабочих (табл. 3).

Таблица 3

Должности родителей дошкольников, 2016–2021 гг., вертикальный % (N = 5702)

Должность родителя	Мать	Отец
Нет родителя	2,4	18,5
Не работает	27,0	9,2
Законодатель, крупный чиновник, руководитель высшего и среднего звена	3,0	5,8
Специалист высшего уровня квалификации	17,3	8,6
Специалист среднего уровня квалификации	42,8	20,2
Квалифицированный рабочий	4,1	35,2
Неквалифицированный рабочий	3,5	2,4

Согласно экономической теории, количество и качество детей связаны отрицательно, то есть в большой семье родители имеют меньше ресурсов для каждого из них. С другой стороны, обычно старшие дети помогают родителям с младшими. У большинства респондентов в выборке (47,7%) есть один брат или сестра, а у 30,5% нет братьев или сестер (табл. 4).

Таблица 4

Распределение детей по количеству братьев и сестер, 2016–2021 гг., вертикальный % (N = 5702)

Наличие братьев и/или сестер	Доля братьев и/или сестер
Нет братьев и сестер	30,5
1 брат или сестра	47,7
2 брата или сестры	15,0
3 брата или сестры	3,8
4 брата или сестры	1,5
5 и более	1,6

Наконец, мы полагаем, что тип досуга детей, посещающих и не посещающих детские дошкольные учреждения, также может различаться. В нашей выборке в детский сад ходят 84,9% дошкольников. Можно отметить, что количество часов, которые дошкольники проводят в среднем в детском саду, значительно снизилось за весь анализируемый период. Так, в 2016 г. дети проводили в детском саду в среднем чуть меньше 20 часов в неделю и к 2017 г. это количество выросло еще на полтора часа. Однако затем пошло постепенное сокращение часов и в 2021 г. в среднем дошкольники проводили чуть больше 16,5 часов в детском саду (рис. 1).

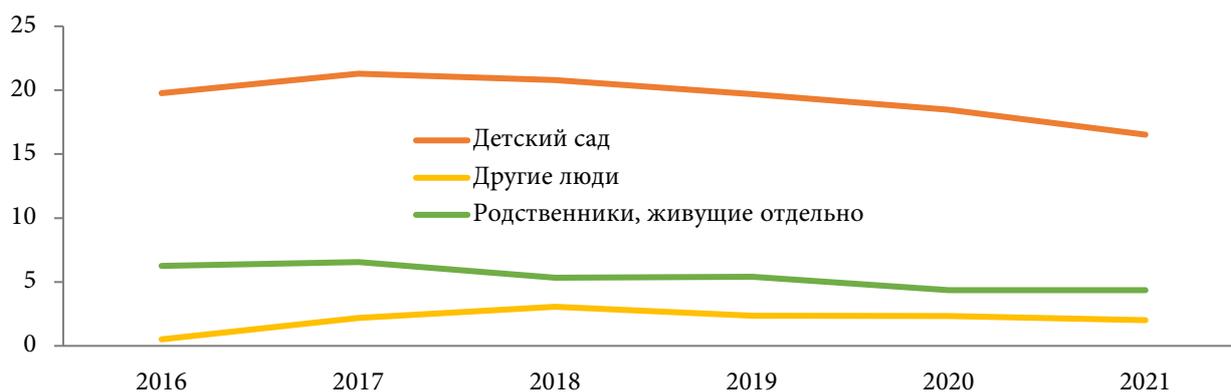

Рис. 1. Распределение обязанностей по уходу за ребенком, 2016 –2021 гг., часы в неделю в среднем (N = 5702)

Кроме детского сада, о дошкольниках заботятся родственники, которые живут отдельно. Они также к 2021 г. значительно меньше часов стали проводить с детьми. Это же касается и няней, педагогов – затраты их времени на заботу о ребенке сначала росли с 2016 по 2018 г., а к 2021 г. значительно сократились. Если в 2016 г. другие люди проводили с дошкольниками в среднем не больше получаса в неделю, то к 2018 г. няни и педагоги проводили уже чуть больше 3 часов в неделю. Однако уже к 2021 г. количество часов сократилось до 2.

Основные тенденции дошкольного досуга

Для начала обратимся к доле детей, чем-либо занятых в свое свободное время вне детского сада (табл. 5).

Таблица 5

Доля детей, занимающихся разными видами деятельности, 2016–2021 гг., в %

Вид деятельности	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Спорт	19,3	19,4	19,7	18,8	13,3	16,4	18,0
Двигательная активность на улице (мячик, велосипед и т. д.)	69,9	68,5	70,2	69,8	69,5	67,5	69,3
Подвижные игры на улице (прыгалки, салочки и т. д.)	79,9	78,0	79,5	79,7	74,4	74,6	77,9
Игры малоподвижные на улице (песочница и т. д.)	62,4	63,3	64,9	62,3	58,8	57,5	61,8
Рисование и музыка	66,9	66,1	69,1	69	61,9	65,0	66,4
Творчество, танцы и т. д.	34,4	29,1	29,3	34,7	24,7	29,2	30,4
Посещение дополнительных знаний	20,8	22,8	20,3	21,7	19,9	21,2	21,1
Изучение иностранного языка	5,4	5,7	5,6	6,9	4,8	4,5	5,6
Просмотр ТВ и видео	97,7	96,7	96,5	97,2	95,2	96,4	96,7
Чтение или слушание чтения	91,5	91,0	92	90,4	89,0	92,6	91,1
Игры и видеоигры дома	97,6	97,0	97,3	96,6	96,3	94,9	96,7
Спорт с родителями	22,8	21,3	26,5	25,1	25,3	-	24,2
Творчество с родителями	43,7	40,9	44,1	40,9	35,0	-	41,0
Образовательные занятия с родителями	17,5	18,0	18,3	19,6	18,0	-	18,3
Встречи с друзьями вне детского сада	76,9	77,9	78,9	77,0	74,5	78,3	77,2

Как можно заметить, практически все дети играют дома и смотрят телевизор или видео (более 96%), подавляющему большинству читают или дети читают сами (91,1%). Почти 78% детей играют на улице в подвижные игры (прыгалки, салочки и т. д.), 69,3% играют в мяч, катаются на велосипеде и т. д., 61,8% находятся на улице, но двигаются мало (играют в песочнице и т. д.). Гораздо меньше детей занимаются спортом (18%), рисованием или музыкой (66,4%), творчеством или танцами (30,4%), получают дополнительные знания (21,1%) или изучают иностранный язык (5,6%).

Можно также говорить о значимых различиях между уровнями вовлеченности в разные активности. Так, в 2020 г. (и отчасти в 2021 г.) доля детей, которые играли на улице, а также занимались спортом, рисованием, музыкой и т. д., снизилась по сравнению с 2018–2019 гг. Как мы и предполагали, в пандемию многие дети оставались дома вместо прогулок на улице или занятий в креативных и спортивных секциях. Особенно сильно сократилось количество детей, которые посещали творческие и танцевальные занятия, их стало на 10% меньше в 2020 г. по сравнению с допандемийными годами.

В 2016–2019 гг. также задавались вопросы о времени, которое родители проводили с детьми. Лишь 24,2% детей с родителями занимаются спортом, 41% – какими-либо творческими занятиями, 18,3% – получают дополнительные знания. Можно также отметить значимые различия между ежегодным уровнем вовлеченности родителей в досуг. Родители, начиная с 2016 г., все чаще вовлекались в совместный спорт. Доля таких родителей выросла с 22,8% в 2016 г. до 26,5% в 2017 г., а затем немного просела к 2019 г. Доля родителей, вовлеченных в совместную с детьми творческую деятельность, испытывала значительные колебания вплоть до 2020 г., когда она сильно сократилась и достигла минимального значения в 35% за все время наблюдений. В 2016–2021 гг. более трех четвертей детей вне детского сада встречались со сверстниками.

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 6, больше всего времени дошкольники тратят на уличные занятия – как подвижные, так и малоподвижные игры (5,5 часов в неделю – на первые и 3,3 часа в неделю – на вторые).

Таблица 6

Средние значения переменных затрат времени на досуг дошкольников (включая тех, кто не занимается этими видами деятельности), 2016–2021 гг.

Вид деятельности	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Среднее
Часов в неделю							
Спорт	0,36	0,38	0,42	0,43	0,31	0,44	0,39
Двигательная активность на улице	3,52	3,05	3,08	3,06	3,32	3,13	3,19
Подвижные игры на улице	5,80	5,53	5,31	5,43	5,54	5,31	5,50
Игры малоподвижные на улице	3,48	3,49	3,34	3,21	3,13	3,08	3,30
Рисование и музыка	1,69	1,65	1,73	1,65	1,54	1,70	1,66
Творчество, танцы и т. д.	0,81	0,64	0,67	0,73	0,47	0,72	0,68
Получение дополнительных знаний	0,56	0,61	0,54	0,57	0,47	0,54	0,55
Изучение иностранного языка	0,09	0,10	0,09	0,09	0,06	0,08	0,09
Просмотр ТВ и видео	1,59	1,54	1,52	1,45	1,44	1,44	1,50
Чтение или слушание чтения	0,69	0,69	0,63	0,65	0,65	0,72	0,67
Игры и видеоигры дома	1,97	1,92	1,83	1,83	1,78	1,83	1,86
Спорт с родителями	0,69	0,66	0,79	0,81	0,75	-	0,74
Творчество с родителями	1,12	1,02	1,10	0,96	0,88	-	1,02
Образовательные занятия с родителями	0,43	0,50	0,40	0,46	0,42	-	0,44
Раз в неделю							
Встречи с друзьями вне детского сада	2,95	2,95	3,04	2,98	2,86	3,04	2,97

За весь временной период наблюдаются небольшие колебания в количестве часов в неделю, которые затрачиваются детьми на проведение досуга на улице, однако они не являются значимыми. Следующими видами занятий по объему часов в неделю, которые на них затрачивают дошкольники, идут занятия рисованием и музыкой, а также домашние пассивные занятия — игры и видеоигры, просмотр ТВ и видеороликов. Можно отметить постепенное медленное снижение количества часов, которые затрачиваются детьми на проведение досуга дома, такая тенденция актуальна как для видеоигр, так и для просмотра ТВ и видео. Соответственно, в среднем количество домашнего досуга дошкольника постепенно сокращается. Такая тенденция не соответствует выводам предыдущих исследований, в которых просмотр ТВ и видео называется самой распространенной активностью для детей в возрасте от 1 до 16 лет, а активность на улице определяется как вторая по популярности и характерная для детей дошкольного возраста¹.

Приведенные данные частично соответствуют полученным ранее результатам исследований различных видов досуга российских дошкольников, в которых игры, прогулки и просмотр ТВ являются тремя самыми распространенными активностями для детей дошкольного возраста². Изменение среднего объема часов досуга особенно активно идет в творческой сфере, где дети в 2016 г. тратили на творчество чуть меньше часа, а в пандемию этот объем снизился практически на треть. Однако стоит отметить, что после пандемии дети стали больше заниматься творчеством. При анализе детских занятий, которые проходят совместно с родителями, можно заметить относительно небольшой объем часов в неделю, которые проводятся коллективно. Стоит отметить, что художественно-эстетическое направление значительно реже практикуется в детских садах из-за нехватки кадров³, однако среднее значение по выборке для данного направления высокое, отчего можно утверждать, что дети занимаются творчеством в основном вне детских садов.

Также можно проследить стабильную тенденцию в частоте общения дошкольника со сверстниками. Количество встреч в неделю вне детского сада составляет чуть больше 3 раз в неделю в среднем.

Чаще всего дети вне детского сада общаются во дворе. Прогулки на улице продолжают в среднем быть самым популярным способом знакомства и общения дошкольников. Значимые скачки в доле дошкольников, которые общались в разных местах с друзьями, также приходились на период пандемии. Так, в 2016 г. в среднем 68% дошкольников виделись и общались со сверстниками дома и в гости, а к 2021 г. их доля снизилась на 10%. Особенно сильно отразилась пандемия на доле детей, которые встречались со сверстниками на мероприятиях и в кружках. Поскольку дети в период пандемии редко посещали мероприятия и кружки вне дома, то и доля дошкольников, общающихся в этих местах, также сократи-

¹ Children's Pastimes and Play in Sixteen Nations: Is Free-Play Declining? / D. G. Singer, J. L. Singer, H. D'Agostino, R. DeLong // American Journal of Play. 2009. Vol. 1, No 3. P. 283–312.

² Шафран Н. М. Особенности организации досуга ребенка дошкольного возраста в семье // Наука и школа. 2015. № 1. С. 187–194.

³ Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад / И. В. Абанкина, Я. Я. Михайлова, А. К. Нисская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 112 с.

лась в этот период. К 2021 г. дошкольники стали чаще общаться на мероприятиях и в кружках, однако в целом можно проследить снижение уровня коммуникации со сверстниками после пандемии (рис. 2).

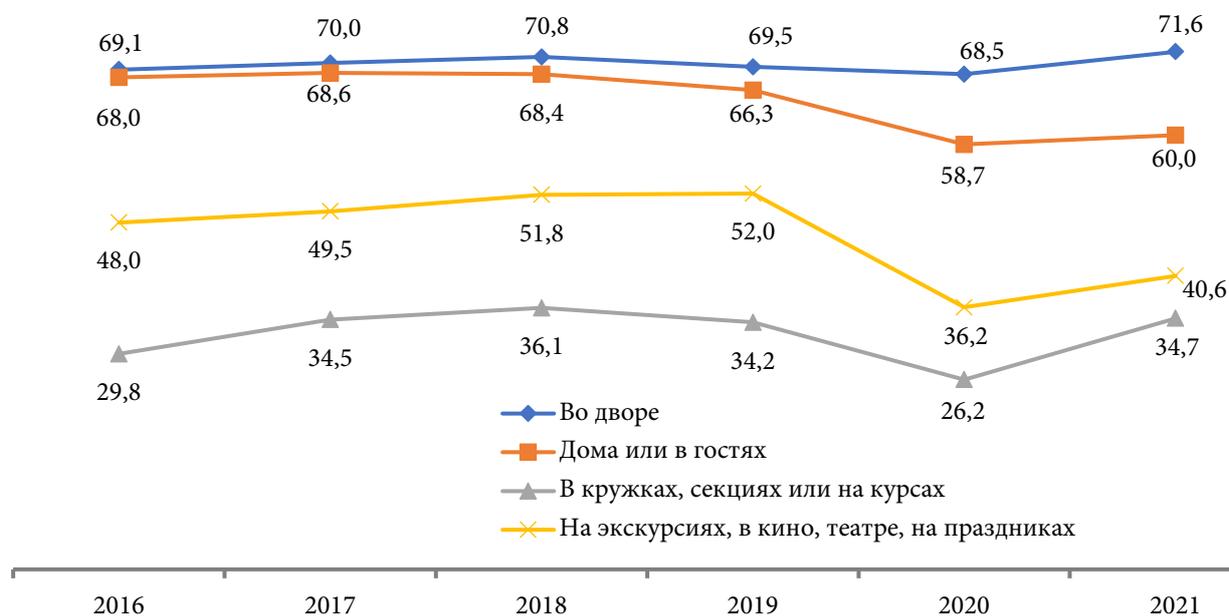

Рис. 2. Места встречи и общения дошкольников, 2016–2021 гг., % ($N = 5702$)

В среднем дошкольники чаще всего посещают с родителями зрелищные места (театры, музеи и т. д.), отправляются с ними на экскурсии. Без родителей, например в составе группы или с друзьями, дошкольники достаточно редко, в среднем реже одного раза в год, посещают различные зрелища, а на экскурсии практически совсем не ходят (табл. 7).

Таблица 7

Посещение мероприятий дошкольниками, раз в год в среднем ($N = 5702$)

Тип мероприятия	2016	2017	2018	2019	Среднее
Зрелища с родителями	2,74	2,64	2,54	2,75	2,67
Зрелища без родителей	0,84	1,02	0,81	1,02	0,92
Экскурсии с родителями	1,30	1,22	1,19	1,14	1,22
Экскурсии без родителей	0,13	0,15	0,11	0,25	0,16

Полученные данные соответствуют результатам исследований Мониторинга экономики образования. Так, в 2015 г. дети, посещавшие государственные детские образовательные учреждения и частные детские сады, чаще всего посещали культурно-зрелищные мероприятия с родителями или родственниками. Реже всего — с друзьями и родителями друзей¹. Соответственно, можно говорить о продолжающейся тенденции проведения дошкольниками досуга именно совместно с родителями.

¹ Абанкина И. В., Филатова Л. М. Доступность дошкольного образования // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 216–246.

Различия в досуге дошкольников по возрасту и полу

В зависимости от пола у дошкольника проявляется та или иная склонность к различным активностям (табл. 8).

Таблица 8

Средние значения переменных затрат времени на досуг дошкольников (включая тех, кто не занимается этими видами деятельности), по полу и возрасту, 2016–2021 гг.

Вид деятельности	Пол		Возраст			
	Мужской	Женский	3 года	4 года	5 лет	6 лет
Спорт	0,42	0,35	0,19	0,31	0,45	0,59
Двигательная активность на улице	3,25	3,12	3,1	3,24	3,24	3,18
Подвижные игры на улице	5,26	5,72	5,78	5,55	5,57	5,03
Игры малоподвижные на улице	3,02	3,62	3,55	3,58	3,14	2,95
Рисование и музыка	1,43	1,91	1,39	1,68	1,79	1,77
Творчество, танцы и т. д.	0,5	0,85	0,5	0,65	0,73	0,78
Получение дополнительных знаний	0,54	0,56	0,16	0,35	0,63	1,06
Изучение иностранных языков	0,08	0,10	0,03	0,08	0,09	0,15
Просмотр ТВ и видео	1,53	1,47	1,35	1,44	1,58	1,63
Чтение или слушание чтения	0,66	0,68	0,65	0,66	0,69	0,67
Игры и видеоигры дома	1,90	1,83	2,04	1,91	1,84	1,67
Общение со сверстниками	2,90	3,03	2,50	2,89	3,09	3,36

В среднем девочки на 30–40 минут больше играют в подвижные и малоподвижные игры на улице, чем мальчики. К тому же в полтора раза больше времени девочки тратят на рисование и музыку, а также на творчество и танцы. С другой стороны, стоит подчеркнуть бóльшую склонность мальчиков к просмотру ТВ и видео дома и спорту, на что они тратят в среднем больше времени в неделю. Однако склонность к спорту значима с учетом 4% вероятности ошибки.

Значимые различия в проведении досуга появляются также у дошкольников в зависимости от возраста (табл. 8). Поскольку респондентов семи лет оказалось меньше 100 человек, было принято решение объединить их с 6-летними дошкольниками. В среднем количество часов, которые дошкольники тратят на спорт, возрастает ежегодно. Потраченное на данный вид досуга время растет постепенно с увеличением возраста ребенка. В 3 года дети занимаются спортом в среднем в три раза меньше, чем в 6 лет. Полученные результаты соответствуют исследованиям спортивной активности дошкольников, которые выявили положительную связь между спортивной деятельностью и возрастом дошкольников¹. За малоподвижными играми на улице больше всего времени проводят 4-летние дети. К 6 годам количество часов на улице сокращается, что соотносится с другими данными о большей распространенности уличной активности в раннем возрасте². Для детей пяти лет характерно больше всего времени тратить на рисование и музыку.

¹ Lupu D., Norel M., Laurențiu A. R. What the Preschool Children Prefer: Computer, TV or Dynamic, Outdoor Activities?! // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 82. P. 7–11.

² Longitudinal study of physical activity and inactivity in preschoolers: the FLAME study / R. W. Taylor, L. Murdoch, P. Carter [et al.] // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2009. Vol. 41, No 1. P. 96–102.

По мере взросления дети начинают активнее заниматься творчеством и танцами, чаще посвящают время получению дополнительных знаний или изучению иностранного языка. В 3 года ребенок занимается творчеством и танцами в среднем в 1,5 раза меньше, чем в 6 лет. Схожая тенденция была обнаружена зарубежными исследователями ранее¹ и подтверждается данными о российских детях. Большое различие в уровне вовлеченности особенно ярко видно в образовательной активности. Дети в 6 лет занимаются получением дополнительных знаний в 5 раз больше по времени, чем дошкольники в возрасте 3 лет. Такое же повышение вовлеченности касается изучения иностранных языков. Дети практически не занимаются в 3 года иностранным языком, а к 6 годам среднее количество времени, потраченное на этот вид занятия, приближается к 10–15 минутам в неделю (включая не занимающихся). Дети также с взрослением все чаще и больше смотрят телевизор и видео дома.

Повышение активности вне дома и увеличение уровня вовлеченности в разные виды досуга приводят к увеличению частоты общения со сверстниками вне детского сада. Так, в 3 года дети в среднем 2,5 раза встречаются со сверстниками, а к 6 годам этот показатель увеличивается до 3,3 раза в неделю.

Для детей 3 лет самой характерной активностью являются игры и видеоигры дома: на них дошкольники тратят больше 2 часов в неделю, а к 6 годам это время сокращается на 30–40 минут.

Занятия с родителями также дифференцируются в зависимости от пола и возраста дошкольника (табл. 9).

Таблица 9

Средние значения переменных о затратах времени на мероприятия и уход, по полу и возрасту, 2016–2020 гг.

Вид деятельности	Пол		Возраст			
	Мужской	Женский	3 года	4 года	5 лет	6 лет
Часов в неделю						
Занятия спортом с родителями	0,78	0,69	0,69	0,74	0,76	0,76
Занятия творчеством с родителями	0,78	1,28	0,93	1,04	1,05	1,05
Получение дополнительных знаний с родителями	0,41	0,48	0,17	0,30	0,52	0,79
Пребывание с отдельно живущими родственниками	5,95	4,88	5,78	5,53	5,27	5,20
Пребывание в детском саду	19,36	19,81	17,71	19,56	20,36	20,57
Пребывание с другими людьми	1,74	2,4	2,2	1,84	2,08	2,13
Раз в неделю						
Встречи с друзьями вне детского сада	2,91	3,03	2,50	2,89	3,09	3,36
Раз в год						
Посещение зрелищ с родителями	2,67	2,66	2,22	2,79	2,83	2,81
Посещение зрелищ без родителей	0,86	0,99	0,48	0,89	1,09	1,23
Посещение экскурсий с родителями	1,25	1,18	0,89	1,25	1,27	1,45
Посещение экскурсий без родителей	0,16	0,16	0,08	0,10	0,19	0,27

¹ Lupu D., Norel M., Laurențiu A.R. Op. cit.

В среднем в неделю девочки занимаются творчеством с родителями в 2 раза чаще, чем с мальчиками. Также за девочками и мальчиками разное количество времени ухаживают другие люди и родственники: отдельно живущие родственники в целом на час больше времени проводят с мальчиками, другие же люди — няни и педагоги — проводят на 40–50 минут больше с девочками.

Возраст ребенка также влияет на занятия ребенка с родителями. В среднем количество часов, которые родители проводят с детьми, давая им дополнительные знания, увеличивается с возрастом ребенка. Чем старше ребенок, тем больше родители с ним занимаются образовательной деятельностью. Дети в среднем в 5 раз больше вовлечены в коллективную образовательную деятельность в 6 лет, чем в 3 года. Стоит отметить, что время, потраченное на проведение досуга, связанного со зрелищными мероприятиями также в среднем растет с взрослением ребенка. Дети в среднем в 3 раза чаще посещают зрелища и экскурсии с родителями, чем без них. Самой популярной активностью для дошкольников становится посещение зрелищных мероприятий с родителями: в среднем дети уже в 3 года посещают их по 2,2 раза в год, а к 6 годам этот показатель возрастает до 2,8 раза в год. Идентичную положительную тенденцию можно увидеть в увеличении количества часов, которые дети проводят в детском саду. В 3 года дети проводят в детском саду меньше 18 часов в неделю, к 5 годам время увеличивается до 20 с небольшим часов в неделю, к 6 годам среднее проведенное в детском саду время еще немного возрастает.

Типология досуга дошкольников

Для классификации детского дошкольного досуга были построены две модели разведывательного факторного анализа, которые включали все переменные, связанные с досуговыми активностями. В первую модель факторного анализа также вошли переменные, которые отражают количество часов в неделю, которые ребенок затрачивал на занятия с родителями. Вопросы о совместных с родителями занятиях задавались только до 2020 г., поэтому первая модель включает меньшее количество респондентов (4147 кейсов). По критерию собственного значения, большего единицы, была построена 5-факторная модель, которая объясняет 54% дисперсии (табл. 10):

1-й фактор — уличные активности. В данный фактор вошли все уличные занятия дошкольников — малоподвижные и подвижные игры на улице, любая двигательная активность, такая как игра в мячик или катание на велосипеде;

2-й фактор — получение знаний. В этот фактор вошли образовательные занятия дошкольников — изучение иностранных языков, получение дополнительных знаний и занятия с родителями, нацеленные на получение знаний;

3-й фактор — творчество. В третий фактор были включены креативные занятия детей — творчество (как самостоятельное, так и с родителями), занятия танцами, музыкой и рисованием;

4-й фактор — домашний досуг. В этот фактор были включены все переменные, которые связаны с домашними делами, — чтение, просмотр ТВ, игры и видеоигры дома;

5-й фактор — спорт и общение. В данный фактор вошли самостоятельные и совместные с родителями занятия спортом, а также встречи с друзьями вне детского сада.

Таблица 10

Модель факторного анализа 1 с вращением (Варимакс), 2016–2020 гг. ($N = 4147$)

Вид деятельности	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
Спорт	0,020	0,285	0,063	0,048	0,509
Двигательная активность на улице	0,675	0,026	0,083	0,143	0,217
Подвижные игры на улице (прыгалки, салочки и т. д.)	0,743	0,013	0,193	0,049	0,059
Игры малоподвижные на улице (песочница и т. д.)	0,798	0,049	0,037	0,064	0,057
Рисование и музыка	0,316	0,136	0,652	0,050	0,013
Творчество, танцы и т. д.	0,238	0,294	0,515	0,114	0,080
Получение дополнительных знаний	0,069	0,796	0,150	0,081	0,049
Изучение иностранного языка	0,006	0,624	0,006	,016	0,078
Просмотр ТВ и видео	0,145	0,109	0,165	0,658	0,050
Чтение или слушание чтения	0,097	0,070	0,244	0,652	0,120
Игры и видеоигры дома	0,191	0,039	0,121	0,712	0,044
Встречи с друзьями вне детского сада	0,192	0,019	0,092	0,004	0,732
Спорт с родителями	0,011	0,012	0,471	0,140	0,472
Творчество с родителями	0,013	0,087	0,804	0,150	0,055
Образовательные занятия с родителями	0,015	0,765	0,206	0,112	0,057

Чтобы иметь возможность выделить факторы, общие для всех лет исследования, была построена вторая модель, которая включает только переменные, которые были в анкете в течение всего периода с 2016 по 2021 г. Таким образом, она не включает досуговые занятия ребенка с родителями. В модель вошло 4829 кейсов и было выделено три фактора, которые описывают более 42% дисперсии (табл. 11):

1-й фактор – активность на улице, общение, рисование и музыка. В данный фактор вошли переменные, связанные как с активными, так и с пассивными занятиями и играми на улице, а также занятия рисованием и музыкальные занятия, встречи с друзьями вне детского сада;

2-й фактор – спорт, творчество и получение дополнительных знаний. В него вошли дошкольные спортивные и творческие занятия, занятия по изучению иностранных языков и по получению дополнительных знаний, а также занятия рисованием и музыкой (которые входят как в первый, так и во второй фактор практически с одинаковыми весами);

3-й фактор – домашние занятия. В этот фактор были включены все занятия дошкольников дома – просмотр ТВ и видео, чтение или слушание чтения, а также игры и видеоигры дома.

Таблица 11

Модель факторного анализа 2 с вращением (Варимакс), 2016–2021 гг. (N=4829)

Виды деятельности	Ф1	Ф2	Ф3
Спорт	0,004	0,483	0,046
Двигательная активность на улице (мячик, велосипед и т. д.)	0,689	0,048	0,145
Подвижные игры на улице (прыгалки, салочки и т. д.)	0,778	0,024	0,049
Игры малоподвижные на улице (песочница и т. д.)	0,746	0,028	0,086
Рисование и музыка	0,449	0,430	0,122
Творчество, танцы и т. д.	0,355	0,529	0,023
Получение дополнительных знаний	0,092	0,657	0,137
Изучение иностранного языка	0,097	0,618	0,020
Просмотр ТВ и видео	0,055	0,045	0,628
Чтение или слушание чтения	0,033	0,213	0,683
Игры и видеоигры дома	0,198	0,046	0,722
Встречи с друзьями вне детского сада	0,253	0,101	0,013

Такая типология может быть обусловлена тремя самыми главными предположениями родителей при организации досуга — чтение, игровая и образовательная деятельность и прогулки с детьми. Данная типология соответствует результатам ранее проведенных эмпирических исследований¹.

Типология детей, ориентированных на разные виды досуга

Для построения типологии дошкольников, которые ориентированы на занятия различными видами деятельности, методом К-средних была построена кластерная модель на ранее полученных трех факторах (вторая модель факторного анализа). В модель вошли данные за период с 2016 по 2021 г. (4828 респондентов). Модели, построенные на исходных переменных, оказались хуже интерпретируемы.

Дошкольники были разделены на 4 кластера (табл. 12), которые имеют разную склонность к определенным видам занятий:

1-й кластер. В него вошло всего 4,9% выборки. Дошкольники из этого кластера ориентированы на дополнительные занятия. В них входят спортивные и творческие занятия, а также занятия для получения новых знаний (Ф2).

2-й кластер. Он включил в себя 21,4% выборки. Дети дошкольного возраста, которые попали в данный кластер, имеют большую склонность к двигательной активности на улице (Ф1).

3-й кластер. Он стал самым наполненным и включил в себя 68,2% дошкольников. Дети из этого кластера склонны к пассивному досугу, они минимально участвуют во всех активностях и занятиях — как дома, так и вне дома.

4-й кластер. В него вошло 14,6% выборки. Дошкольники из 4-го кластера имеют ориентацию на домашние занятия — просмотр телевизора, игры и чтение.

¹ Собкин В. С., Скобельщина К. Н., Иванова А. И. Влияние социальных факторов на семейный досуг дошкольника // Социологические исследования. 2013. № 6 (350). С. 62–70.

Таблица 12

Модель кластерного анализа методом К-средних на трех факторах, 2016–2021 гг.,
кластерные центры ($N = 4828$)

Факторы	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Ф1: активность на улице	0,15557	1,51085	-0,41778	-0,32842
Ф2: спорт, творчество и знания	3,18813	-0,27764	-0,10942	-0,17621
Ф3: ТВ, чтение и игры дома	0,16561	-0,07131	-0,35094	1,69306
Кол-во кейсов в кластере	219	946	3018	645
Распределение по кластерам, %	4,9	21,4	68,2	14,6

Проанализируем количество часов, которые в среднем тратятся на различные занятия детьми из разных групп (табл. 13).

Таблица 13

Средние значения затрат времени на разные виды досуга по кластерам

Вид деятельности	Кластер 1 (спорт, творчество и получение знаний)	Кластер 2 (активность на улице)	Кластер 3 (минимальная активность)	Кластер 4 (просмотр ТВ, чтение и игры дома)	Всего
	Часов в неделю				
Спорт	2,55	0,29	0,30	0,27	0,39
Двигательная активность на улице (мячик, велосипед и т. д.)	4,07	8,08	1,76	3,04	3,27
Подвижные игры на улице (прыгалки, салочки и т. д.)	7,59	14,64	2,98	4,29	5,65
Малоподвижные игры на улице (песочница и т. д.)	4,50	9,52	1,58	2,89	3,44
Рисование и музыка	4,39	2,86	1,17	1,74	1,72
Творчество, танцы и т. д.	3,20	1,11	0,43	0,49	0,70
Получение дополнительных знаний	4,04	0,47	0,36	0,56	0,57
Изучение иностранного языка	1,24	0,02	0,04	0,04	0,09
Просмотр ТВ и видео	1,58	1,53	1,25	2,52	1,49
Чтение или слушание чтения	0,95	0,61	0,54	1,29	0,67
Игры и видеоигры дома	2,02	2,12	1,38	3,54	1,84
Пребывание с отдельно живущими родственниками	7,71	6,40	5,03	6,49	5,62
Пребывание в детском саду	21,56	23,89	19,85	15,97	20,20
Пребывание с другими людьми	2,71	2,21	2,30	1,36	2,18
Раз в неделю					
Встречи с друзьями вне детского сада (раз в неделю)	3,44	3,61	2,78	2,69	2,96

Дошкольники из первого кластера 2,6 часов в неделю занимаются спортом, что в среднем больше в 4 раза, чем временные траты на спорт у детей из других кластеров. Также они больше всех тратят время на рисование, музыкальную и творческую деятельность (в среднем в 2 раза больше). Также дошкольники из 1-го кластера активно занимаются получением дополнительных знаний (около 4 часов в неделю) и изучением иностранных языков (более 1 часа). Дети часто встречаются с друзьями вне детского сада (больше 3 раз в неделю). С этими дошкольниками больше всего часов проводят родственники, которые живут отдельно, — в среднем на час-два больше, чем с детьми из других кластеров.

Дошкольники из второго кластера больше всего проводят время на улице — играют в мячик или катаются на велосипеде (в среднем 8 часов в неделю), играют в прыгалки, салки и другие подвижные игры (более 14 часов в неделю), а также играют в спокойные игры на улице (больше 9 часов в неделю). К тому же такие дети чаще всех встречаются с друзьями вне детского сада, а также в среднем больше всех проводят время в детском саду — практически 24 часа в неделю.

У дошкольников из третьего кластера не наблюдается особой склонности к какому-либо виду активности, они меньше всех тратят время на любые занятия как дома, так и на улице.

Дошкольники из четвертого кластера больше всего тратят время на занятия дома. Так, в среднем больше 2,5 часа у них уходит на просмотр телевизора и видеороликов и больше 3,5 часа — на игры и видеоигры дома. Также они склонны читать и слушать, когда им читают: в среднем они на полчаса больше проводят за этим занятием, чем дети из других кластеров. Такие дети меньше всех посещают детский сад — в среднем они проводят там чуть меньше 16 часов в неделю.

По результатам кластерного анализа был выявлен кластер детей, которые не склонны заниматься каким-либо досугом (3-й кластер). При этом вероятность попадания в этот кластер тесно связана с полом ребенка (табл. 14).

Таблица 14

Распределение кластеров по полу, вертикальный %

Пол	Кластер 1 (спорт, творчество и получение знаний)	Кластер 2 (активность на улице)	Кластер 3 (минимальная активность)	Кластер 4 (просмотр ТВ, чтение и игры дома)	Всего
Мужской пол	46,58	48,94	52,98	54,11	52,05
Женский пол	53,42	51,06	47,02	45,89	47,95

Примечание. Pearson $\chi^2(3) = 8,4349$, Pr = 0,038.

Зачастую именно мальчики занимаются всеми активностями в минимальном объеме. Девочки дошкольного возраста больше, чем мальчики, склонны к занятиям вне дома. Они занимаются не только в спортивных, творческих и образовательных кружках, но и больше проводят времени на улице — играют как в подвижные, так и в малоподвижные игры.

Возраст дошкольника также значимо влияет на минимальную активность в свободное время (табл. 15).

Таблица 15

Распределение кластеров по возрасту, вертикальный %

Возраст	Кластер 1 (спорт, творчество и получение знаний)	Кластер 2 (активность на улице)	Кластер 3 (минимальная активность)	Кластер 4 (просмотр ТВ, чтение и игры дома)	Всего
3 года	8,68	24,74	23,46	24,65	23,20
4 года	18,72	27,80	25,71	26,51	25,91
5 лет	30,14	25,48	26,61	27,60	26,68
6–7 лет	42,47	21,99	24,22	21,24	24,21

Примечание. Pearson $\chi^2(12) = 68,6217$, Pr = 0,000.

В 3 года дети не склонны заниматься активностями, они редко участвуют в досуговых занятиях. К 4 годам этот период минимальной активности заканчивается, и дети от 4 до 6 лет более склонны к разным видам активностей. Однако при достижении 6 лет склонность к минимальной активности возвращается. Возрастает количество дошкольников, которые не вовлечены ни в какие досуговые активности.

Девочки больше играют в подвижные и малоподвижные игры на улице, а также занимаются творчеством, спортом, получением дополнительных знаний. Полученные результаты соответствуют результатам других исследований о высокой вовлеченности девочек в творческую деятельность, однако данные о вовлеченности в спортивную деятельность противоречат более раннему зарубежному исследованию¹.

Мальчики же склонны либо к домашнему досугу – просмотру ТВ и видео, – либо к минимальной активности в целом. Результаты данного исследования противоречат существующему утверждению о большей активности мальчиков в дошкольном возрасте². У мальчиков наблюдается склонность к спортивной деятельности, однако разница в объеме занятий спортом не превышает в среднем 10 минут в неделю по сравнению с девочками. Поэтому нельзя утверждать, что мальчики значительно активнее, чем девочки, особенно учитывая тот факт, что девочки в России больше, чем мальчики, включены во все активности вне дома.

Помимо различий в досуге мальчиков и девочек дошкольного возраста, также были выявлены различия в их совместном с родителями досуге. Наше исследование выявило, что девочки в два раза больше занимаются творчеством с родителями, чем мальчики, что соответствует выводам более ранних исследований³. Стоит отметить, что только для творческих занятий были найдены значимые различия между мальчиками и девочками. Другими видами досуга – получением дополнительных знаний и спортом – мальчики и девочки занимаются с родителями в одинаковом объеме.

Досуг детей дифференцируется исходя из методов заботы о ребенке. Все дети посещают детские сады в равной мере, однако о мальчиках чаще заботятся отдельно живущие родственники. За девочками же чаще следят приглашенные

¹ Lupu D., Norel M., Laurențiu A. R. Op. cit.

² Tucker P. The physical activity levels of preschool-aged children: A systematic review // Early childhood research quarterly. 2008. Vol. 23, No 4. P. 547–558.

³ Собкин В.С., Скобельщина К.Н., Иванова А.И. Указ. соч.

няни и педагоги. Соответственно, можно утверждать, что за девочками следят более компетентные в области воспитания и образования лица, которых специально нанимают родители. Соответственно, важно уделять больше времени на вовлечение мальчиков в дошкольные кружки и занятия. Поскольку мальчики меньше занимаются всеми видами активностей и склонны к пассивному досугу, при организации досуга дошкольников следует уделять особое внимание тем формам досуговой деятельности, которые были бы привлекательны для мальчиков. Посещение мальчиками различных кружков по конструированию, изучению машин и других подобных развивающих занятий позволит заинтересовать их данными видами деятельности и замотивировать на дальнейшее получение знаний.

Подводя итоги, следует сказать, что нами было выделено 3 основных типа досуга дошкольников: активность на улице, то есть любые игры и встречи вне детского сада; спорт, творчество и получение дополнительных знаний; домашние занятия, включая просмотр телевизора и видео, чтение, игры и видеоигры. При этом нами была обнаружена большая группа детей, не вовлеченных ни в один из видов активности. Более того, таких детей оказалось больше всего в выборке. Полученные данные свидетельствуют о значительном сходстве способов проведения досуга у дошкольников и младших школьников. Досуг дошкольников также охватывает различные сферы и дополнительно включает отдельный вид пассивного досуга¹. Главный вывод, который можно сделать из проведенного исследования, заключается в том, что, несмотря на активное развитие образовательных и развлекательных возможностей для дошкольников, большое количество детей продолжают проводить свой досуг пассивно. Нельзя говорить о высоком уровне вовлеченности детей дошкольного возраста в досуговые активности, так как минимальный уровень активности все еще характерен для большинства из них.

Список литературы

Абанкина И. В., Филатова Л. М. Доступность дошкольного образования // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 216–246. DOI: [10.17323/978-5-7598-2395-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2395-7). EDN: [CQPMLN](https://www.edn.ru/CQPMLN).

Векторы развития дошкольного образования в условиях современных вызовов: аналитический доклад / И. В. Абанкина, Я. Я. Михайлова, А. К. Нисская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 112 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-2679-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8). ISBN: 978-5-7598-2679-8. EDN: [LOQVDQ](https://www.edn.ru/LOQVDQ).

Косарецкий С. Г., Курриянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168–188.

¹ Косарецкий С. Г., Курриянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168–188; Рощина Я. М. Факторы образовательных возможностей школьников в России: препринт WP4/2012/01 / Я. М. Рощина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 64 с.

Рощина Я. М. Факторы образовательных возможностей школьников в России: препринт WP4/2012/01 / Я. М. Рощина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 64 с.

Собкин В. С., Скобельцина К. Н., Иванова А. И. Влияние социальных факторов на семейный досуг дошкольника // Социологические исследования. 2013. № 6 (350). С. 62–70. EDN: [QZBREV](#).

Шафран Н. М. Особенности организации досуга ребенка дошкольного возраста в семье // Наука и школа. 2015. № 1. С. 187–194. EDN: [TKQFBN](#).

Children's Pastimes and Play in Sixteen Nations: Is Free-Play Declining? / D. G. Singer, J. L. Singer, H. D'Agostino, R. DeLong // American Journal of Play. 2009. Vol. 1, No 3. P. 283–312.

Longitudinal study of physical activity and inactivity in preschoolers: the FLAME study / R. W. Taylor, L. Murdoch, P. Carter [et al.] // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2009. Vol. 41, No 1. P. 96–102.

Lupu D., Norel M., Laurențiu A. R. What the Preschool Children Prefer: Computer, TV or Dynamic, Outdoor Activities?! // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 82. P. 7–11.

Tucker P. The physical activity levels of preschool-aged children: A systematic review // Early childhood research quarterly. 2008. Vol. 23, No 4. P. 547–558.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.4

LEISURE ACTIVITIES OF PRESCHOOLERS IN RUSSIA

Bobkova E.A., Roshchina Ya.M.

Abstract. The article examines how Russian preschoolers spent their free time in 2016–2021. Almost all children play and watch TV at home. The vast majority read with their parents or alone. Nearly 78% of preschoolers play outside, skipping or playing tag; 69.3% play ball, or ride a bike; 61.8% play in a sandbox. Far fewer children participate in sports (18%), take art or music lessons (66.4%), do creative activities or dance (30.4%), study (21.1%), or learn a foreign language (5.6%). After the outbreak of the COVID-19 pandemic and the introduction of quarantine regulations in 2020, playing outside, playing sports, drawing, and taking music lessons became much less common among preschoolers compared to the previous period, 2018–2019. There are notable differences in the leisure time of preschool girls and boys. Girls are more likely to play outside and engage in sports, creative, and educational activities. Boys tend to stay indoors and play, watch TV and videos, and read. Boys are also more likely to miss out on all kinds of leisure activities outside of government-sponsored kindergartens. Girls are more likely to benefit from the attention of professional caregivers (nannies and private tutors), while boys are often cared for by grandparents (most likely grandmothers) living in separate households. Cluster analysis shows that there are four groups of preschool children, each with its own leisure activity profile. The smallest group (4.9%) includes children who regularly engage in sports, creative activities and learning. Children in the second smallest group (14.6%) spend most of their time watching TV and videos, reading and playing at home. The third group plays outside more often than others (21.4%). And the largest group of preschool children (68.2%) includes those who seem to be excluded from any kind of leisure activities.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, preschoolers, leisure, investment in children

References

- Abankina I. V., Filatova L. M.* Dostupnost' doshkol'nogo obrazovaniya // *Voprosy obrazovaniya*. 2018. № 3. S. 216–246. DOI: [10.17323/978-5-7598-2395-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2395-7). EDN: [CQPMLN](https://elibrary.ru/qqpmln).
- Vektory razvitiya doshkol'nogo obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov: analiticheskiy doklad / I. V. Abankina, Ya. Ya. Mikhaylova, A. K. Nisskaya [i dr.]; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSh·E, 2022. 112 s. DOI: [10.17323/978-5-7598-2679-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2679-8). ISBN: 978-5-7598-2679-8. EDN: [LOQVDQ](https://elibrary.ru/loqvdd).
- Kosaretskiy S. G., Kupriyanov B. V., Filippova D. S.* Osobennosti uchastiya detey v dopolnitel'nom obrazovanii, obuslovlennyye razlichiyami v kul'turno-obrazovatel'nom i imushchestvennom statuse semey i meste prozhivaniya // *Voprosy obrazovaniya*. 2016. № 1. S. 168–188.
- Roshchina Ya. M.* Faktory obrazovatel'nykh vozmozhnostey shkol'nikov v Rossii: preprint WP4/2012/01 / Ya. M. Roshchina; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom VSh·E, 2012. 64 s.
- Sobkin V. S., Skobel'tsina K. N., Ivanova A. I.* Vliyaniye sotsial'nykh faktorov na semeynnyy dosug doshkol'nika // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2013. № 6 (350). S. 62–70. EDN: [QZBREV](https://elibrary.ru/qzbrev).
- Shafran N. M.* Osobennosti organizatsii dosuga rebenka doshkol'nogo vozrasta v sem'ye // *Nauka i shkola*. 2015. № 1. S. 187–194. EDN: [TKQFBN](https://elibrary.ru/TKQFBN).
- Children's Pastimes and Play in Sixteen Nations: Is Free-Play Declining? / D. G. Singer, J. L. Singer, H. D'Agostino, R. DeLong // *American Journal of Play*. 2009. Vol. 1, No 3. P. 283–312.
- Longitudinal study of physical activity and inactivity in preschoolers: the FLAME study / R. W. Taylor, L. Murdoch, P. Carter [et al.] // *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 2009. Vol. 41, No 1. P. 96–102.
- Lupu D., Norel M., Laurențiu A. R.* What the Preschool Children Prefer: Computer, TV or Dynamic, Outdoor Activities?! // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 82. P. 7–11.
- Tucker P.* The physical activity levels of preschool-aged children: A systematic review // *Early childhood research quarterly*. 2008. Vol. 23, No 4. P. 547–558.

Рощина Я. М., Конюшева А. Д.

ТИПЫ ИНВЕСТИЦИЙ СЕМЬИ В ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.5

Аннотация. В работе мы использовали данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2010–2019 гг. для анализа объема и структуры инвестиций домохозяйств в здоровье детей в возрасте от 3 до 13 лет. Среди мер, предпринимаемых для поддержания здоровья детей и профилактики заболеваний, наиболее распространены прогулки на свежем воздухе, правильное питание и соблюдение режима дня. Реже встречаются закаливание, походы в баню и профилактические визиты к врачу. Вероятность того, что родители прибегнут к тем или иным мерам по поддержанию здоровья ребенка и профилактике болезней, варьируется в зависимости от возраста и пола ребенка. Чем старше ребенок, тем с меньшей вероятностью он/она соблюдает режим дня и питания, реже принимает витамины и закаливается, но с большей вероятностью занимается спортом и ходит в баню, что, вероятно, связано с возрастными ограничениями для данных видов активности. Мальчики чаще, чем девочки, занимаются спортом и закаливаются, девочки чаще принимают витамины. Городские домохозяйства больше и чаще инвестируют в здоровье детей, чем домохозяйства, расположенные в сельской местности. Дети, проживающие в городах, чаще правильно питаются, принимают витамины и занимаются спортом, при этом дети, проживающие в селах, чаще посещают баню. Частота профилактических визитов к врачу сопоставима в городской и сельской местности, тем не менее сельские жители делают это реже. Кластерный анализ показал, что домохозяйства, где проживают мальчики с большим количеством братьев и сестер, чем в среднем, и не имеющие хронических заболеваний, чаще инвестируют в здоровье детей (56,2% выборки). Родители таких детей ведут либо умеренный (не часто занимаются спортом, но и не злоупотребляют алкоголем и сигаретами), либо здоровый образ жизни. В первом случае домохозяйства располагаются в сельской местности, во втором – в областных центрах и столичных городах (Москва, Санкт-Петербург) и имеют душевой доход выше среднего по выборке. Домохозяйства, где проживают дети в среднем старше (8–9 лет), девочки и дети с хроническими заболеваниями, инвестируют в здоровье детей реже (23,5% выборки). Взрослые в таких домохозяйствах ведут нездоровый или умеренный образ жизни, при этом все домохозяйства располагаются вне крупных городских центров (в селах, ПГТ, малых городах).

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, инвестиции в здоровье, здоровье детей, благополучие детей, разрыв между городом и селом, благополучие в сельской местности

Изучение здоровья людей с разных сторон обретает особую актуальность в современном обществе из-за высокого уровня стресса, плохой экологии и неблагоприятия населения в целом. Во всем мире около 70% смертей приходится на неинфекционные заболевания, в России эта доля равна 87%¹. Связанный с неинфекционными заболеваниями нездоровый образ жизни, который включает в себя потребление вредных веществ, таких как алкоголь и табак, и нездоровую диету, приводит к повышению смертности² и приверженность к нему требует активных мер по изменению ситуации. Особенно важно изучение здоровья и применения оздоровительных практик в отношении детей, так как именно в детском и подростковом возрасте формируются предпосылки качества жизни в будущем³. Различные заболевания, в том числе сердечные, проявляющиеся во взрослом возрасте, возникают в раннем детстве⁴ и требуют наблюдения с детского возраста. В контексте детского здоровья это также является актуальной темой из-за того, что домохозяйства с детьми в России находятся в более уязвимом положении и имеют уровень жизни ниже домохозяйств без детей⁵, из-за чего появляется необходимость изучения семей для совершенствования социальной политики. Согласно данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата, для домохозяйств с детьми почти недоступны средний и высокий уровни жизни⁶, а ограничения по уровню жизни могут также влиять на физическое развитие детей. Например, по данным ВЦИОМ⁷, только в 45% семей ребенок посещает дополнительные спортивные занятия. Для малоимущих семей показатель еще ниже (30%). Таким образом, исследование детского здоровья позволяет более глубоко понять причины и механизмы возникновения социального неравенства, а также позволит разработать стратегии по борьбе с этим явлением в обществе.

¹ Noncommunicable diseases country profiles 2018 // WHO/IRIS: [сайт]. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/274512> (дата обращения: 11.04.2024).

² Tobacco, alcohol and diet as mortality risk factors: the secondary analysis of the 25-year cohort study / A. Egorova, B. Idrisov, R. Redman [et al.] // Journal of health research. 2023. Vol. 38, No 1. P. 69–76.

³ Billari F. C. The analysis of early life courses: complex descriptions of the transition to adulthood // Journal of population research. 2001. Vol. 18, No 2. P. 119–142.

⁴ Barker D. J. P. The developmental origins of adult disease // Journal of the American College of Nutrition. 2004. Vol. 23, No 6. P. 588S–595S.

⁵ Odintsova E. V., Chashchina T. V., Mochalov D. A. Features of the standard of living and labor situation in households with children and without them // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2023. Vol. 16 (5). P. 155–171.

⁶ см.: *Ibid.* P. 161.

⁷ Детский спорт: возможности и барьеры // ВЦИОМ: [сайт]. 23.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-sport-vozmozhnosti-i-barery> (дата обращения: 20.05.2024).

Тема здоровья также связана с человеческим капиталом, который, в свою очередь, обеспечивает экономический рост и развитие страны. Согласно теории человеческого капитала, на этапе позднеиндустриального развития, расширения сферы услуг и интеллектуального труда важнейшим фактором производства стал сам человек. Его образование, приобретенные навыки и знания являются «инкорпорированным активом», который человек может использовать на рабочем месте¹. Накапливая человеческий капитал, работник стремится к личностному росту, новые навыки поднимают его «цену» на рынке труда, что означает повышение его доходов, а в контексте всего общества приводит к развитию технологий и экономическому росту страны. В широком смысле человеческий капитал включает в себя не только квалификацию и навыки, но также социальный капитал и физические ресурсы, которые позволяют человеку трудиться², и здоровье, в свою очередь, обеспечивает физические ресурсы и таким образом влияет на показатели человека на рынке труда. В контексте здоровья теорию о человеческом капитале развивал Майкл Гроссман. Он предложил рассматривать здоровье как отдельную разновидность человеческого капитала и разработал модель спроса на здоровье³. Гроссман утверждает, что, в отличие от классической теории спроса, люди напрямую не хотят получить медицинскую услугу, ее ценность заключается в улучшении здоровья, и именно на это формируется спрос. При этом здоровье определяется через количество свободных от болезни дней и носит двойственный характер. Оно является не только потребительским благом, но и предметом инвестиций. Как потребительское благо хорошее здоровье напрямую включается в индивидуальную кривую безразличия и влияет на полезность. Если говорить о здоровье как об объекте инвестиций, то, согласно модели Гроссмана, у человека с рождения имеется запас здоровья, который изнашивается с возрастом. При этом человек своими действиями может совершать позитивные и негативные инвестиции, питаясь определенным образом, занимаясь спортом или ведя сидячий образ жизни, регулярно или редко посещая врачей, употребляя алкоголь и куря сигареты или воздерживаясь от этого. Увеличение капитала здоровья за счет позитивных инвестиций снижает риск заболеваний. Исследователи зачастую фокусируются на капитале или самооценке здоровья ребенка, реже обращают внимание на то, как этот капитал формируется родителями, поэтому мы сосредоточим свое внимание на объеме и стратегиях инвестиций в здоровье детей со стороны родителей.

В этой статье используются данные 19-й – 28-й волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2010–2019 гг. о детях от 3 до 13 лет. Используются вопросы о мерах, которые родители предпринимают для поддержания здоровья ребенка и профилактики заболеваний.

¹ Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18, №. 4. С. 124.

² Латов Ю. В., Тихонова Н. Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19, №. 2. С. 6–27.

³ Grossman M. The human capital model // Handbook of health economics / Ed. by A. J. Culyer, J. P. Newhouse. Amsterdam: Elsevier, 2000. Vol. 1A. P. 347–408.

По общей динамике положительных ответов на вопросы об инвестициях в здоровье мы видим, что наиболее популярными мерами профилактики и поддержания здоровья ребенка являются правильное питание, соблюдение режима дня и прогулки на свежем воздухе (рис. 1). На протяжении всего периода наблюдений с 2010 по 2019 г. их соблюдали более 80% родителей.

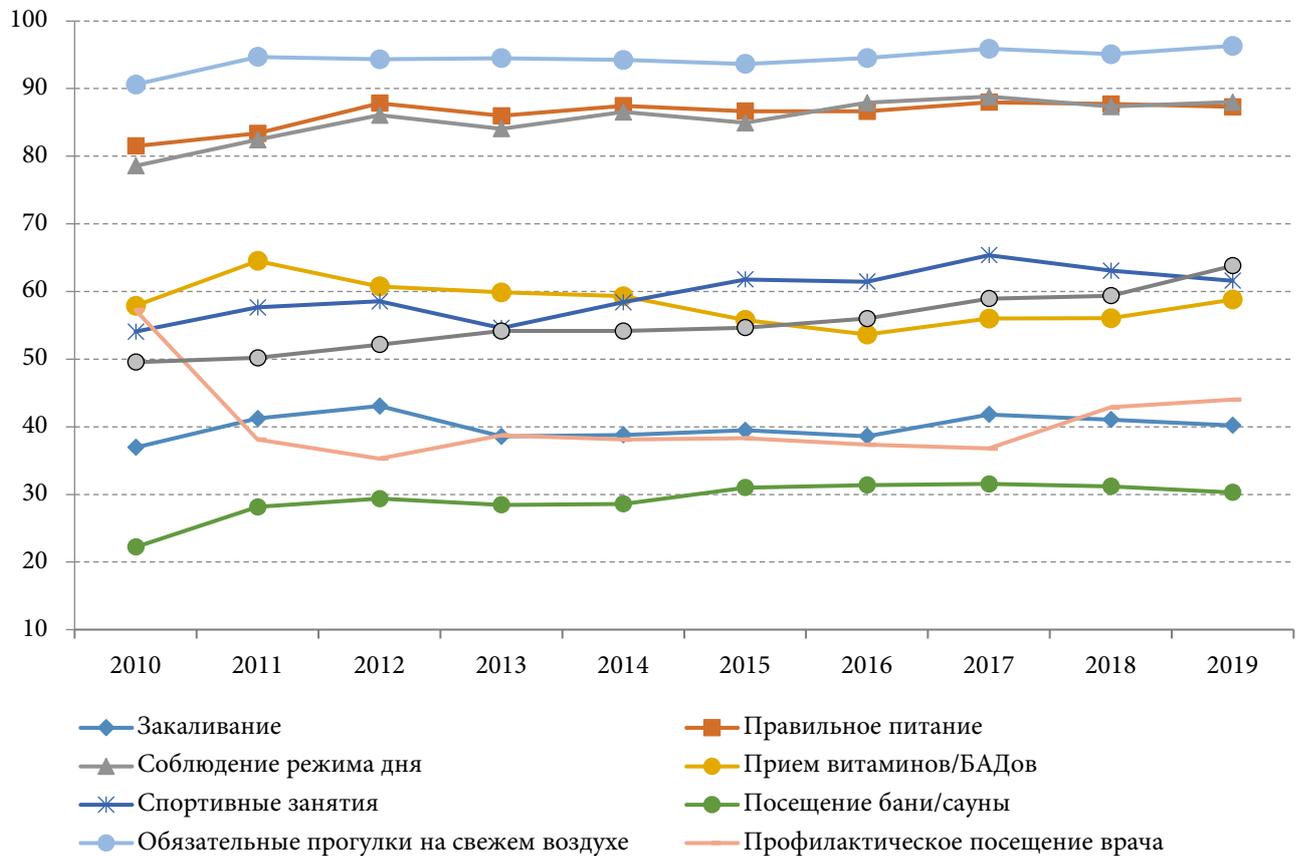

Рис. 1. Динамика доли положительных ответов на вопросы об инвестициях в здоровье, 2010–2019 гг., в %

Соблюдение режима дня ребенком и прогулки с ним на свежем воздухе являются наиболее понятными для родителей и относительно легко выполнимыми мерами, не требующими дополнительных вложений, и несмотря на очевидную сложность обеспечения правильного питания, подавляющее большинство родителей утверждают, что соблюдают и эту меру. Чуть более половины детей занимаются спортом и принимают витамины и БАДы. Причем за последние три года исследования увеличилась доля детей, принимающих витамины, — значение этого показателя постепенно возвращается к пику 2011 г. Несколько снизилась доля детей, занимающихся спортом. Увеличилась доля тех, кто проводит меньше времени за просмотром телевизора или компьютерными и видеоиграми, но за весь период наблюдается восходящий тренд. Наименее популярные меры — это закаливание, профилактическое посещение врача и посещение бани или сауны. Менее чем для половины детей эти меры соблюдаются в последние восемь лет исследования. И если для посещения бани и закаливания наблюдается отрицательная динамика в последние два года, то доля детей, посетивших врача в целях профилактики, заметно увеличилась. Баня оказалась наименее популярным способом поддержания

здоровья, что может объясняться ее меньшей доступностью для родителей, а также опасениями родителей детей дошкольного возраста по поводу потенциального вреда бани для маленьких детей.

В разрезе по полу мы можем увидеть наличие различий в инвестициях в здоровье детей (табл. 1).

Таблица 1

Доля положительных ответов об инвестициях в здоровье, в разрезе по полу ребенка, 2010–2019 гг., в %

Инвестиция в здоровье	Пол	
	Мужской	Женский
Закаливание	42,7	37,4
Правильное питание	86,6	86,0
Прием витаминов / пищевых добавок	57,4	59,2
Соблюдение режима дня	85,5	85,6
Спортивные занятия	63,6	55,7
Посещение бани/сауны	29,9	28,7
Обязательные прогулки	94,6	94,3
Профилактическое посещение врача	40,6	39,4
Просмотр телевизора и видеоигры менее 1,5 часа в неделю	53,3	51,7

По сравнению с девочками, бóльшая доля мальчиков закаливается, занимается спортом, но бóльшая доля девочек употребляет витамины или пищевые добавки. Как подтверждают данные, мальчики чаще участвуют в спортивных активностях¹, а девочки более склонны к сидячему образу жизни.

Помимо общих различий по полу ребенка, также наблюдаются различия в инвестициях в здоровье между жителями городов и сел (табл. 2).

Таблица 2

Доля положительных ответов об инвестициях в здоровье, в разрезе по полу ребенка, в зависимости от типа населенного пункта, 2010–2019 гг., в %

Инвестиция в здоровье	Город		Село	
	Мужской	Женский	Мужской	Женский
Закаливание	43,4	37,8	41,4	36,6
Правильное питание	88,4	87,2	83,2	83,8
Прием витаминов / пищевых добавок	61,4	62,4	50,4	52,6
Соблюдение режима дня	87,3	86,1	82,3	84,6
Спортивные занятия	66,6	56,8	58,3	53,5
Посещение бани/сауны	24,6	22,6	39,5	41,1
Обязательные прогулки	95,5	94,9	93,0	93,0
Профилактическое посещение врача	40,7	39,9	40,3	38,4
Просмотр телевизора и видеоигры менее 1,5 часа в неделю	54,7	58,7	50,6	54,5

¹ Thomas J. R., Thomas K. T. Development of gender differences in physical activity // Quest. 1988. Vol. 40, No 3. P. 219–229.

Практически по всем типам инвестиций в здоровье сельские жители уступают городским. Особенно большое отставание наблюдается в области правильного питания, приема витаминов и спортивных занятий. В селе по сравнению с городом бóльшая доля девочек соблюдает режим дня, но остальные различия по полу сохраняются для разных типов населенных пунктов. Единственная профилактическая мера, которая больше распространена в сельских поселениях, это посещение бани. Почти в два раза больше детей посещают баню в селах, причем среди посещающих больше доля девочек, чем мальчиков, что также отличается от ситуации в городе. Несмотря на то, что для сельской местности такая мера, как профилактическое посещение врача, менее распространена¹, доли детей, которые посещали в профилактических целях врача за последние три месяца, сопоставимы для городов и сел.

Среди трех возрастных групп – дошкольники, учащиеся начальной школы и учащиеся средней школы – также различаются доли детей, совершающих позитивные инвестиции в здоровье (табл. 3).

Таблица 3

Доля положительных ответов об инвестициях в здоровье, в разрезе по возрастным группам, 2010–2019 гг., в %

Инвестиция в здоровье	Возраст		
	3–6 лет	7–10 лет	11–13 лет
Закаливание	42,3	39,7	36,8
Правильное питание	88,9	86,4	82,0
Прием витаминов / пищевых добавок	60,9	58,3	54,1
Соблюдение режима дня	89,6	85,9	78,4
Спортивные занятия	53,8	63,7	63,3
Посещение бани/сауны	27,4	30,3	30,8
Обязательные прогулки	96,3	94,2	91,8
Профилактическое посещение врача	38,6	42,9	37,9
Просмотр телевизора и видеоигры менее 1,5 часа в неделю	59,9	54,1	49,6

Нисходящий тренд – в зависимости от возраста ребенка – наблюдается для наиболее популярных инвестиций, таких как правильное питание, соблюдение режима дня и обязательные прогулки на свежем воздухе, что может быть связано с началом обучения детей в школе и уменьшением возможности поддерживать тот же уровень заботы об их здоровье, что и в дошкольном возрасте. С возрастом снижается также доля закаливающихся, принимающих витамины и тех, кто смотрит телевизор или играет в компьютерные игры менее полутора часов в неделю. С другой стороны, спортивные занятия и посещение бани становятся более распространенными в школьном возрасте, чем в дошкольном, что, в свою очередь, может объясняться недоступностью спортивных занятий для малышей в силу их возраста, а также опасений родителей о безопасности бани для ребенка раннего

¹ Current state of child health in rural America: how context shapes children's health / J. C. Probst, J. C. Barker, A. Enders, P. Gardiner // The Journal of Rural Health. 2018. Vol. 34. P. s3–s12.

дошкольного возраста. В зависимости от возраста ребенка нет определенного тренда для такой инвестиции, как посещение врача в профилактических целях. Эта мера наиболее распространена среди учащихся начальной школы (7–10 лет) и в наименьшей степени распространена среди учащихся средней школы (11–13 лет). То, что эта мера распространена больше среди младших школьников, может быть связано с повышенной заботой родителей о здоровье детей, которые с началом обучения в школе попадают в новую среду и становятся подвержены рискам заражения со стороны сверстников.

С помощью кластерного анализа мы выявили группы детей по типам инвестиций в здоровье. Всего в анализе использовано 24 382 наблюдения и выделено 5 кластеров. Информация о наполненности кластеров представлена в таблице 4.

Таблица 4

Наполненность кластеров, в %

Номер кластера	Доля
1	16,6
2	29,1
3	21,2
4	4,7
5	18,0

Рассмотрим характеристики кластеров по видам инвестиций, а также по социально-экономическим характеристикам родителей, составу семьи и характеристикам ребенка (табл. 5–7).

Таблица 5

Характеристики кластеров по профилю инвестиций в здоровье детей

Кластер	Просмотр ТВ и видео, видеоматериалы, часов в неделю	Закаливание	Правильное питание	Витамины / пищевые добавки	Соблюдение режима дня	Спортивные занятия	Посещение бани, сауны	Обязательные прогулки на свежем воздухе	Профилактическое посещение врача	Доля выборки, %
1	1,560	0,55	1,00	0,67	1,00	0,75	1,00	1,00	0,43	23,7
2	2,165	0,23	0,42	0,48	0,40	0,46	0,31	1,00	0,36	18,5
3	1,687	0,15	0,51	0,39	0,48	0,32	0,12	0,00	0,29	5,3
4	1,473	0,52	1,00	0,67	1,00	1,00	0,00	1,00	0,46	32,5
5	1,584	0,27	1,00	0,50	1,00	0,00	0,00	1,00	0,35	20,1
Всего	1,655	0,41	0,87	0,59	0,86	0,61	0,30	0,95	0,40	100

Примечание. По критерию ANOVA все различия значимы.

Таблица 6

Характеристики семьи и ребенка по кластерам, средние значения

Характеристики	Кластер 1 «Максималисты»	Кластер 2 «Пассивные»	Кластер 3 «Минималисты»	Кластер 4 «Спортсмены»	Кластер 5 «Умеренные»	Всего
Душевой доход, в руб.	18 316	18 354	18 759	21 816	18 649	19 546
Возраст ребенка, лет	7,75	8,24	8,76	7,63	6,93	7,69
Количество хронических заболеваний ребенка	0,11	0,16	0,18	0,12	0,15	0,14
Количество братьев и сестер	1,12	0,92	0,97	0,88	0,92	0,95
Занятия спортом, часов месяц						
Отец	1,85	1,14	1,22	2,22	1,18	1,68
Мать	1,1	0,63	0,81	1,07	0,55	0,88
Потребление алкоголя, грамм чистого алкоголя в месяц						
Отец	280,4	347,18	287,48	253,7	302,88	288,3
Мать	63,71	91,23	66,66	57,38	61,47	66,37
Курение, количество сигарет в день						
Отец	9,82	11,61	10,68	8,67	10,21	9,88
Мать	1,79	3,04	2,08	1,71	2,14	2,08

Таблица 7

Доли детей в кластерах по личным характеристикам и характеристикам семьи, в %

Характеристики	«Максималисты»	«Пассивные»	«Минималисты»	«Спортсмены»	«Умеренные»	Всего
Пол ребенка мужской	51,8	50,3	49,3	52,4	44,3	50,1
Профилактическое посещение врача за 3 мес.						
Отец	17,7	14,0	13,6	17,9	14,5	16,2
Мать	24,6	23,0	20,8	24,5	22,3	23,6
Образование матери						
Неполное среднее	12,9	14,8	15,4	7,0	11,8	11,2
Полное среднее	26,3	31,2	27,0	22,7	28,9	26,6
Среднее профессиональное	24,1	22,5	22,5	23,1	22,8	23,1
Высшее	36,7	31,5	35,1	47,2	36,5	39,1
Образование отца						
Неполное среднее	19,8	20,7	17,6	10,5	16,2	16,1

Продолжение таблицы 7

Характеристики	«Максималисты»	«Пассивные»	«Минималисты»	«Спортсмены»	«Умеренные»	Всего
Полное среднее	37,0	41,1	40,6	32,8	36,1	36,4
Среднее профессиональное	17,2	19,0	14,8	21,7	21,3	19,7
Высшее	26,0	19,3	26,9	34,9	26,4	27,8
Место жительства						
Москва, Санкт-Петербург	4,1	7,1	7,7	13,3	9,3	8,9
Областной центр	22,5	26,3	29,6	32,8	31,5	28,8
Город	25,5	32,2	23,9	28,8	29,0	28,4
ПГТ, село	48,0	34,4	38,8	25,0	30,2	33,9
Количество бабушек						
0	80,6	78,5	79,1	73,2	71,9	76,0
1	19,3	21,5	20,9	26,7	28,1	24,0
2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
Количество дедушек						
0	91,5	90,8	90,1	88,1	87,7	89,4
1	8,5	9,2	9,9	11,9	12,3	10,6
2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0

«Максималисты». 1-й кластер находится на втором месте по наполненности и включает 23,7% выборки. Кластер характеризуется соблюдением большинства мер профилактики, в том числе для него среднее значение по соблюдению таких мер, как прогулки, правильное питание, посещение бани и следование режиму дня является максимальным – 1. Длительность просмотра телевизора и компьютерных игр немного ниже среднего – 1,56 часа в неделю. Нет ярко выраженных негативных инвестиций в здоровье. В этом кластере средний возраст ребенка соответствует среднему возрасту по выборке. У детей в этом кластере больше, чем в среднем по выборке, братьев и сестер (в среднем 1,1 человека) и меньше хронических заболеваний. Около 52% этого кластера составляют мальчики. Этот кластер отличается умеренным стилем жизни родителей в отношении здоровья: и мать, и отец занимаются спортом в среднем несколько дольше среднего (1,1 и 1,9 часа в месяц соответственно), употребляют мало алкоголя (63,7 и 280,4 г в месяц), в среднем меньше курят сигареты (9,8 и 1,8 штуки в день). Матерей с высшим образованием имеют 36,7% детей в этом кластере, 37% детей имеют отцов с полным средним образованием. Средний душевой доход в этом кластере наименьший – 18 316 руб. в месяц. Почти половина детей в этом кластере проживают в ПГТ и селах, что противоречит данным многочисленных исследований здоровья детей в городах

и селах¹. Разница в здоровье между юными городскими и сельскими жителями особенно заметна в развивающихся странах. Дети в сельских местностях в развивающихся странах часто страдают от нездоровой диеты и избыточного веса, неадекватного доступа к медицинскому обслуживанию². В России для сел и малых городов характерна меньшая доступность платных услуг, в результате профиль их потребления для городских и сельских жителей сильно отличается³. Большое количество «максималистов», проживающих в сельской местности, частично может быть объяснено большой долей детей, которые ходят в баню, что было подтверждено описательными статистиками (табл. 2). Другое объяснение может заключаться в том, что респонденты, проживающие в сельской местности, могут иметь иные представления о том, что именно является полезным для ребенка и какие действия по поддержанию его здоровья считать правильными, в частности — что следует подразумевать под «правильным питанием». Хотя нельзя исключать и того, что в сельской местности проживают семьи с повышенным уровнем ответственности за здоровье ребенка.

«Пассивные». Во 2-й кластер входит 18,5% выборки и он демонстрирует скорее негативный профиль инвестиций в здоровье ребенка. Дети в этом кластере гуляют на свежем воздухе не реже, чем в среднем по выборке, но по остальным показателям картина хуже среднего. Дети больше времени проводят за просмотром телевизора и видео, компьютерными играми — в среднем 2,2 часа в неделю. В этом кластере средний возраст ребенка выше среднего по выборке — 8,3 года. Родители в этом кластере отличаются наиболее нездоровым образом жизни. Отцы занимаются спортом около часа в месяц, употребляют в среднем 347,2 грамма алкоголя в месяц и выкуривают 11,6 сигареты в день, что является самым высоким показателем по выборке. Матери также мало занимаются спортом — чуть больше получаса в месяц. В среднем матери употребляют 91,2 грамма алкоголя в месяц и выкуривают 3 сигареты в день, что также является наибольшим показателем среди всех кластеров. В этом кластере доля детей с родителями, имеющими полное среднее образование, выше среднего значения: 41% детей имеют отцов с полным средним образованием, треть детей имеют матерей со средним полным образованием и треть — матерей с высшим образованием. Треть детей этого кластера проживают в городах, не являющихся областными центрами, и треть проживают в ПГТ и селах.

«Минималисты». В 3-м кластере находится 5,3% выборки. Дети в этом кластере сравнительно редко совершают прогулки на свежем воздухе и профилактические визиты к врачу, но чаще, чем в среднем, посещают баню и закаливаются. Остальные показатели ниже, чем в среднем по выборке. В этом кластере самый высокий средний возраст (8,8 года) и самое высокое среднее значение числа хро-

¹ См., напр.: Current state of child health in rural America...

² Fox K., Heaton T. B. Child nutritional status by rural/urban residence: a cross-national analysis // The Journal of rural health. 2012. Vol. 28, No 4. P. 380–391.

³ Разнообразие и неравенство потребления в городах России // Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние: [монография] / М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2023. С. 174–206.

нических заболеваний (0,2). Большинство кластера составляют девочки (50,7%). Характеристики родителей в этом кластере близки к средним значениям по выборке. Исключение составляет количество сигарет, выкуренных отцами, – 10,7 штуки в день. В этом кластере наименьшая доля детей, чьи родители посещали врача в профилактических целях в последние 3 месяца (так делали отцы 13,6% детей и матери 20,8% детей). В этом кластере у 40,6% детей отцы имеют полное среднее образование. Большинство детей (38,8%) проживают в ПГТ и селах.

«Спортсмены». В 4-м кластере находится относительное большинство выборки – 32,5%. Кластер характеризуется соблюдением большинства мер профилактики и укрепления здоровья. Длительность просмотра телевизора и компьютерных игр в этом кластере наименьшая (1,5 часа в неделю). Среднее значение посещений бани равно 0. Большую часть этого кластера составляют мальчики (52,4%). Дети в этом кластере отличаются наименьшим количеством хронических заболеваний (0,1), а также небольшим количеством братьев и сестер (0,9). Этот кластер отличается от остальных большим размером среднего душевого дохода. В то время как в остальных кластерах доход находится на уровне чуть ниже среднего по выборке – около 19 500 руб., – в этом кластере он равняется 21 816 руб. Кроме того, большая доля детей этого кластера проживают в областных центрах, Москве или Санкт-Петербурге – по сравнению с остальными кластерами (46,1%). Родители в этом кластере ведут скорее здоровый образ жизни. Они сравнительно часто занимаются спортом (2,2 часа в месяц занимаются спортом отцы и 1,1 часа в месяц – матери). В среднем родители употребляют алкоголь в меньших количествах (отцы потребляют 253,7 грамма в месяц, матери – 57,38 грамма в месяц) и меньше курят (8,7 сигареты в день курят отцы и 1,7 сигареты в день – матери). У большей доли детей родители посещают врача в профилактических целях (у 17,9 % детей так делают отцы и у 24,5% детей – матери). У 47,2% детей матери имеют высшее образование, у 34,9% детей высшее образование имеют отцы. Еще у 21,7% детей отцы завершили обучение по программам среднего профессионального образования. В этом кластере большая доля детей имеют одну бабушку и одного дедушку (26,7 и 11,9% соответственно). Дети этого кластера имеют родителей с более высоким социально-экономическим статусом и инвестиции в здоровье детей здесь более весомые. Однако, вероятно, вследствие проживания в крупных городах у этих детей нет возможности посещать баню или сауну, из-за чего этот пункт инвестиций полностью отсутствует в кластере.

«Умеренные». В 5-м кластере находится 20,1% выборки. Кластер характеризуется наличием таких мер профилактики, как прогулки, соблюдение режима дня и правильное питание, однако в нем полностью отсутствуют такие меры, как спортивные занятия, посещение бань и саун, почти отсутствуют закаливание и профилактические посещения врача. Длительность просмотра телевизора немного ниже среднего по всей выборке (1,6 часа в неделю). В этом кластере 55,7% составляют девочки. Возраст детей наименьший и равен в среднем 6,9 года. Полное отсутствие спортивных занятий и посещений бани может быть связано с тем, что в кластере большее количество девочек, чем мальчиков, и родители девочек меньше вкладываются в их физическое развитие. Родители в этом кластере отличаются также умеренным стилем жизни в отношении здоровья. Отцы в среднем меньше занимаются спортом – 1,2 часа в месяц; они больше потребляют алкогольные на-

питки — 302,9 грамма в месяц, — занимая второе место по величине этого показателя среди всех кластеров, и выкуривают 10,2 сигареты в день, что также выше среднего. Матери при этом меньше всех по выборке занимаются спортом (0,6 часа в месяц), но в среднем меньше употребляют алкоголь (61,5 грамма в месяц) и выкуривают 2,1 сигареты в день. Отцы 14,5% детей и матери 22,3% детей в этом кластере посещали в профилактических целях врача, что близко к средним показателям по выборке. Больше трети детей имеют матерей с высшим образованием (36,5%), 26,4% детей имеют отцов с высшим образованием. Примерно равные доли детей проживают в областном центре или обычном городе (31,5 и 29% соответственно). Бабушки есть у 28,1% детей, дедушки — у 12,3% детей, что является наибольшим значением по выборке.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее распространенными инвестициями в здоровье детей являются правильное питание, прогулки на свежем воздухе и соблюдение режима дня, а наименее распространенными — закаливание, профилактическое посещение врача и посещение бани. Существуют гендерные различия в инвестициях в здоровье: среди мальчиков более распространены спортивные занятия и закаливания, среди девочек — прием витаминов. Также обнаружены различия между разными возрастными группами. С увеличением возраста объем инвестиций сокращается: снижается доля детей, которые соблюдают режим дня, правильно питаются, принимают витамины и закаливаются. Для дошкольников менее распространены спортивные занятия и посещения бани, что, скорее всего, объясняется возрастными ограничениями для малышей в отношении этих видов деятельности. В городской и сельской местности по-разному инвестируют в здоровье детей. Для сельских жителей менее характерно правильное питание, соблюдение режима дня, закаливание и прием витаминов, однако, большая доля детей в селах посещают баню. Было выделено 5 профилей инвестиций в здоровье детей, варьирующихся по объему и качеству инвестиций. Наиболее здоровыми (то есть с преобладанием позитивных инвестиций и минимизацией негативных) можно считать кластеры «Максималистов» и «Спортсменов». Мальчики, дети младшего возраста и дети с меньшим количеством заболеваний оказались в кластерах с более позитивным профилем инвестиций в здоровье. В кластерах с более позитивным профилем для детей характерно иметь более высокий душевой доход в семье, родителей с высоким уровнем образования, а также родителей, ведущих более здоровый образ жизни. Был обнаружен кластер с позитивным профилем инвестиций, в котором большинство детей проживают в селах, что противоречит предыдущим эмпирическим исследованиям.

Список литературы

Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18, №. 4. С. 120–156. DOI: [10.17323/1726-3247-2017-4-120-156](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156). EDN: [NRBCPB](https://www.edn.ru/entry/1726-3247-2017-4-120-156).

Детский спорт: возможности и барьеры // ВЦИОМ: [сайт]. 23.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-sport-vozmozhnosti-i-barery> (дата обращения: 20.05.2024).

Латов Ю. В., Тихонова Н. Е. Новое общество—новый ресурс—новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19, №. 2. С. 6–27.

Разнообразии и неравенство потребления в городах России // Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние: [монография] / М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2023. С. 174–206.

Barker D. J. P. The developmental origins of adult disease // Journal of the American College of Nutrition. 2004. Vol. 23, No 6. P. 588S–595S.

Billari F. C. The analysis of early life courses: complex descriptions of the transition to adulthood // Journal of population research. 2001. Vol. 18, No 2. P. 119–142.

Current state of child health in rural America: how context shapes children’s health / J. C. Probst, J. C. Barker, A. Enders, P. Gardiner // The Journal of Rural Health. 2018. Vol. 34. P. s3–s12.

Grossman M. The human capital model // Handbook of health economics / Ed. by A. J. Culyer, J. P. Newhouse. Amsterdam: Elsevier, 2000. Vol. 1A. P. 347–408. DOI: [10.1016/S1574-0064\(00\)80166-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0064(00)80166-3).

Fox K., Heaton T. B. Child nutritional status by rural/urban residence: a cross-national analysis // The Journal of rural health. 2012. Vol. 28, No 4. P. 380–391.

Noncommunicable diseases country profiles 2018 // WHO/IRIS: [сайт]. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/274512> (дата обращения: 11.04.2024).

Odintsova E. V., Chashchina T. V., Mochalov D. A. Features of the standard of living and labor situation in households with children and without them // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2023. Vol. 16 (5). P. 155–171. DOI: [10.15838/esc.2023.5.89.9](https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9). EDN: [YEQLZL](https://edn.ras.ru/entry/YEQLZL).

Thomas J. R., Thomas K. T. Development of gender differences in physical activity // Quest. 1988. Vol. 40, No 3. P. 219–229.

Tobacco, alcohol and diet as mortality risk factors: the secondary analysis of the 25-year cohort study / A. Egorova, B. Idrisov, R. Redman [et al.] // Journal of health research. 2023. Vol. 38, No 1. P. 69–76. DOI: [10.56808/2586-940x.1062](https://doi.org/10.56808/2586-940x.1062). EDN: [ZMNVWQ](https://edn.ras.ru/entry/ZMNVWQ).

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.5

INVESTMENTS IN CHILDREN’S HEALTH

Roshchina Ya.M., Konyusheva A.D.

Abstract. In this study, we use data from the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS HSE) for the period between 2010 and 2019 to analyze how families invest in the health of their children aged 3 to 13. As the data show, the majority of families invest in their children’s health by providing healthy food, encouraging outdoor activities, and maintaining daily routines. Cold exposure training, visits to a Russian sauna, and regular medical checkups are far less common. The choice of a specific investment strategy is contingent upon the age and gender of the child. Older children are less likely to adhere to daily routines, maintain healthy diet, take vitamins, or undergo cold exposure training. However, they engage in more physical activity and go to the sauna more often, which may be attributed to age-related restrictions on these activities. The data indicate that boys are more

likely to exercise and undergo cold exposure training, while girls are more likely to take vitamins. Urban households invest more in children's health compared to rural households. Children residing in urban households are more likely to eat healthily, take vitamins and exercise, whereas children in rural areas are more likely to go to the sauna. While regular medical checkups are more prevalent in urban areas, the difference between urban and rural households is minimal. Cluster analysis showed that families are more likely to invest in children's health if they have sons, a greater number of children than the average in the sample, or children without chronic illnesses. These households represent 56.2% of our sample. Parents in these households have a moderate lifestyle (they do not engage in frequent exercise very often, but do not abuse alcohol or cigarettes either) or a healthy lifestyle. The majority of households with parents who adhere to a moderate lifestyle are rural, while those with parents who live a healthy lifestyle are located in regional urban centers and capitals (Moscow, St. Petersburg) with per capita income slightly above the sample average. Families are less likely to invest in children's health if they have daughters, older children (ages 8 or 9), or children with chronic diseases. This category represents 23.5% of the sample. Parents in these households have an unhealthy or moderate lifestyle, and the majority of such households are located rural areas and small towns, rather than major urban centers.

Keywords: The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS HSE), investments in health, children's health, children's well-being, urban-rural divide, rural well-being

References

Anikin V. A. Chelovecheskiy kapital: stanovleniye kontseptsii i osnovnyye traktovki // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2017. T. 18, №. 4. S. 120–156. DOI: [10.17323/1726-3247-2017-4-120-156](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156). EDN: NRBCPB.

Detskiy sport: vozmozhnosti i bar'yery // VTsIOM: [sayt]. 23.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-sport-vozmozhnosti-i-barery> (data obrashcheniya: 20.05.2024).

Latov Yu. V., Tikhonova N. E. Novoye obshchestvo—novyy resurs—novyy klass? (K 60-letiyu teorii chelovecheskogo kapitala) // *Terra Economicus*. 2021. T. 19, №. 2. S. 6–27.

Raznoobraziye i neravenstvo potrebleniya v gorodakh Rossii // *Gorodskiye miry Rossii i Kitaya: modernizatsiya i eye vliyaniye: [monografiya]* / M. K. Gorshkov, Li Peylin', P. M. Kozyreva [i dr.]; otv. red. M. K. Gorshkov, Li Peylin', P. M. Kozyreva, M. F. Chernysh; FNISTs RAN. M.: Novyy Khronograf, 2023. S. 174–206.

Barker D. J. P. The developmental origins of adult disease // *Journal of the American College of Nutrition*. 2004. Vol. 23, No 6. P. 588S–595S.

Billari F. C. The analysis of early life courses: complex descriptions of the transition to adulthood // *Journal of population research*. 2001. Vol. 18, No 2. P. 119–142.

Current state of child health in rural America: how context shapes children's health / J. C. Probst, J. C. Barker, A. Enders, P. Gardiner // *The Journal of Rural Health*. 2018. Vol. 34. P. s3–s12.

Grossman M. The human capital model // *Handbook of health economics* / Ed. by A. J. Culyer, J. P. Newhouse. Amsterdam: Elsevier, 2000. Vol. 1A. P. 347–408. DOI: [10.1016/S1574-0064\(00\)80166-3](https://doi.org/10.1016/S1574-0064(00)80166-3).

Fox K., Heaton T. B. Child nutritional status by rural/urban residence: a cross-national analysis // *The Journal of rural health*. 2012. Vol. 28, No 4. P. 380–391.

Noncommunicable diseases country profiles 2018 // WHO/IRIS: [сайт]. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/274512> (дата обращения: 11.04.2024).

Odintsova E. V., Chashchina T. V., Mochalov D. A. Features of the standard of living and labor situation in households with children and without them // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023. Vol. 16 (5). P. 155–171. DOI: [10.15838/esc.2023.5.89.9](https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9). EDN: YEQLZL.

Thomas J. R., Thomas K. T. Development of gender differences in physical activity // *Quest*. 1988. Vol. 40, No 3. P. 219–229.

Tobacco, alcohol and diet as mortality risk factors: the secondary analysis of the 25-year cohort study / A. Egorova, B. Idrisov, R. Redman [et al.] // *Journal of health research*. 2023. Vol. 38, No 1. P. 69–76. DOI: [10.56808/2586-940x.1062](https://doi.org/10.56808/2586-940x.1062). EDN: ZMNVWQ.

Рощина Я. М., Хазанович А. О.

УЧАСТИЕ РОССИЯН В ВИДЕОИГРАХ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ОБРАЗОМ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕМ

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.6

Аннотация. В статье на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) рассматривается место, которое видеоигры занимают в повседневной жизни россиян, а также влияние видеоигр на образ жизни и здоровье респондентов. Мы используем данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые охватывают период с 2019 по 2022 г., т. е. мы имеем возможность оценить вовлеченность россиян в видеоигры накануне, в разгар и после пандемии коронавируса. В разгар пандемии зафиксирован самый высокий уровень вовлеченности в видеоигры. Так, если в 2019 г. в видеоигры играли 27,8% респондентов старше 14 лет, то в 2021 г. доля таких респондентов увеличилась до 32%, а в 2022 г., напротив, снизилась до 25,4%, оказавшись ниже допандемийного уровня. Снижение доли игроков произошло за счет уменьшения вовлеченности в видеоигры респондентов младших возрастов (14–24 лет). Доля играющих респондентов, напротив, неуклонно увеличивалась на протяжении 2019–2022 гг. в старших возрастных группах. Тем не менее в 2022 г. 60% всех игроков составляли люди в возрасте от 14 до 39 лет. Несмотря на то, что уровень вовлеченности в целом снизился, играющие респонденты стали больше времени проводить за видеоиграми. Доля тех, кто играет каждый день по несколько часов в день, увеличилась с 17,2% в 2019 г. до 20,6% в 2022 г. Доля играющих респондентов, так же, как и доля активных игроков, выше среднего среди молодежи, мужчин, лиц, не состоящих в браке, жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Самооценка здоровья у игроков в среднем лучше, чем у неиграющих респондентов, что может быть связано с более молодым возрастом группы игроков. Однако чем чаще респондент играет в видеоигры, тем хуже он/она оценивает свое здоровье. Слабая, но статистически значимая взаимосвязь наблюдается между временем, проводимым за видеоиграми, и наличием таких психологических проблем, как нервозность, приступы агрессии, периодическая депрессия. Активные игроки, проводящие за видеоиграми несколько часов каждый день, чаще чувствуют себя одинокими, чем те, кто играет в видеоигры реже, однако этот показатель почти не отличается у активных игроков и неиграющих респондентов. Активные игроки чаще вовлечены в различные досуговые активности, но те, кто играет реже, чаще

общаются с друзьями и родственниками лично или дистанционно (по телефону или онлайн). Игроки в целом чувствуют себя более счастливыми, чем неиграющие респонденты, при этом самая высокая доля счастливых людей наблюдается среди активных игроков.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, видеоигры, здоровье, психологическое здоровье, досуг, образ жизни, одиночество, счастье

Цифровизация в современном мире определяет повседневные практики все большего числа людей. Многие уже не способны отказаться от гаджетов в рамках выполнения ежедневных задач. Видеоигры являются лишь одной из тех практик, которая незаметно интегрировалась в жизни людей и превратилась в аддиктивный тип блага. По своим функциям видеоигры используются людьми в различных целях: для социализации, досуга, даже для работы. Хотя многие люди все еще не серьезно относятся к этому явлению, видеоигры получают все большее распространение, в них вовлекается все большее число людей. Популярность видеоигр растет с ростом платформенного капитализма. Отметим, что понятия «видеоигра» и «компьютерная игра» (иногда — «электронная игра») часто употребляются как синонимы. Видеоигры основаны на использовании человеком электронных устройств, таких как телефон (смартфон), компьютер или телевизор с игровой приставкой. Организация игрового процесса происходит при помощи специальной программы, которая обеспечивает интеракцию с другими участниками игры либо сама выступает в качестве таких участников.

Участие в видеоиграх

Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) содержат информацию о вовлеченности респондентов в видеоигры в 2019–2022 гг. В обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ один из вопросов о видеоиграх задавался тем, кто пользовался интернетом за последний год, а именно: использовали ли они интернет для игр онлайн, просмотра или скачивания игр. Доля тех, кто ответил положительно, среди всего населения 14 лет и старше (включая не пользовавшихся интернетом) составила 19,8% в 2019 г., 24,8% в 2020 г., 27,3% в 2021 г. и 20,9% в 2022 г.

Однако в 2019, 2021 и 2022 гг. респондентам задавали и прямой вопрос: «Вы играли в последние 12 месяцев в любые игры при помощи электронных устройств?», и если респондент отвечал положительно, то следующий вопрос был: «Как часто Вы играете в такие игры?». Если учитывать всех респондентов в возрасте 14 лет и старше (даже тех, кто не пользуется электронными устройствами), то оказывается, что в видеоигры в 2019 г. играли 27,8% опрошенных, в 2021 г. — 32%, в 2022 г. — 25,4% (табл. 1). Таким образом, в играх участвуют не менее четверти россиян старше 14 лет. Доля играющих в видеоигры неуклонно снижается с воз-

растом, и если среди подростков 14–15 лет играли от двух третей до трех четвертей опрошенных в разные годы, то среди людей 65 лет и старше эта доля не превышала 9%.

Таблица 1

Доля россиян в возрасте 14 лет и старше, игравших в видеоигры, по возрастным группам, 2019, 2021, 2022 гг., в %

Возраст, лет	2019	2021	2022
14–15	74,6	72,6	66,7
16–19	64,4	67,1	55,4
20–24	55,4	60,8	50,4
25–29	47,2	53,8	40,4
30–34	40,8	49,3	34,6
35–39	37,7	43,7	32,4
40–44	30,6	37,6	28,3
45–49	25,0	31,5	23,5
50–54	19,6	27,7	21,3
55–59	18,7	22,5	17,8
60–64	14,0	17,7	14,9
> = 65	6,4	8,6	8,2
Всего	27,8	32,0	25,4

Доля играющих выросла между 2019 и 2021 гг. (возможно, вследствие пандемии и необходимости найти занятие дома), но в 2022 г. снизилась. При этом самое сильное снижение наблюдалось среди подростков (с 74,6% в 2019 г. до 66,7% в 2022 г.) и молодежи 16–19 лет (с 64,4 до 55,4%) и 20–24 лет (с 55,4 до 50,4%). Но если доля играющих в 2022 г. в более молодых возрастных группах оказалась ниже показателя 2019 г., то в группе лиц старше 50 лет она оказалась выше. В группе 50–54-летних доля игроков выросла между 2019 и 2022 гг. с 19,6 до 21,3%, в группе 65 лет и старше – с 6,4 до 8,2%. Тем не менее основными потребителями видеоигр остались молодежь и люди среднего возраста. В 2022 г. 60% всех игроков составили лица в возрасте от 14 до 39 лет.

Помимо возраста, на вероятность играть в видеоигры влияют и другие социально-экономические факторы (табл. 2).

Таблица 2

Доля россиян в возрасте 14 лет и старше, игравших в видеоигры,
по социально-экономическим характеристикам, 2019, 2021, 2022 гг., в %

Социально-экономические характеристики	2019	2021	2022
Пол			
Женщины	21,5	25,6	18,9
Мужчины	36,7	41	34,8
Брачный статус			
Не в браке	30,2	35,3	28,9
В браке (включая неформальный)	26,0	29,4	22,7
Самооценка здоровья			
Плохое или очень плохое	11,7	11,1	10,2
Среднее	25,0	27,6	23,2
Хорошее или и очень хорошее	37,3	44,4	33,4
Этническая принадлежность			
Русские, смешанные русские	28,7	31,4	25
Украинцы, белорусы, молдаване	18,7	22,8	24,1
Представители народов северного кавказа	8,8	33,5	7,1
Представители народов поволжья и севера	16,7	17,3	11,8
Татары, башкиры	24,3	37	26,3
Представители прочих европейских народов	20,9	20,3	19,1
Профессиональный статус			
Не работают	22,8	26,4	22,0
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	28,4	34,4	24,2
Специалисты высшего уровня квалификации	29,7	34,6	27,0
Специалисты среднего уровня квалификации	32,4	38	27,1
Квалифицированные рабочие	37,4	41,9	34,9
Неквалифицированные рабочие	31,7	33,6	26,0
Квintильная группа по душевому доходу			
1-Я (самые бедные)	27,9	32,0	23,2
2-Я	24,3	32,0	23,0
3-Я	25,3	32,0	21,6
4-Я	28,2	30,0	26,7
5-Я (самые богатые)	33,1	34,2	32,2
Место жительства			
Москва, Санкт-Петербург	37,0	40,1	36,0
Областной центр	29,7	33,6	28,3
Другой город	30,9	34,0	27,7
Пгт, село	20,3	26,2	17,2

Так, очевидно, что доля играющих выше: среди мужчин; среди тех, кто не состоит в браке; среди тех, у кого хорошее или очень хорошее здоровье; среди славян, татар и башкир; квалифицированных рабочих; самых обеспеченных; жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Некоторые из этих взаимосвязей могут быть опосредованы возрастом. Так, например, самые активные пользователи игр не состоят в браке и у них хорошее здоровье, потому что они еще молоды. По той же причине самая высокая доля играющих среди людей с неполным средним образованием, то есть школьников.

Частота видеоигр

Данные свидетельствуют, что большинство опрошенных играют как минимум 1–2 раза в неделю или каждый день, но не более часа (около 70%). Лишь менее 3% респондентов отметили, что они играют всего несколько раз в год. Доля играющих 1–2 раза в месяц упала с 10,9% в 2019 г. до 6,9% в 2022 г.; напротив, доля играющих каждый день по несколько часов выросла с 17,2 до 20,6% (табл. 3). Таким образом, хотя в целом доля играющих среди респондентов в 2022 г. снизилась, играющие стали проводить за видеоиграми большее количество времени.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как часто вы играете в игры при помощи электронных устройств?», среди играющих, по годам, вертикальный %

Варианты ответов	2019	2021	2022
Несколько раз в год или реже	2,5	2,1	1,7
1–2 раза в месяц	10,9	11,8	6,9
1–2 раза в неделю	34,7	34,1	33,0
Каждый день, но не более часа	34,7	35,9	37,8
Каждый день по несколько часов	17,2	16,1	20,6

В таблице 4 представлены данные, отражающие социально-экономические характеристики игроков.

Доля активных игроков, играющих каждый день по несколько часов и с некоторой вероятностью страдающих зависимостью от видеоигр, составляет в среднем 20,6%. При этом доля активных игроков значимо выше среди молодежи до 25 лет (27,2%), мужчин (24,3%), тех, кто не состоит в браке (25,3%), тех, у кого плохое здоровье (34,1%), тех, кто не работает (28%), принадлежит к нижнему квинтилю душевого дохода (27,6%), жителей Москвы и Санкт-Петербурга (25,9%).

Доля умеренных игроков, играющих каждый день, но не больше часа, в среднем составляет 37,8%. Доля таких игроков значимо выше среди людей в возрасте 41–60 лет (41,5%) и старше 61 года (45,5%), женщин (43,6%), украинцев, белорусов и молдаван (48,1%), татар и башкир (43,1%), не занятых (41,5%), людей со средним доходом (41,1%), жителей городов, не являющихся областными центрами (41,9%).

Таблица 4

Частота видеоигр, в зависимости от социально-экономических характеристик респондентов, 2022 г.,
в % от играющих

Социально-экономические характеристики	Частота видеоигр			
	1–2 раза в месяц и реже	1–2 раза в неделю	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов
Всего по выборке	8,6	33	37,8	20,6
Возраст, лет				
< = 25	5,3	28,0	39,5	27,2
26–40	13,0	39,2	29,4	18,5
41–60	8,7	33,0	41,5	16,8
61+	5,6	30,7	45,5	18,2
Пол				
Женщины	8,3	32,3	43,6	15,8
Мужчины	8,8	33,6	33,2	24,3
Брачный статус				
Не в браке	5,5	30,0	39,1	25,3
В браке (включая неформальный)	11,8	36,1	36,4	15,7
Самооценка здоровья				
Плохое или очень плохое	8,9	19,5	37,4	34,1
Среднее	9,2	33,5	37,2	20,1
Хорошее или и очень хорошее	8,0	34,2	37,9	19,9
Этническая принадлежность				
Русские, смешанные русские	8,5	33,7	37,0	20,7
Украинцы, белорусы, молдаване	11,1	29,6	48,1	11,1
Представители народов Северного Кавказа	6,7	40,0	36,7	16,7
Представители народов Поволжья и Севера	13,8	44,8	24,1	17,2
Татары, башкиры	13,7	25,5	43,1	17,6
Представители прочих европейских народов	12,5	25,0	40,6	21,9
Профессиональный статус				
Не работают	5,1	25,4	41,5	28,0
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	17,2	40,6	32,8	9,4
Специалисты высшего уровня квалификации	15,5	39,1	31,9	13,4
Специалисты среднего уровня квалификации	10,5	37,2	37,2	15,2
Квалифицированные рабочие	10,7	42,7	32,7	13,9
Неквалифицированные рабочие	5,3	33	39,4	22,3
Квintильная группа по душевому доходу				
1-я (самые бедные)	7	30,1	35,3	27,6
2-я	8,8	33,3	39,1	18,8
3-я	6,3	32,4	41,1	20,1
4-я	9,9	35,3	37,4	17,3
5-я (самые богатые)	9,8	33,1	36,3	20,7
Место жительства				
Москва, Санкт-Петербург	8,3	37,5	28,3	25,9
Областной центр	8,6	31,4	38,7	21,4
Другой город	6,1	32,7	41,9	19,3
ПГТ, село	12,1	32,6	38,3	17,0

Наконец, 33% игроков играют 1–2 раза в неделю, хотя мы и не знаем, сколько часов в день. Их значимо больше среди людей в возрасте 26–40 лет (39,2%), лиц, состоящих в браке (36,1%), народов Северного Кавказа (40%) и Поволжья и Севера (44,8%), крупных чиновников и руководителей (40,6%), специалистов высшего уровня (39,1%) и квалифицированных рабочих (42,7%).

Те, кто играют 1–2 раза в месяц и реже, составляют 8,6% всех игроков. Их доля выше среди людей среднего возраста (13%), лиц, состоящих в браке (11,8%), людей всех профессиональных статусов, кроме незанятых и неквалифицированных рабочих, жителей села (12,1%).

Предпочитаемые виды игр

В 2022 г. респондентов впервые спросили, какие именно видеоигры они предпочитают (табл. 5).

Таблица 5

Предпочитаемые виды игр среди играющих, по возрастным группам, 2022 г., вертикальный %

Виды игр	Возраст, лет				Всего
	< = 25	26–40	41–60	61+	
Боевики (action) – стрелялки, аркады и т. д.	43,8	39,2	21,5	7,2	31,8
Приключенческие игры (adventure)	27,1	19,3	7,3	4,6	16,6
Песочница (конструктор)	9,1	7,4	5,4	6,5	7,2
Ролевые игры	11,7	7,8	3,0	2,0	6,9
Гонки	29,3	21,5	11,5	5,9	19,2
Игры на выживание	16,9	15,0	5,1	1,3	11,2
Стратегические игры	28,7	25,9	13,6	7,8	21,2
Головоломки, логические, паззлы, кроссворды и т. д.	37,8	42,4	59,3	67,8	48,7
Пасьянсы	11,7	19,6	29,2	48,9	23,4
Симуляторы вождения самолета, автомобиля и т. д.	14,9	9,7	5,1	2,0	9,1
Шахматы, шашки и т. п. игры	7,8	6,6	5,5	12,7	7,4
Спортивные игры: футбол, гольф и т. д.	12,0	10,2	5,8	2,0	8,6
Азартные игры: карты, рулетка и т. д.	7,0	7,8	8,7	9,8	8,1
Образовательные игры	14,0	6,5	4,8	8,1	8,5
Текстовые игры	9,5	5,8	6,9	6,8	7,4

Почти половина игроков предпочитают головоломки, логические игры, паззлы, кроссворды и т. д.; чуть менее трети – стрелялки, аркады и т. д.; пятая часть – стратегические игры и почти столько же – гонки; 16,6% выбирают приключенческие игры, а 11,2% – игры на выживание. Доля выбравших остальные виды не превышает 10%. Молодежь до 25 лет является наиболее активными потребителями всех видов игр, кроме головоломок, логических игр, пазлов, кроссвордов и пасьянсов (и те, и другие предпочитают люди старше 40 лет), шахмат, шашек и азартных игр (в них чаще остальных играют люди старше 60 лет).

Самые активные игроки в первую очередь предпочитают боевики (50,4%), приключенческие игры (26,7%), стратегические игры (31,7%) и гонки (24,6%), хотя и по некоторым другим видам игр доля играющих в них выше (табл. 6). Но именно эти игры требуют большого количества времени за один сеанс.

Таблица 6

Предпочитаемые виды игр среди играющих, по частоте видеоигр, 2022 г., вертикальный %

Виды игр	Частота видеоигр			Всего
	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Боевики (action) – стрелялки, аркады и т. д.	30,1	23,5	50,4	31,8
Приключенческие игры (adventure)	14,2	13,5	26,7	16,5
Песочница (конструктор)	4,9	7,3	11,5	7,2
Ролевые игры	5,6	5,5	12,0	6,9
Гонки	18,3	16,9	24,6	19,1
Игры на выживание	10,8	7,6	18,7	11,2
Стратегические игры	20,5	16,3	31,7	21,2
Головоломки, логические, паззлы, кроссворды и т. д.	48,2	53,0	43,1	49,0
Пасьянсы	23,5	27,2	16,6	23,5
Симуляторы вождения самолета, автомобиля и т. д.	10,1	7,6	9,5	9,0
Шахматы, шашки и т. п. игры	7,1	6,9	9,4	7,5
Спортивные игры: футбол, гольф и т. д.	7,9	10,1	6,9	8,5
Азартные игры: карты, рулетка и т. д.	8,4	6,1	10,7	8,0
Образовательные игры	9,5	8,8	6,1	8,6
Текстовые игры	6,2	9,2	6,5	7,4

Умеренные игроки (каждый день, но не более часа) – это в первую очередь любители головоломок (53%) и пасьянсов (27,2%). Те, кто играют 1–2 раза в неделю и реже, также больше всего любят головоломки и пасьянсы, но среди них выше, чем в среднем, доля любителей образовательных игр (9,5%).

Взаимосвязь частоты видеоигр и показателей здоровья

Если анализировать взаимосвязь частоты видеоигр и показателей здоровья, то наблюдается однозначная тенденция ухудшения показателей ментального здоровья с ростом вовлеченности в видеоигры (табл. 7).

Таблица 7

Взаимосвязь частоты участия в видеоиграх и здоровья (включая ментальное), 2022 г., в %

Характеристики здоровья	Частота видеоигр				Всего
	Не играет	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Самооценка здоровья					
Плохое или очень плохое	14,6	3,3	4,8	8,0	12,1
Среднее	51,8	46,9	45,4	44,7	50,3
Хорошее или очень хорошее	33,6	49,8	49,7	47,3	37,6
Наличие ментальных проблем					
Нервозность	14,0	15,5	11,6	17,2	14,1
Тревога	18,0	15,1	14,2	12,9	17,0
Приступы агрессии	8,5	11,2	11,1	15,5	9,4
Бессонница	16,9	8,5	8,0	10,6	14,8
Ослабление памяти	21,6	11,1	12,6	14,8	19,3
Периодическая депрессия	7,8	7,0	6,7	9,8	7,7
Другие психические расстройства	0,7	1,0	1,3	1,4	0,8
Наличие хронических заболеваний позвоночника	18,5	13,0	12,9	11,5	17,0
Проблемы со зрением, необходимо использование очков	55,8	31,8	36,8	34,2	50,4

Если же говорить о совокупной оценке здоровья, то игроки чаще оценивают свое здоровье как хорошее по сравнению с неиграющими людьми (33,6% против 47,3%). Для людей, не играющих в видеоигры, более характерно считать свое здоровье средним. Конечно, нужно учитывать, что геймеры – это преимущественно люди молодого и среднего возраста. В этом отношении показательно, что если среди людей, играющих в игры не чаще 1–2 раз в неделю, 3,3% оценивают свое здоровье как плохое, то среди активных игроков таких уже 8%. В зависимости от степени вовлеченности в видеоигры геймерам на 15–20% реже, чем неиграющим респондентам, нужны очки. Доля игроков, использующих очки, выше среди тех, кто играет каждый день, но не более часа, чем среди играющих по несколько часов в день. Для геймеров в меньшей степени, чем для неиграющих респондентов, характерны хронические заболевания позвоночника. Доля лиц с хроническими заболеваниями позвоночника ниже всего среди самых активных игроков (11,5%).

Если говорить о ментальном здоровье, то показатели здоровья игроков в основном ниже, чем у неиграющих людей. Почти во всех случаях (кроме тревоги и ослабления памяти) доля респондентов, отмечающих у себя ту или иную проблему, выше среди игроков, чем среди неиграющих. Чаще всего проблемы с ментальным здоровьем признают самые активные игроки. По сравнению с неиграющими респондентами те, кто играют каждый день по несколько часов, чаще говорят о нервозности (14% против 17,2%), приступах агрессии (8,5% против 15,5%), периодических приступах депрессии (7,8% против 9,8%). Таким образом, если с точки зрения общей самооценки здоровья геймеры представляются более здоровыми людьми, чем в среднем, показатели ментального здоровья у игроков в среднем хуже и ухудшаются по мере увеличения частоты видеоигр.

В таблице 8 представлены коэффициенты корреляции показателей ментального здоровья и частоты участия в видеоиграх.

Таблица 8

Коэффициенты корреляции Спирмена частоты видеоигр и показателей здоровья, 2022 г.

Проблемы со здоровьем	Частота видеоигр
Нервозность	0,0508*
Чувство тревоги	0,0200
Приступы агрессии	0,0688*
Бессонница	0,0100
Ослабление памяти	0,0000
Периодическая депрессия	0,0379*
Психические расстройства	0,0347*
Самооценка здоровья	-0,0419*
Заболевания позвоночника	-0,0100
Проблемы со зрением, необходимо использование очков	-0,0792*

Примечание. Индикатор статистической значимости при p-value менее 0,05.

Как свидетельствуют результаты корреляционного анализа методом Спирмена, такие показатели, как нервозность, приступы агрессии, периодическая депрессия, имеют слабую, но статистически значимую взаимосвязь с частотой видеоигр. Таким образом, мы можем говорить о том, что с ростом вовлеченности в видеоигры ментальное здоровье респондентов хотя и незначительно, но ухудшается. Напротив, использование очков и самооценка здоровья имеют с частотой видеоигр отрицательную статистически значимую взаимосвязь, то есть чем активнее респондент играет, тем с меньшей вероятностью он/она использует очки и при этом хуже оценивает состояние своего здоровья, чем люди, проводящие за видеоиграми меньше времени.

Взаимосвязь частоты видеоигр и здорового образа жизни

В таблице 9 представлены данные, характеризующие взаимосвязь частоты участия в видеоиграх и показателей здорового образа жизни.

Таблица 9

Взаимосвязь частоты участия в видеоиграх и здорового образа жизни, 2022 г., в %

Характеристики образа жизни	Частота видеоигр				Всего
	Не играет	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Курение	20,2	33,7	31,7	35,1	23,5
Употребление алкоголя	52,8	69,5	62,6	59,8	55,8
Следование диете в текущем году	8,4	9,4	7,9	8,8	8,5
Прием витаминов в текущем месяце	19,9	22,8	23,0	18,7	20,5
Занятия спортом	14,6	31,0	28,9	31,7	18,6
Продолжительность сна, часов	7,8	7,6	7,7	7,8	7,8

Как свидетельствуют данные, с увеличением частоты видеоигр возрастает вероятность того, что игрок курит или потребляет алкоголь. Так, доля курильщиков среди неиграющих респондентов составляет 20,2%, среди играющих 1–2 раза в неделю и реже – 33,1%, среди играющих каждый день по несколько часов – 35,1%. По сравнению с неиграющими респондентами те, кто играет редко, потребляют алкоголь значительно чаще (52,8% против 69,5%). Однако доля потребителей алкоголя снижается по мере увеличения частоты видеоигр. Среди геймеров реже всего потребляют алкоголь наиболее активные игроки (59,8%). Мы полагаем, что это связано, прежде всего, с молодым возрастом активных геймеров. Диеты чаще всего придерживаются респонденты, играющие в видеоигры 1–2 раза в неделю и реже. Активные игроки наименее склонны принимать витамины на фоне тех, кто играет реже или вообще не играет. Доля тех, кто занимается спортом, намного ниже среди неиграющих респондентов по сравнению с геймерами, что также, вероятно, связано с возрастом.

Корреляционный анализ Спирмена подтверждает, что существует слабая, но статистически значимая положительная взаимосвязь между частотой видеоигр, курением и употреблением алкоголя (табл. 10). То есть для людей, играющих в видеоигры, более характерно курить и пить алкоголь.

Таблица 10

Коэффициенты корреляции Спирмена частоты участия в видеоиграх с переменными здорового образа жизни, 2022 г.

Характеристики образа жизни	Частота участия в видеоиграх
Курение	0,1665*
Употребление алкоголя	0,1680*
Следование диете в текущем году	-0,0234
Прием витаминов в текущем месяце	0,0020
Занятия спортом	-0,0900
Продолжительность сна, часов	0,6100**

Примечание. Индикатор статистической значимости при p-value менее 0,05.

Продолжительность сна у геймеров положительно связана с частотой видеоигр, что кажется контринтуитивным, но, вероятно, также имеет отношение к снижению среднего возраста по мере увеличения часов, проводимых за видеоиграми. В целом можно сказать, что частота видеоигр имеет отрицательную взаимосвязь со здоровым образом жизни.

Взаимосвязь частоты видеоигр и удовлетворенности работой и жизнью

Как видно из данных, представленных в таблице 11, по показателям удовлетворенности работой и жизнью практически нет разницы между играющими и неиграющими респондентами.

Таблица 11

Взаимосвязь частоты видеоигр и удовлетворенности работой и жизнью, 2022 г.

Показатели удовлетворенности	Частота видеоигр			
	Не играет в видеоигры	1–2 раза в неделю	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов
Удовлетворенность работой в целом (для занятых)	2,1	2,1	2,1	2,2
Удовлетворенность оплатой труда (для занятых)	2,8	2,8	2,8	2,8
Страх потерять работу (для занятых)	2,5	2,5	2,5	2,6
Удовлетворенность материальным положением	3,4	3,4	3,2	3,3
Удовлетворенность жизнью	2,5	2,4	2,4	2,4

Примечание. Показатели среднего значения удовлетворенности жизнью и работой даны по пятибалльной шкале.

Слабая, но значимая отрицательная корреляция найдена только между частотой видеоигр и удовлетворенностью жизнью и материальным положением, то есть для тех респондентов, которые часто играют в игры, характерно иметь более низкие показатели удовлетворенности жизнью и материальным положением (табл. 12).

Таблица 12

Коэффициенты корреляции Спирмена частоты участия в видеоиграх с переменными удовлетворенности работой и жизнью, 2022 г.

Показатели удовлетворенности	Частота видеоигр
Удовлетворенность работой в целом (для занятых)	0,0243
Удовлетворенность оплатой труда (для занятых)	-0,0008
Страх потерять работу (для занятых)	0,0236
Удовлетворенность материальным положением	-0,0267*
Удовлетворенность жизнью	-0,0355*

Примечание. Индикатор статистической значимости при p-value менее 0,05.

Мы можем также оценить взаимосвязь частоты участия в играх с чувством счастья и одиночества, используя данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2021 г. В этом году респондентам задавали следующие вопросы: «Вы испытываете чувство одиночества?» (1 – практически всегда, 4 – практически никогда); «Скажите, пожалуйста, Вы счастливы?» (1 – очень счастлив, 5 – совсем не счастлив). Корреляционный анализ методом Спирмена показывает, что есть значимая взаимосвязь между частотой видеоигр, одиночеством и счастьем. Чем чаще респондент играет в видеоигры, тем чаще он одинок, однако чем чаще он/она играет, тем более счастливым/счастливой себя чувствует. Впрочем, нельзя сказать, что эти взаимосвязи четко прослеживаются в данных, сведенных в таблицы 13 и 14. Как видно из таблицы 13, самая высокая доля тех, кто практически никогда не испытывает чувства одиночества, обнаруживается среди тех, кто играет 1–2 раза в неделю и реже, а самая низкая – среди неиграющих респондентов.

Таблица 13

Взаимосвязь частоты видеоигр и чувства одиночества, 2021 г., вертикальный %

Испытывают чувство одиночества	Частота видеоигр				Всего
	Не играют или не пользуются гаджетами	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Практически никогда	57,2	65,9	60,2	59,1	59,0
Редко	31,5	28,6	34,7	31,2	31,4
Часто	9,4	5,0	4,3	7,8	8,1
Практически всегда	1,8	0,5	0,8	1,9	1,5

Геймеры счастливее тех, кто совсем не играет, а самые счастливые среди геймеров – те, кто играет каждый день (табл. 14).

Таблица 14

Взаимосвязь частоты видеоигр и чувства счастья, 2021 г., вертикальный %

Насколько счастливыми себя считают	Частота видеоигр				Всего
	Не играют или не пользуются гаджетами	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Совсем несчастливы	1,8	0,8	0,3	1,0	1,4
Не очень счастливы	14,2	7,1	6,6	9,1	12,0
Скорее счастливы, чем не счастливы	39,4	37,1	35,6	34,3	38,3
Довольно счастливы	37,1	45,5	41,9	41,9	39,2
Очень счастливы	7,5	9,5	15,7	13,8	9,0

Взаимосвязь частоты видеоигр и других видов досуга

В том же 2021 г. респондентам в рамках обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ задавались вопросы, касающиеся разных видов досуга (за исключением отпуска). В таблице 15 представлены распределения ответов о досуговых занятиях в зависимости от частоты видеоигр, причем частота всех видов досуговых занятий была приведена к формату «количество раз в месяц», и на этом основании было рассчитано среднее для разных групп играющих.

Таблица 15

Средняя частота досуговых занятий в зависимости от частоты видеоигр, 2021 г., раз в месяц

Досуговые занятия	Частота видеоигр				Всего
	Не играют или не пользуются гаджетами	1–2 раза в неделю и реже	Каждый день, но не более часа	Каждый день по несколько часов	
Посещение театров, кинотеатров, концертов, музеев, спортивных мероприятий	0,1	0,3	0,3	0,3	0,2
Просмотр фильмов, спектаклей, музейных выставок и т. д. онлайн	1,5	3,2	3,1	4,2	2,1
Занятия спортом, физкультурой	1,9	3,5	3,3	3,9	2,4
Отдых на природе, прогулки, катание на велосипеде	6,1	7,3	7,5	8,8	6,6
Просмотр телевизора	23,7	20,7	23,7	22,6	23,2
Чтение книг, включая электронные, или прослушивание аудиокниг	6,0	8,0	7,8	8,8	6,6
Прослушивание музыки, просмотр видео	8,7	15,7	17,6	21,8	11,5
Игра на компьютере, другие активности в сети интернет	7,7	16,9	23,6	26,4	11,9
Работа на приусадебном садовом, огородном участке	6,4	3,8	4,5	4,7	5,7
Посещение кафе, ресторанов, баров, ночных клубов	0,4	0,8	0,9	1,1	0,5
Встречи с друзьями, родственниками	5,2	7,2	8,8	10,6	6,2
Прогулки по магазинам, торговым центрам	5,0	5,1	6,2	6,6	5,2
Творческие занятия	1,1	1,9	1,5	2,0	1,3
Игры и прогулки с детьми	5,7	7,8	7,2	5,8	6,2
Отдых без определенных занятий	9,0	7,8	7,8	12,4	8,8
Общение с друзьями очно	9,9	14,3	15,4	15,3	11,5
Общение с родственниками очно	17,5	20,1	21,3	20,5	18,5
Общение с друзьями онлайн и по телефону	13,0	17,4	19,7	20,9	14,9
Общение с родственниками онлайн и по телефону	19,7	22,0	23,1	21,5	20,6

Самые активные игроки чаще других (в том числе неиграющих респондентов) вовлечены во все виды досуга, за исключением работы на приусадебном участке, занятий с детьми и просмотра телевизора. Отчасти это связано с молодым возрастом активных игроков. Но даже по сравнению с другими геймерами, которые также обычно молодые люди или люди среднего возраста, активные игроки чаще смотрят фильмы онлайн и занимаются спортом. Частота очного или дистанционного (по телефону или онлайн) общения с родственниками и друзьями выше среднего у тех, кто играет в видеоигры каждый день, но не дольше часа.

Подводя итоги, можно заключить, что видеоигры – распространенная практика среди современных россиян, несмотря на незначительное снижение доли играющих после выхода из пандемии в 2022 г. Несмотря на сокращение доли геймеров между 2021 и 2022 гг., увеличилась частота, с которой люди играют в видеоигры. С большей вероятностью в группу геймеров попадают молодые люди, мужчины, жители Москвы и Санкт-Петербурга. Эти же категории – самые активные игроки, проводящие за видеоиграми несколько часов в день. Среди геймеров несколько выше доля курящих и потребляющих алкоголь, но также и доля тех, кто занимается спортом. Для геймеров несколько более характерны некоторые ментальные проблемы, особенно это касается тех, кто играет несколько часов в день. В то же время чем больше человек играет, тем он счастливее.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.6

THE PREVALENCE OF GAMING AND ITS IMPACT ON LIFESTYLE AND HEALTH IN RUSSIA

Roshchina Ya.M., Khazanovich A.O.

Abstract. This paper employs data from the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS HSE) to examine the prevalence of video games and its impact on lifestyle and health in Russia. Our analysis spans the period from 2019 to 2022, offering a unique opportunity to assess the prevalence of video games just before, during, and after the coronavirus pandemic. In 2021, at the height of the COVID-19 pandemic, the highest level of video game engagement was recorded. While 27.8% of respondents over the age of 14 played video games in 2019, the proportion increased to 32% in 2021 and then dropped to 25.4% in 2022, below the pre-pandemic level. The decline was attributed to a reduction in engagement among younger people (aged 14–24 years). In contrast, the proportion of respondents in older age groups who played video games increased consistently from 2019 to 2022. Nevertheless, in 2022, 60% of all gamers were between the ages of 14 and 39. Despite the overall decline in engagement level, gamers spent more time playing video games in 2022 than in 2019. The proportion of active gamers (those who play every day for several hours a day) increased from 17.2% in 2019 to 20.6% in 2022. The data indicated that young people, men, unmarried people, and residents of Moscow and St. Petersburg were more likely to play video games in general and to become active gamers. Those who played video games assessed their health more positively compared to those who did not play at all. This may be attributed to the fact that gamers on average were younger than the general population. However, an increase in time spent playing video games was associated with the decreasing level of self-assessed health. Furthermore, a weak but statistically significant correlation was found between the time spent gaming and the incidence of mental health problems such as nervousness, aggression, and recurring depression. Those who spend several hours every day gaming were more likely to feel lonely than those who play video games less often. However, active gamers were as lonely as those who did not play at all. Active gamers were more likely to engage in variety of leisure activities, whereas those who play less frequently were more likely to socialize with friends and family in person, by phone, or online. Gamers reported higher levels of happiness than those who did not play video games, with the highest proportion of those who fell happy observed among active gamers.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS HSE, video games, health, mental health, leisure, lifestyle, loneliness, happiness

Юргелас А. Л., Рощина Я. М.

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЧИТАТЕЛИ КНИГ В РОССИИ В 2009–2021 гг.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.7

Аннотация. В статье изучается, как изменились практики чтения россиян между 2009 и 2021 гг. Было выявлено, что доля россиян, которые практически никогда не читают книги, выросла за 2009–2021 гг. с 20,2 до 33,6%. В 2009 г. для россиян было нехарактерно чтение электронных книг, 83,4% респондентов никогда не читали такие книги. При помощи оценки нескольких порядковых регрессий для данных за 2009, 2016 и 2021 гг. были выявлены факторы, которые влияют на частоту чтения. Было обнаружено, что мужчины читают реже женщин, а люди среднего возраста уделяют этому занятию меньше времени, чем молодежь и пожилые. Чаще читают книги жители Москвы и Санкт-Петербурга, не состоящие в браке, с более высоким уровнем образования, пользующиеся интернетом и посещающие социальные сети. Существует положительная корреляция частоты чтения с посещением зрелищных мероприятий (театров, музеев и т. д.), творческими занятиями, прогулками по магазинам и торговым центрам, частотой компьютерных игр и использованием интернета, а также занятиями спортом. Вероятно, эта связь опосредована возрастом. Была рассчитана средняя частота разных досуговых занятий для читателей разных типов из разных возрастных групп за 2016–2021 гг. Оказалось, что во всех возрастных группах лишь один вид досуговой активности более характерен для тех, кто не читает книги, чем для респондентов в целом: это работа на приусадебном участке. Напротив, для активных читателей любого возраста характерна более высокая частота большинства досуговых занятий. При этом в случае читающих респондентов среднего возраста к перечисленным досуговым активностям добавляются занятия с детьми. Практически не связаны с частотой чтения в любом возрасте частота просмотра телевизора, посещение кафе, пассивный отдых.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, чтение, досуг

Современное российское общество становится все более цифровизованным, расширяется медиапотребление, как при помощи телевидения, так и – особенно – интернета. Интернет выходит на первый план и как источник информации, и как способ получения развлекательного контента, особенно при помощи смартфонов, которые обеспечивают практически мгновенный доступ к любым сайтам, справочникам, просмотру видео, а также библиотекам и магазинам электронных книг. При этом нередко постулируется, что такой вид досуга, как чтение, становится все менее популярным, особенно среди молодежи. Так как чтение позволяет человеку развивать память, мышление и концентрацию внимания, расширять словарный запас и в целом кругозор, то снижение популярности чтения не может не привлекать внимание исследователей. Чтение является не только видом досуга и потребительской активности, но и источником информации, а чтение профессиональных и учебных книг – это вложение в человеческий капитал. В данной статье мы рассмотрим следующие вопросы: как преобразовалась читательская активность в условиях развития цифровых технологий? каково было место чтения в структуре стиля жизни? есть ли смещение предпочтений в пользу иных видов досуга (медиапотребления или иного формата отдыха)? происходит ли разрушение книжного рынка? Мы будем использовать данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 2009, 2016 и 2021 гг. В эти годы респондентам задавался блок вопросов о том, как они проводят свободное время и, в том числе, как часто они читают. В работе используется репрезентативная выборка. Возраст респондентов ограничен 16–75 годами. Так как в 2009 г. вопросы о досуговых практиках задавались только специальной подвыборке респондентов, количество опрошенных в этом году составило 1506 человек. В следующих волнах РМЭЗ НИУ ВШЭ те же вопросы задавались всем респондентам. В результате количество опрошенных составило 9385 человек в 2016 г. и 9249 человек в 2021 г.

Изменение частоты чтения между 2009 и 2021 гг.

В ходе обследования в 2009, 2016 и 2021 гг. респондентам был задан вопрос: «Как часто за последний год в свободное время, за исключением отпуска, Вы...» с перечнем разных вариантов проведения досуга. Вопрос о частоте чтения в разные годы задавался немного по-разному: в 2009 г. – отдельно для печатных и электронных книг, в 2016 г. – без уточнения формата, в 2021 г. – в следующей формулировке: «Как часто Вы читали книги, включая электронные, или слушали аудиокниги?». Формат вопроса подразумевает чтение книг именно в свободное время, то есть не учитывается чтение в рабочих и учебных целях.

Как можно заметить, с 2009 по 2021 г. доля людей, практически никогда не читавших книги, выросла, особенно учитывая, что в 2009 г. вопрос задавался отдельно для печатных и электронных книг, а в 2021 г. – для всех форматов, включая аудиокниги (табл. 1).

Таблица 1

Частота чтения, по годам, вертикальный %

Частота чтения	2009		2016	2021
	Формат книг			
	Печатные	Электронные	Без уточнения формата	Печатные, электронные, аудиокниги
Практически никогда	20,0	83,4	29,3	33,6
Хотя бы раз в год	12,5	3,7	13,8	11,3
Не реже раза в месяц	19,7	5,4	20,1	16,9
Не реже раза в неделю	23,2	4,6	20,3	21,4
Практически каждый день	24,3	2,9	16,5	16,8

В таблице 2 представлены данные о частоте чтения по возрастным группам.

Таблица 2

Частота чтения, по годам и возрастным группам, вертикальный %

Частота чтения	Возраст, лет				
	< = 25	26–40	41–60	61+	Всего
2009					
Практически никогда	12,2	19,8	20,1	26,1	20,2
Хотя бы раз в год	8,6	12,5	12,6	10,3	11,4
Не реже раза в месяц	22,5	20,7	20,2	15,8	19,7
Не реже раза в неделю	27,5	24,4	24,3	19,6	23,7
Практически каждый день	29,3	22,7	22,8	28,2	24,9
2016					
Практически никогда	19,4	30,0	31,9	30,2	29,3
Хотя бы раз в год	12,4	16,1	14,0	11,1	13,8
Не реже раза в месяц	19,2	20,9	20,2	19,6	20,1
Не реже раза в неделю	24,2	20,2	19,0	20,4	20,3
Практически каждый день	24,7	12,8	15,0	18,7	16,5
2021					
Практически никогда	15,4	30,4	37,6	39,5	33,6
Хотя бы раз в год	9,0	12,7	12,0	10,3	11,3
Не реже раза в месяц	18,0	19,7	16,9	13,7	16,9
Не реже раза в неделю	31,3	21,8	19,7	18,6	21,4
Практически каждый день	26,3	15,4	13,8	17,9	16,8

Как видно из представленных данных, в 2009 г. доли читающих каждый день в самой старшей и самой младшей возрастных группах были примерно равны и составляли 28,2 и 29,3% соответственно. Люди среднего возраста в 2009 г. читали реже, среди них было только около 23% респондентов, читающих ежедневно. В 2016 г. доли читающих ежедневно снизились во всех возрастных группах, однако, наиболее резкое снижение затронуло респондентов старше 25 лет. В 2021 г. молодые люди до 25 лет

и респонденты от 25 до 40 лет стали немного больше читать, в то же время доли читающих ежедневно в старших возрастных группах продолжили медленно снижаться. За все годы наблюдений молодежь оставалась самой читающей возрастной группой.

Факторы, влияющие на частоту чтения бумажных книг в 2009 г.

Для того чтобы посмотреть, какие факторы влияют на частоту чтения в разные годы, мы оценили ряд порядковых логистических регрессий для зависимой переменной «Частота чтения» в разные годы.

Для переменной «Частота чтения бумажных книг в 2009 г.» было выделено восемь значимых факторов: пол, образование (неполное среднее, среднее профессиональное и высшее), проживание в Москве или Санкт-Петербурге, наличие у респондента одного несовершеннолетнего ребенка и пользование интернетом за последние 12 месяцев (табл. 3).

Таблица 3

Порядковая логистическая регрессия, зависимая переменная:
«Частота чтения бумажных книг в 2009 г.», для значимых предикторов
(в скобках стандартная ошибка)

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Пол (женщины – базовая категория)	-0,574***	0,563
	(0,0975)	
Неполное среднее образование (полное среднее – базовая категория)	-0,483***	0,617
	(0,138)	
Среднее профессиональное образование (полное среднее – базовая категория)	0,429***	1,536
	(0,125)	
Высшее образование (полное среднее – базовая категория)	0,875***	2,398
	(0,140)	
Проживание в Москве и Санкт-Петербурге (другие типы населенных пунктов – базовая категория)	0,736***	2,088
	(0,164)	
Наличие у человека одного несовершеннолетнего ребенка (другое количество детей – базовая категория)	-0,334***	0,716
	(0,122)	
Пользование интернетом за последний год (не посещал – базовая категория)	0,547***	1,728
	(0,109)	
Константа 1	-1,335***	
	(0,110)	
Константа 2	-0,612***	
	(0,104)	
Константа 3	0,304***	
	(0,104)	
Константа 4	1,457***	
	(0,111)	
Количество наблюдений	1488	
Псевдо R2	0,0492	

Результаты оценки модели показывают, что у людей с высшим образованием шансы чаще читать бумажные книги в 2,4 раза выше шансов людей, которые обладают полным средним образованием (базовая категория). То есть чем люди более образованы, тем больше увеличиваются их шансы читать печатные книги (рис. 1).

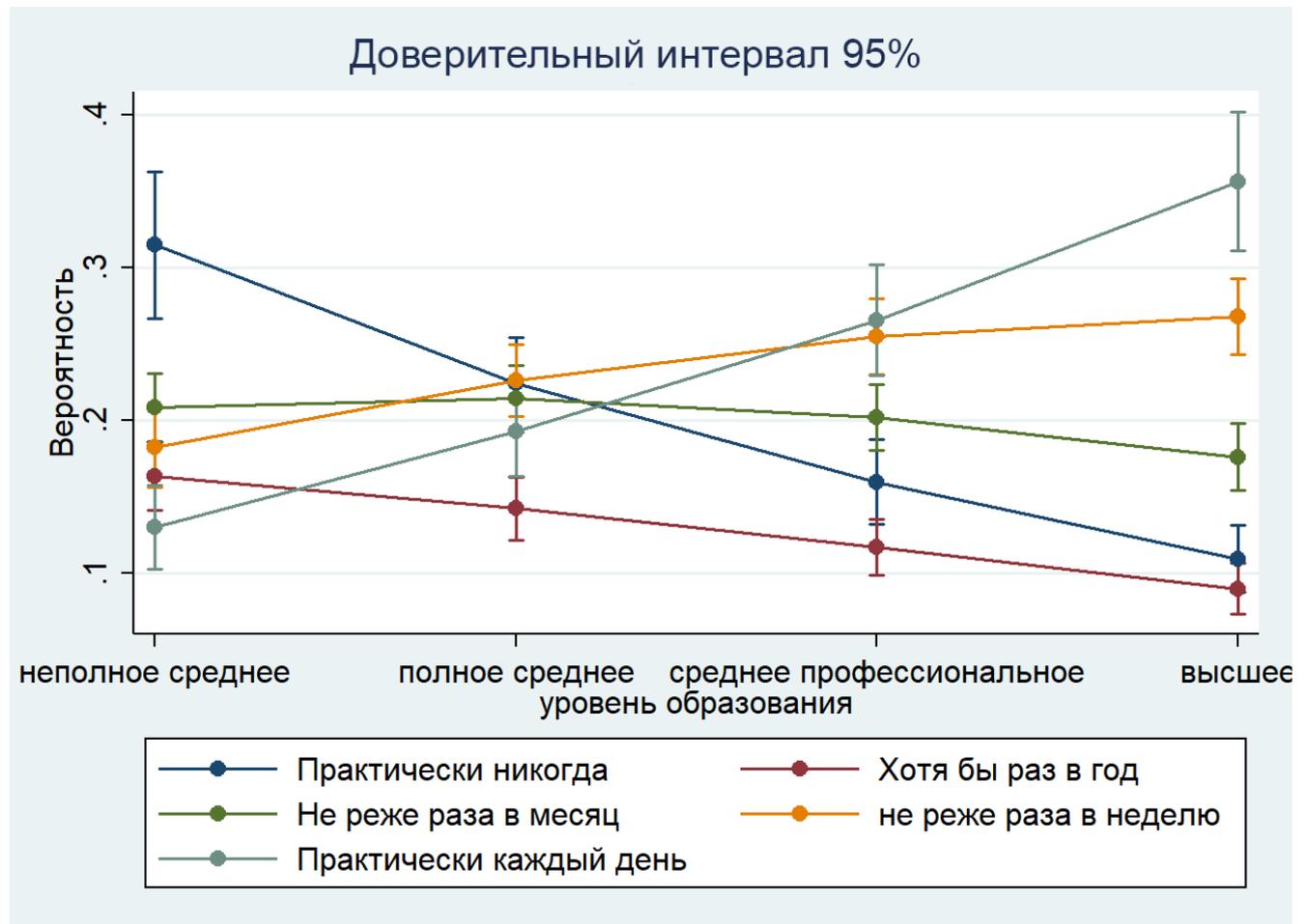

Рис. 1. Изменение вероятности частоты чтения бумажных книг при увеличении уровня образования, 2009 г.

По мере увеличения уровня образования респондента шансы, что он/она практически никогда не читает книги или читает их раз в год, сокращаются. Вместе с тем шансы, что респондент читает книги не реже раза в месяц, не изменяются с увеличением уровня образования.

Если у респондента есть один несовершеннолетний ребенок, то шансы чаще читать бумажные книги падают на 28,4% ($OR = 0,716$) по сравнению с остальными категориями респондентов, включая категорию не имеющих детей. Вероятно, это связано с увеличением домашних обязанностей, возникающих вследствие рождения ребенка, и с перераспределением времени от чтения к обязанностям по уходу за ребенком. У пользователей интернета шансы чаще читать бумажные книги возрастают на 72,8% ($OR = 1,728$). Это опровергает опасения, сформулированные в исследовании А. А. Деревянченко и Д. В. Калинина, что люди цифрового общества перестанут читать книги из-за сложности их восприятия¹. На частоту чтения влияет проживание в Москве и Санкт-Петербурге, а именно – шансы чаще читать книги возрастают у жи-

¹ Деревянченко А. А., Калинин Д. В. Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 19.

телей мегаполисов на 109%. Мужчины читают реже женщин (OR = 0,56). Предельные эффекты показывают, что самое сильное влияние на чтение каждый день имеют наличие высшего образования и проживание в Москве и Санкт-Петербурге.

Факторы, влияющие на частоту чтения электронных книг в 2009 г.

Для переменной «Частота чтения электронных книг в 2009 г.» было выявлено семь значимых факторов: возраст, деленный на 10, и возраст в квадрате, деленный на 100, проживание в городах (кроме Москвы и Санкт-Петербурга), принадлежность к народам Северного Кавказа, душевой доход, пользование персональным компьютером и интернетом за последние 12 месяцев (табл. 4).

Таблица 4

Порядковая логистическая регрессия, зависимая переменная:
«Частота чтения электронных книг в 2009 г.», для значимых предикторов
(в скобках стандартная ошибка)

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Возраст, деленный на 10	-0,932***	0,394000
	(0,314)	
Возраст в квадрате, деленный на 100	0,0816**	1,085000
	(0,0391)	
Проживание в городах – не областных центрах (другие типы населенных пунктов – базовая категория)	-0,490**	0,613000
	(0,194)	
Представитель одного из народов Северного Кавказа (другие национальности – базовая категория)	1,191**	3,289000
	(0,471)	
Подушевой доход	1,31e-05***	1,000013
	(3,66e-06)	
Использование персонального компьютера за последний год (не использовал – базовая категория)	1,196***	3,308000
	(0,379)	
Пользование интернетом за последний год (не посещал – базовая категория)	1,910***	6,752000
	(0,290)	
Константа 1	1,486**	
	(0,597)	
Константа 2	1,915***	
	(0,596)	
Константа 3	2,667***	
	(0,596)	
Константа 4	3,791***	
	(0,607)	
Количество наблюдений	1395	
Псевдо R2	0,2262	

В 2009 г. при увеличении возраста (переменная «Возраст, деленный на 10») шансы читать электронные книги падают на 60,61% ($OR = 0,3939$), то есть чем старше человек, тем реже он предпочитает читать электронные книги. По сравнению с теми, кто не имел персонального компьютера и доступа в сеть интернет, шансы читать электронные книги у респондентов, которые пользовались персональным компьютером за последний год, в 3,31 раза выше; у респондентов, которые имели доступ в интернет, — в 2 раза выше. Таким образом, пользование интернетом и персональным компьютером в 2009 г. было важным инструментом доступа к электронным книгам.

При увеличении душевого дохода шансы чаще читать электронные книги увеличиваются чуть более чем на 0,001% ($OR = 1,0000131$). В данной ситуации из-за небольшого прироста и отсутствия показателей, связанных с социальным давлением на индивида, нельзя однозначно сказать, действуют ли экономические эффекты спроса на электронные книги. Примечательно, что душевой доход оказался значимым параметром только в 2009 г. и только в отношении электронных книг. То есть можно предположить, что на ранних этапах цифровизации российского общества дифференцирующим «реляционным» свойством¹ в контексте чтения книг выступал именно доход, так как он давал возможность людям приобретать соответствующие девайсы для чтения электронных произведений.

На частоту чтения влияет проживание в малых городах России. Шансы читать электронные книги снижаются на 38,72%, если респонденты проживают в городах, но не областных центрах. Предположительно, это могло быть вызвано ограниченным распространением соответствующих технологий на территории России в 2009 г. При этом шансы чаще читать электронные книги у представителей народов Северного Кавказа в 3,29 раза выше шансов представителей других этносов.

Факторы, влияющие на частоту чтения книг в 2016 г.

В 2016 г. в вопросе о частоте чтения не уточнялось, о каких именно книгах идет речь. Вопрос об аудиокнигах задавался одновременно с вопросом о прослушивании музыки, поэтому этот формат книг не учтен в анализе данных за этот год. Список потенциальных детерминант в 2016 г. расширен за счет появления в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ новых переменных, в том числе черт личности (модель «Большая пятерка») и частоты посещения социальных сетей. По итогам оценки логистической регрессии было выявлено 24 значимых фактора: пол, возраст, деленный на 10, и возраст в квадрате, семейное положение, образование (неполное среднее, среднее профессиональное и высшее), статус специалиста высшего/среднего уровня и (не)квалифицированного рабочего, проживание в Москве или Санкт-Петербурге и других городах, принадлежность к народам Поволжья и Севера, наличие у респондента до трех несовершеннолетних детей, пользование персональным компьютером за последний год, посещение религиозных служб с частотой несколько раз в месяц и др. (табл. 5).

¹ Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. с англ. Р. А. Громоной, М. С. Добряковой, с фр. О. И. Кирчик, с нем. А. Ф. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568.

Таблица 5

Порядковая логистическая регрессия, зависимая переменная:
«Частота чтения книг в 2016 г.», для значимых предикторов (в скобках стандартная ошибка)

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Возраст, деленный на 10	-0,614***	0,541
	(0,0872)	
Возраст в квадрате	0,0661***	1,068
	(0,00974)	
Пол (женщины – базовая категория)	-0,499***	0,607
	(0,0438)	
Семейное положение – не в браке (в браке – базовая категория)	0,211***	1,235
	(0,0455)	
Специалисты высшего уровня (не работает – базовая категория профессиональной группы)	0,234***	1,263
	(0,0742)	
Специалисты среднего уровня	-0,301***	0,740
	(0,0533)	
Квалифицированные рабочие	-0,586***	0,556
	(0,0668)	
Неквалифицированные рабочие	-0,456***	0,634
	(0,104)	
Неполное среднее образование (полное среднее – базовая категория)	-0,274***	0,760
	(0,0652)	
Среднее профессиональное образование	0,316***	1,372
	(0,0519)	
Высшее образование	0,659***	1,933
	(0,0570)	
Проживание в столицах (другие типы населенных пунктов – базовая категория)		1,473
	(0,0654)	
Проживание в других городах (другие типы населенных пунктов – базовая категория)	-0,168***	0,846
	(0,0450)	
Принадлежность к народам Поволжья и Севера (принадлежность к другим этносам – базовая категория)	-0,335***	0,715
	(0,116)	
Наличие у человека 1 несовершеннолетнего ребенка (нет детей – базовая категория)	-0,117**	0,889
	(0,0567)	
Наличие у человека 2 несовершеннолетних детей (нет детей – базовая категория)	-0,336***	0,715
	(0,0726)	
Наличие у человека 3 несовершеннолетних детей (нет детей – базовая категория)	-0,348**	0,706
	(0,148)	

Продолжение таблицы 5

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Пользование персональным компьютером за последний год (да – базовая категория)	-0,456***	0,634
	(0,0514)	
Не посещает религиозные службы или посещает реже 1 раза в год (раз в месяц и реже – базовая категория)	-0,189***	0,828
	(0,0429)	
Посещает несколько раз в месяц религиозные службы (раз в месяц и реже – базовая категория)	0,325***	1,383
	(0,0783)	
Открытость новому	0,293***	1,340
	(0,0224)	
Экстраверсия	-0,102***	0,903
	(0,0201)	
Доброжелательность	0,0703***	1,073
	(0,0213)	
Нейротизм (тревожность)	-0,146***	0,864
	(0,0200)	
Константа 1	-2,650***	
	(0,189)	
Константа 2	-1,930***	
	(0,188)	
Константа 3	-0,945***	
	(0,187)	
Константа 4	0,290	
	(0,188)	
Количество наблюдений	8981	
Псевдо R2	0,0716	

Оценивая влияние цифровизации общества на частоту чтения книг, следует обратить внимание на то, что у респондентов, не пользовавшихся за последний год персональным компьютером, шансы читать книги ниже, чем у респондентов, имевших доступ к персональному компьютеру. С возрастом вероятность, что респондент читает книги, падает на 45,9% (OR = 0,541), т. е. чем старше человек становится, тем реже он читает. При этом шансы, что человек читает книги, изменяются нелинейно в зависимости от возраста. Вероятность того, что респондент совсем не читает, увеличивается до 46-летнего возраста, но затем снижается, т. е. чем старше респонденты, тем реже они читают книги, но чем ближе они к пенсионному возрасту, тем с меньшей вероятностью не читают. Обратное верно для чтения книг не реже раза в неделю и каждый день (рис. 2).

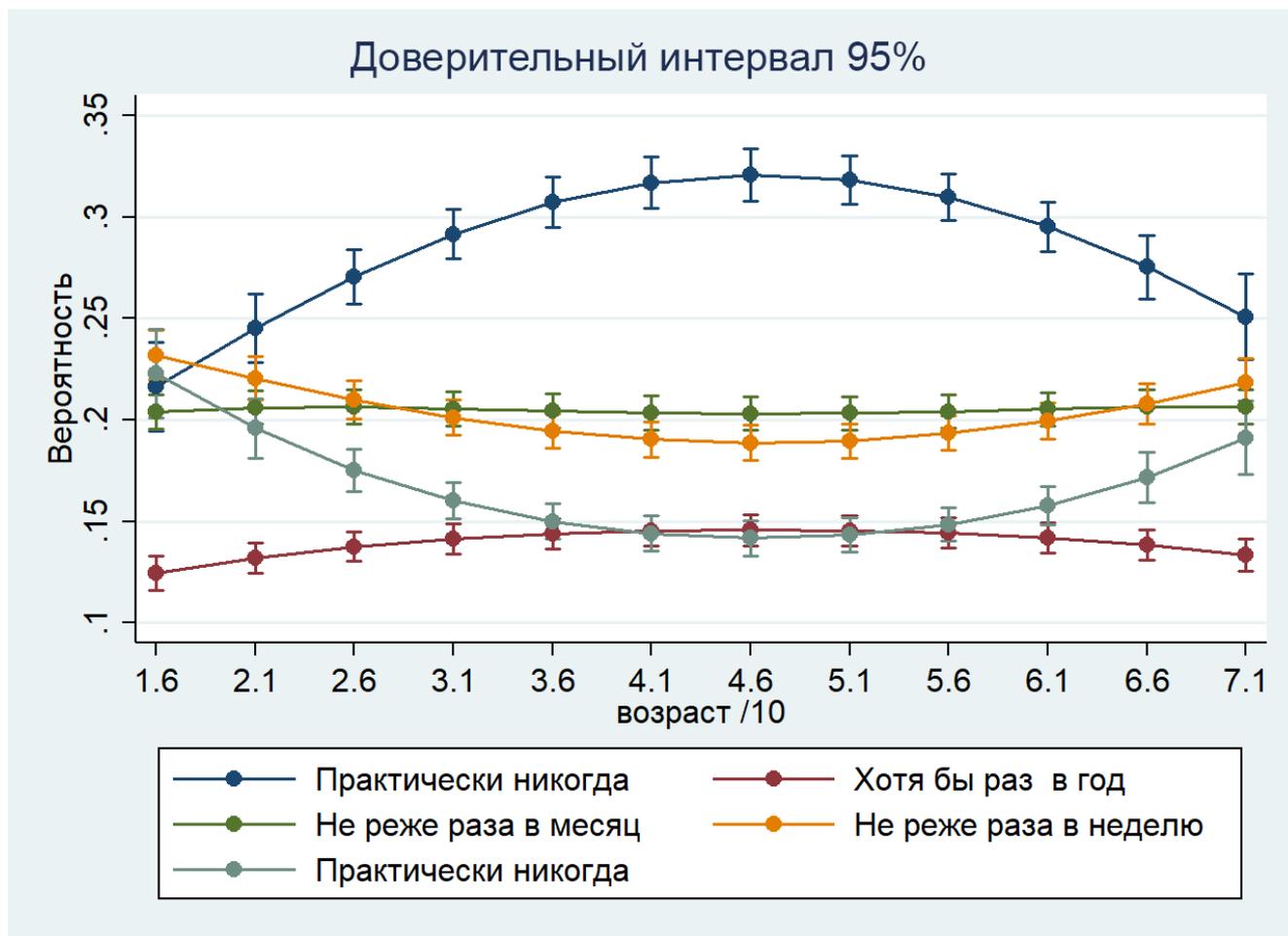

Рис. 2. Изменение вероятности частоты чтения книг при увеличении возраста, 2016 г.

На частоту чтения книг влияет проживание в Москве и Санкт-Петербурге (шансы растут на 47,3%), а также в тех городах России, которые не являются областными центрами (шансы снижаются на 15,4%). Представители народов Поволжья и Севера читают реже, чем представители других этносов ($OR = 0,715$). Как и можно было ожидать, шансы чаще читать растут с повышением уровня образования. Чем чаще респонденты посещают религиозные службы, тем выше шансы, что они читают. Так, если респондент не посещает службы или делает это реже одного раза в год, то шансы читать уменьшаются на 17,23%. Напротив, шансы читать увеличиваются 38,34%, если респондент ходит на службы несколько раз в месяц или чаще. По мере увеличения числа несовершеннолетних детей в домохозяйстве шансы читать книги у респондентов сокращаются. При увеличении числа детей с одного до двух шансы сокращаются всего на 11,06%, с двух до трех – на 29,41%. Предположительно, это вызвано тем, что все меньше времени респондент может уделить чтению из-за дополнительной нагрузки по заботе о детях. Нами также были обнаружены черты личности, значимо влияющие на частоту чтения. Открытость новому ($OR = 1,34$) и доброжелательность ($OR = 1,07$) позитивно влияют на частоту чтения книг. Вместе с этим нейротизм (тревожность) и экстраверсия негативно сказываются на частоте чтения книг – шансы снижаются на 13,58 и 9,72% соответственно.

Следует отметить, что чем выше профессиональный уровень работника, тем выше его шансы читать книги. Если респондент специалист среднего уровня, то его шансы падают на 25,97%, а если он специалист высшего уровня, то увеличиваются на 26,35%. В 2016 г. мужчины реже читали книги, чем женщины ($OR = 0,61$).

Шансы чаще читать книги у одиноких людей в 1,24 раза выше, чем у респондентов, состоящих в браке. Предположительно, это может быть связано с тем, что у одиноких больше свободного времени.

Факторы, влияющие на частоту чтения книг в 2021 г.

В 2021 г. задавался вопрос как о частоте чтения книг, так и о прослушивании аудиокниг. По результатам оценки логистической регрессии было выявлено 24 значимых фактора: пол; возраст, деленный на 10; возраст в квадрате; семейное положение; образование (неполное среднее, среднее профессиональное и высшее); статус специалиста высшего или среднего уровня и (не)квалифицированного рабочего; проживание в Москве или Санкт-Петербурге, а также проживание в областном центре; принадлежность к украинцам, белорусам, молдаванам; наличие у респондента трех несовершеннолетних детей; пользование социальными сетями раз в месяц и реже или 2–3 раза в месяц; религиозность и др. (табл. 6).

Таблица 6

Порядковая логистическая регрессия, зависимая переменная:
«Частота чтения книг в 2021 г.», для значимых предикторов (в скобках стандартная ошибка)

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Возраст, деленный на 10	-0,858***	0,424
	(0,0861)	
Возраст в квадрате	0,0796***	1,083
	(0,00950)	
Пол (женщины – базовая категория)	-0,324***	0,723
	(0,0444)	
Семейное положение – не в браке (в браке – базовая категория)	0,239***	1,270
	(0,0445)	
Профессиональные категории (не работает – базовая категория)		
Специалисты высшего уровня	0,214***	1,238
	(0,0727)	
Специалисты среднего уровня	-0,273***	0,761
	(0,0537)	
Квалифицированные рабочие	-0,463***	0,629
	(0,0665)	
Неквалифицированные рабочие	-0,749***	0,473
	(0,110)	
Уровень образования (полное среднее – базовая категория)		
Неполное среднее образование	-0,325***	0,723
	(0,0704)	
Среднее профессиональное образование	0,230***	1,259
	(0,0536)	

Продолжение таблицы 6

Переменные	Коэффициенты	Отношение шансов (Odds Ratio, OR)
Высшее образование	0,583***	1,791
	(0,0567)	
Проживание в Москве и Санкт-Петербурге (другие типы населенных пунктов – базовая категория)	0,558***	1,748
	(0,0584)	
Проживание в областном центре (другие типы населенных пунктов – базовая категория)	0,325***	1,385
	(0,0448)	
Принадлежность к украинцам/белорусам/молдаванам (другие национальности – базовая категория)	-0,335***	1,891
	(0,116)	
Наличие трех несовершеннолетних детей (нет детей – базовая категория)	-0,348**	0,743
	(0,0567)	
Посещение интернета Пользование интернетом за последний год (да – базовая категория)	0,547***	0,625
	(0,109)	
Частота посещения религиозных служб (раз в месяц и реже – базовая категория)		
Неверующий или скорее неверующий	-0,113**	0,893
	(0,0537)	
Не посещает или реже одного раза в год	-0,171***	0,843
	(0,0475)	
Не знает, как часто посещает	0,703***	2,020
	(0,209)	
Несколько раз в месяц	0,235**	1,265
	(0,0966)	
Пользование соцсетями раз в месяц и реже (другая частота посещения – базовая категория)	0,418***	1,519
	(0,149)	
Пользование соцсетями 2–3 раза в месяц (другая частота посещения – базовая категория)	0,381***	1,463
	(0,124)	
Открытость новому	0,254***	1,289
	(0,0222)	
Нейротизм (тревожность)	-0,0681***	0,934
	(0,0213)	
Константа 1	-2,809***	
	(0,192)	
Константа 2	-2,252***	
	(0,191)	
Константа 3	-1,457***	
	(0,191)	
Константа 4	-0,207	
	(0,191)	
Количество наблюдений	8823	
Псевдо R2	0,0613	

С увеличением возраста на 10 лет шансы часто читать книги падают на 57,6% (OR = 0,424). Вероятность никогда не читать книги сначала с возрастом растет, а затем начинает снижаться после 56 лет. Обратное характерно для чтения книг практически каждый день (рис. 3).

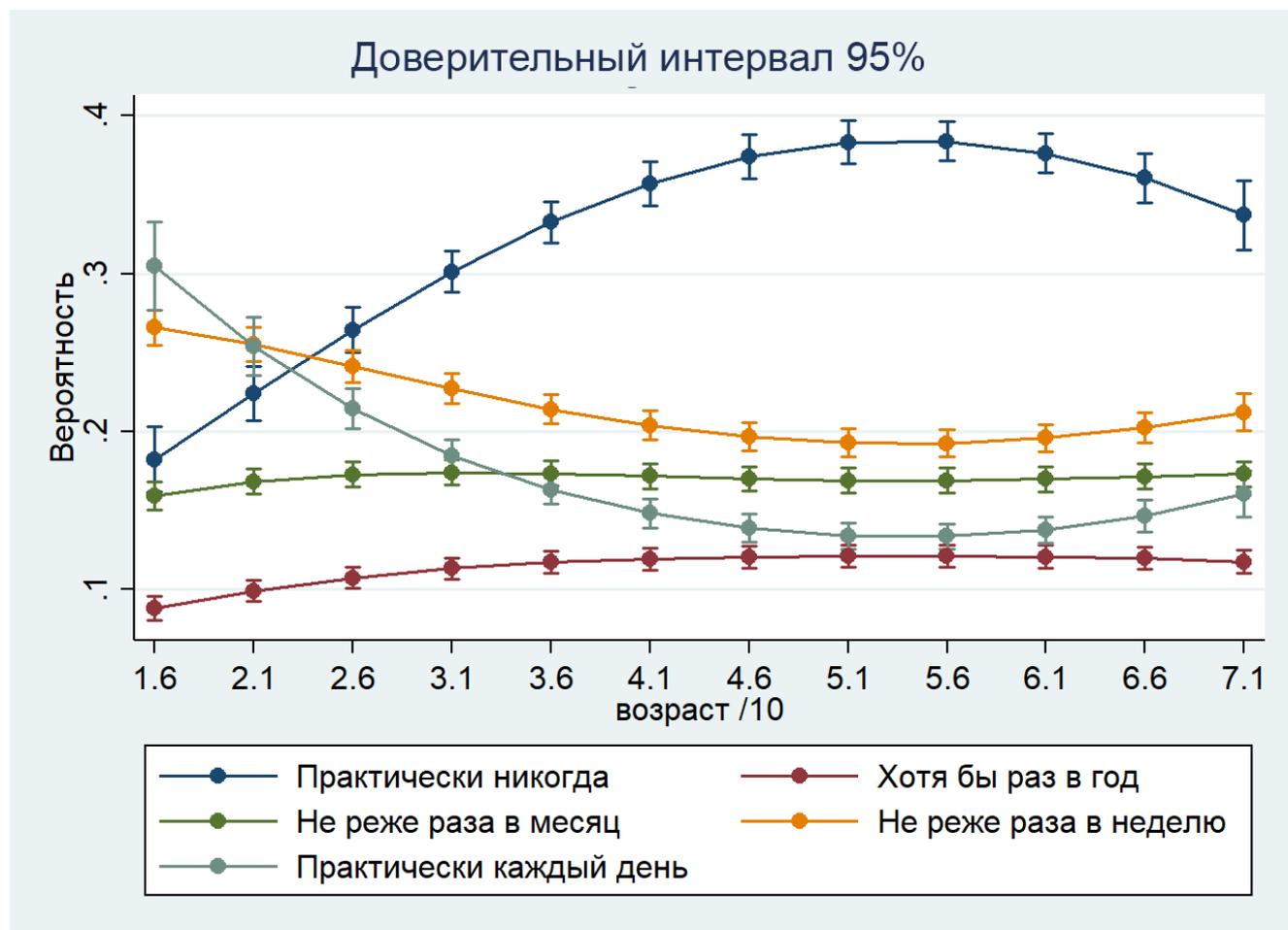

Рис. 3. Изменение вероятности частоты чтения книг при увеличении возраста, 2021 г.

На частоту чтения позитивно влияет проживание в Москве и Санкт-Петербурге, а также областном центре: шансы чаще читать растут на 74,8 и 38,5% соответственно. Шансы чаще читать книги у украинцев, белорусов или молдаван в 1,89 раза выше шансов респондентов других национальностей. Если человек обладает высшим образованием, то шансы чаще читать увеличиваются на 79,07% (OR = 1,7907). Эта тенденция наблюдалась и в предыдущих волнах обследования. Обращаясь к рисунку 4, можно заметить, что по мере увеличения уровня образования индивида вероятность чтения им книг «практически никогда» будет стремительно сокращаться. Наоборот, вероятность читать практически каждый день растет с каждым уровнем образования.

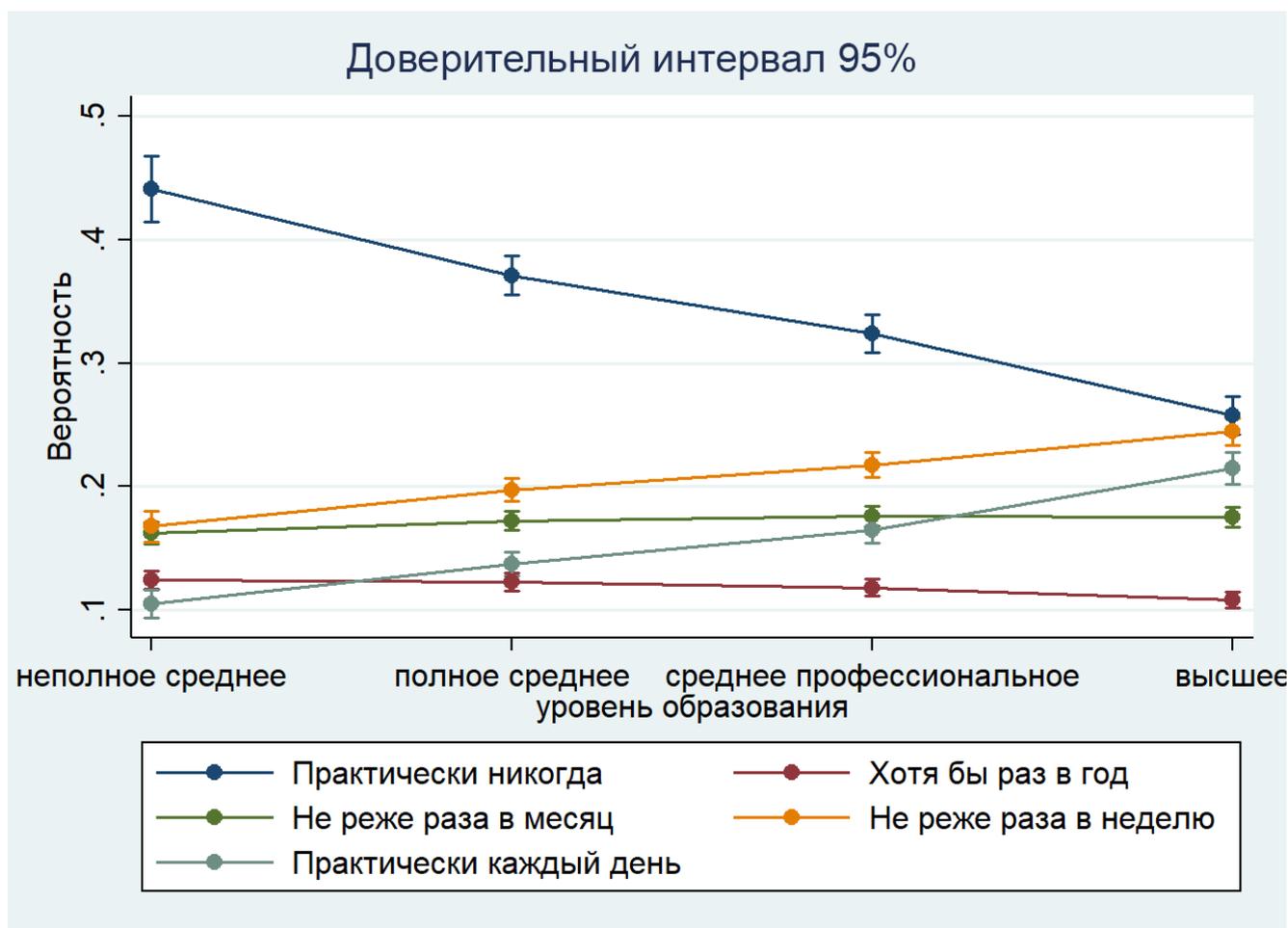

Рис. 4. Изменение вероятности частоты чтения книг при увеличении образовательной степени, 2021 г.

Если человек неверующий и не посещает религиозные службы или делает это реже одного раза в год, то его шансы читать уменьшаются на 10,7 и 15,74% соответственно. Если респондент посещает религиозные службы чаще, то шансы читать растут. Если респондент посещает службы несколько раз в месяц, шансы читать увеличиваются на 26,5%. Шансы читать книги у респондентов с тремя несовершеннолетними детьми сокращаются на 25,72%. Как и в 2016 г., это может быть объяснено нехваткой времени у респондентов с детьми. Открытость новому позитивно сказывается на частоте чтения книг ($OR = 1,29$), в то время как тревожность, наоборот, сказывается негативно ($OR = 0,924$).

Чем выше должность человека, тем выше его шансы чаще читать книги. Если респондент – специалист среднего уровня, то его шансы читать снижаются на 23,87% по сравнению с незанятыми респондентами. Если он специалист высшего уровня, то шансы, напротив, увеличиваются на 23,82%. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие также читают реже, чем незанятые респонденты. Однако шансы квалифицированных рабочих снижаются меньше, чем неквалифицированных. Шансы чаще читать книги у мужчин в 0,72 раза ниже, чем у женщин. Шансы чаще читать книги у холостых людей в 1,27 раза выше, чем у респондентов, состоящих в браке. Если люди пользовались интернетом за последний год, то вероятность того, что они не читали книги, уменьшается, а вероятность, что читали каждый день, увеличивается. При этом чем реже человек пользуется социальными сетями, тем чаще он читает книги. При посещении соцсетей 2–3 раза в месяц

шансы чаще читать увеличиваются не так сильно, как при посещении соцсетей раз в месяц и реже (46,3% против 51,9% соответственно). Тем не менее это опять отсылает к противоречивости выводов А. А. Деревянченко и Д. В. Калинина о том, что развитие цифрового общества может нести негативные последствия для читательского досуга¹.

Взаимосвязь частоты чтения и других видов досуга

Рассмотрим теперь за три исследуемых года три типа читателей, выявленных на основе описанных выше данных:

1. Нечитающие (практически никогда не читают).
2. Эпизодические читатели (читают хотя бы раз в год или не реже раза в месяц).
3. Регулярные читатели (читают не реже раза в неделю или практически каждый день).

Можно отметить, что в каждом году преобладают те, кто читает не реже раза в неделю, хотя доля таких респондентов сократилась с 48,7% в 2009 г. до 38,2% в 2021 г. (рис. 5). Одновременно росла доля тех, кто практически никогда не читает книги. Она увеличилась с 20,2 до 33,6%, т. е. каждый третий россиянин в 2021 г. не читал книги (ни печатные, ни электронные) и не слушал аудиокниги. Можно предположить, что люди замещают данный формат времяпрепровождения какими-то другими досуговыми практиками.

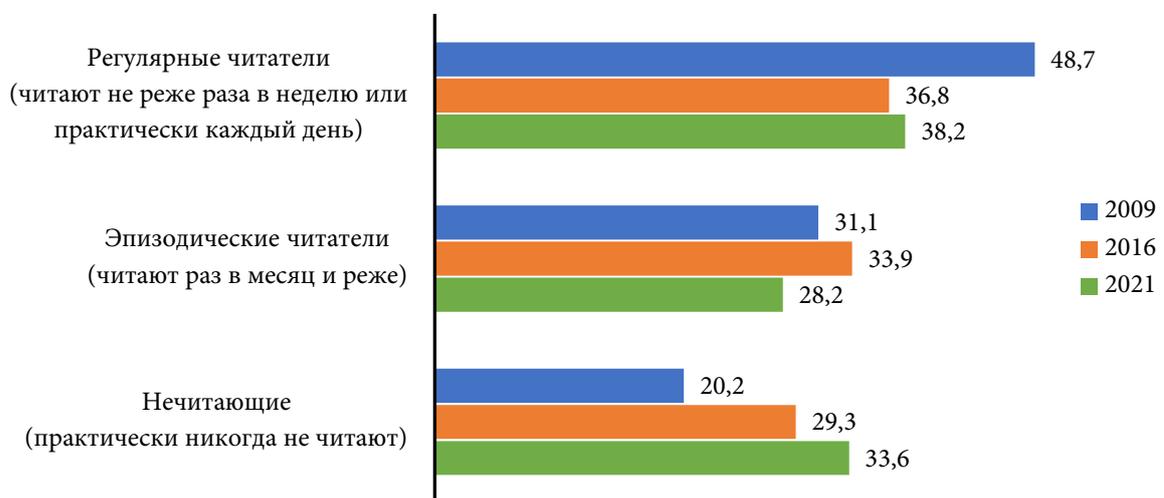

Рис. 5. Распределение респондентов по типам читателей в 2009, 2016, 2021 гг., в %

Посмотрим, различаются ли выделенные типы читателей по другим видам досуга. Так как все исследуемые переменные измерены в порядковой шкале, мы можем использовать ранговую корреляцию Спирмена для выявления наличия взаимосвязи между частотой чтения и другими досуговыми занятиями в разные годы (табл. 7).

¹ Деревянченко А. А., Калинин Д. В. Указ. соч.

Таблица 7

Корреляции Спирмена частоты чтения книг с частотой досуговых практик, 2009, 2016, 2021 гг.

Досуговые практики	Корреляция Спирмена	Чтение бумажных книг (2009)	Чтение электронных книг (2009)	Чтение книг без уточнения формата (2016)	Чтение печатных/электронных/аудиокниг (2021)
Посещение театров, музеев и т. д.	Коэф. корр.	0,284***	0,348***	0,256***	0,242***
	Значимость	0,000	0,000	0,000	0,000
Просмотр ТВ	Коэф. корр.	0,060	-0,134***	-0,004	0,002
	Значимость	0,020	0,000	0,680	0,840
Игра на компьютере / пользование интернетом	Коэф. корр.	0,167***	0,543***	0,215***	0,206***
	Значимость	0,000	0,000	0,000	0,000
Работа в саду, огороде	Коэф. корр.	0,024	-0,109***	-0,062***	-0,040***
	Значимость	0,360	0,000	0,000	0,000
Встречи с друзьями, родственниками	Коэф. корр.	0,030	0,159***	0,097***	0,102***
	Значимость	0,254	0,000	0,000	0,000
Прогулки по магазинам, ТЦ	Коэф. корр.	0,157***	0,101***	0,152***	0,125***
	Значимость	0,000	0,000	0,000	0,000
Творческие занятия (музыка, рисование и др.)	Коэф. корр.	0,222***	0,295***	0,251***	0,286***
	Значимость	0,000	0,000	0,000	0,000
Игры, прогулки с детьми	Коэф. корр.	0,105***	0,045	0,086***	0,069***
	Значимость	0,000	0,085	0,000	0,000
Пассивный отдых	Коэф. корр.	-0,067**	-0,069***	0,044***	0,045***
	Значимость	0,011	0,009	0,000	0,000

Можно отметить положительную корреляцию частоты чтения с посещением зрелищных мероприятий (театров, музеев и т. д.), с творческими занятиями, с прогулками по магазинам и торговым центрам, с частотой компьютерных игр и пользования интернетом.

Первые два факта не вызывают удивления, так как они, как и чтение, могут быть отнесены к культурному досугу. Менее очевидна связь с посещением торговых центров, однако, скорее всего, это объясняется более молодым возрастом активных читателей. Пользование интернетом и компьютерные игры не только не отвлекают от чтения, но, наоборот, способствуют ему, причем за все исследуемые годы. Вероятно, это также связано с возрастом, но важно отметить, что интернет и гаджеты предоставляют доступ к электронным книгам и аудиокнигам, в том числе библиотекам, тем самым повышая их доступность, особенно для молодежи. Это ставит под сомнение тезисы о негативном воздействии «цифрового мира» и утрате «навыка восприятия» литературы. Достаточно неожиданно, что частота чтения коррелирует и с частотой занятий спортом (в 2016 и 2021 гг., когда был соответствующий вопрос). Как и ранее, мы предполагаем, что в данном случае это тоже связано с опосредующей ролью возраста. То же, вероятно, верно и для положительной связи с частотой встреч с друзьями и родственниками. Положительную

связь с частотой занятий с детьми можно объяснить тем, что родители читают детям. Отрицательные значимые корреляции были обнаружены с частотой занятий подсобным хозяйством, а в 2009 г. – с пассивным отдыхом. Достаточно интересно, что чтение и просмотр телевизора не выглядят антагонистами. По крайней мере, между ними нет значимой корреляции (отрицательная корреляция есть лишь с чтением электронных книг в 2009 г.).

Как мы видели, некоторые корреляции между частотой чтения и другими досуговыми занятиями заставляют предположить, что они связаны скорее с возрастом активных читателей. В связи с этим мы рассчитали среднюю частоту (раз в месяц) разных досуговых занятий для читателей разных типов из разных возрастных групп за 2016–2021 гг. (табл. 8–11). Так как принимались во внимание также люди, которые не занимались теми или иными видами деятельности, эта средняя частота будет ниже в том случае, если доля таких людей выше. Мы не учитывали 2009 г., так как он сильно отличался по формулировкам вопросов.

Таблица 8

Средняя частота досуговых занятий разных типов читателей в возрасте 16–25 лет, 2016–2021 гг.,
раз в месяц

Досуговые занятия	Нечитающие	Эпизодические читатели	Регулярные читатели	Всего
Посещали мероприятия в качестве зрителей	0,63	0,66	0,78	0,72
Смотрели фильмы, спектакли, музейные выставки и т. д. онлайн	4,36	3,08	4,25	3,95
Занимались спортом, физкультурой	4,29	4,39	6,96	5,74
Проводили время на природе, гуляли	6,69	6,76	9,68	8,29
Смотрели телевизор	20,90	19,36	20,90	20,45
Играли на компьютере, проводили время в интернете	21,25	21,63	24,26	22,96
Работали на приусадебном участке	4,39	2,60	2,68	2,96
Посещали кафе, рестораны, бары	0,93	1,24	1,66	1,39
Встречались с друзьями, родственниками	10,78	10,06	12,70	11,58
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	4,20	4,55	5,28	4,88
Занимались творчеством	0,71	1,55	3,24	2,29
Играли, гуляли с детьми	3,70	4,82	4,64	4,53
Ничего не делали, отдыхали	7,62	7,73	7,92	7,81

Таблица 9

Средняя частота досуговых занятий разных типов читателей в возрасте 26–40 лет, 2016–2021 гг.,
раз в месяц

Досуговые занятия	Нечитающие	Эпизодические читатели	Регулярные читатели	Всего
Посещали мероприятия в качестве зрителей	0,17	0,36	0,50	0,35
Смотрели фильмы, спектакли, музейные выставки и т. д. онлайн	2,54	2,99	4,23	3,32
Занимались спортом, физкультурой	1,46	2,77	3,60	2,66
Проводили время на природе, гуляли	4,20	6,31	8,88	6,58
Смотрели телевизор	23,85	21,97	23,06	22,92
Играли на компьютере, проводили время в интернете	15,36	16,97	19,58	17,40
Работали на приусадебном участке	5,82	4,13	4,46	4,76
Посещали кафе, рестораны, бары	0,30	0,79	1,06	0,73
Встречались с друзьями, родственниками	6,82	5,86	6,95	6,53
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	4,85	4,93	6,29	5,38
Занимались творчеством	0,51	0,93	2,78	1,45
Играли, гуляли с детьми	11,12	13,35	15,08	13,28
Ничего не делали, отдыхали	6,22	6,10	6,60	6,31

Таблица 10

Средняя частота досуговых занятий разных типов читателей в возрасте 41–60 лет, 2016–2021 гг.,
раз в месяц

Досуговые занятия	Нечитающие	Эпизодические читатели	Регулярные читатели	Всего
Посещали мероприятия в качестве зрителей	0,12	0,19	0,29	0,20
Смотрели фильмы, спектакли, музейные выставки и т. д. онлайн	1,39	1,57	2,81	1,92
Занимались спортом, физкультурой	0,84	1,64	2,9	1,79
Проводили время на природе, гуляли	3,69	4,99	7,54	5,40
Смотрели телевизор	25,25	24,82	25,18	25,09
Играли на компьютере, проводили время в интернете	8,85	11,00	14,34	11,38
Работали на приусадебном участке	9,28	7,61	8,07	8,34
Посещали кафе, рестораны, бары	0,13	0,29	0,35	0,26
Встречались с друзьями, родственниками	5,84	5,15	6,40	5,81
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	4,55	4,96	6,05	5,19
Занимались творчеством	0,49	0,96	2,07	1,17
Играли, гуляли с детьми	4,71	5,76	7,69	6,05
Ничего не делали, отдыхали	6,71	6,13	7,16	6,68

Таблица 11

Средняя частота досуговых занятий разных типов читателей в возрасте старше 61 лет, 2016–2021 гг., раз в месяц

Досуговые занятия	Нечитающие	Эпизодические читатели	Регулярные читатели	Всего
Посещали мероприятия в качестве зрителей	0,04	0,07	0,20	0,11
Смотрели фильмы, спектакли, музейные выставки и т. д. онлайн	0,70	1,57	2,09	1,41
Занимались спортом, физкультурой	1,06	1,62	3,06	1,96
Проводили время на природе, гуляли	5,96	6,83	10,20	7,79
Смотрели телевизор	26,90	26,82	27,78	27,21
Играли на компьютере, проводили время в интернете	3,40	5,49	7,47	5,49
Работали на приусадебном участке	10,39	10,21	9,22	9,90
Посещали кафе, рестораны, бары	0,04	0,09	0,23	0,13
Встречались с друзьями, родственниками	4,88	4,79	6,05	5,30
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	4,99	4,99	6,15	5,42
Занимались творчеством	0,27	0,61	1,66	0,89
Играли, гуляли с детьми	3,49	4,33	4,33	4,03
Ничего не делали, отдыхали	11,34	8,90	10,80	10,48

Как можно заметить, во всех возрастных группах лишь один вид досуговой деятельности более характерен для «нечитателей», чем для подвыборки в целом: это работа на приусадебном участке. Причем средняя частота этого занятия с возрастом увеличивается (от 4,4 раза в месяц среди 16–25-летних до 10,4 раза в месяц среди лиц старше 60 лет). Напротив, для активных читателей любого возраста характерна более высокая частота многих досуговых занятий, чем для соответствующей подвыборки в целом: это касается и посещения театров, музеев и т. д., и просмотра фильмов, спектаклей и выставок онлайн, и занятий спортом, и прогулок, и компьютерных игр с посещением интернета, и прогулок по торговым центрам, и творческих занятий, а для среднего возраста — также и занятий с детьми. Практически не связаны с частотой чтения в любом возрасте частота просмотра телевизора, посещения кафе, пассивного отдыха.

Подводя итоги, следует отметить, что во все годы, для которых доступны данные о чтении в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ, мы обнаружили несколько сходных тенденций. Реже читают люди среднего возраста, мужчины, респонденты с более низким уровнем образования, респонденты, не пользующиеся интернетом, родители несовершеннолетних детей, незанятые или имеющие более низкую должность респонденты. Религиозность, этническая принадлежность, место жительства также оказывают влияние на вероятность того, что респондент будет читать чаще. Читающие респонденты с большей вероятностью, чем те, кто не читает, вовлечены в другие досуговые занятия, за исключением работы на приусадебном участке.

Список литературы

Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. с англ. Р. А. Громовой, М. С. Добряковой, с фр. О. И. Кирчик, с нем. А. Ф. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–568. ISBN: 5-8243-0574-9 (в пер.).

Деревянченко А. А., Калинин Д. В. Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 19. DOI: [10.17805/trudy.2019.6.2](https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.2). EDN: [UVBTAT](https://edn.ru/UVBTAT).

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.7

BOOK READERSHIP IN RUSSIA BETWEEN 2009 AND 2021

Yurgelas A.L., Roshchina Ya.M.

Abstract. The article examines the evolution of book readership in Russia between 2009 and 2021. The RLMS-HSE data indicates that the proportion of respondents who almost never read books increased from 20.2 to 33.6% between 2009 and 2021. In 2009, reading e-books was rare with 83.4% of respondents never reading an e-book. A series of ordinal logistic regressions was performed for the years 2009, 2016, and 2021 in order to identify key factors that influenced reading habits of the respondents. The results indicated that men were less likely to read than women. This was also true for middle-aged respondents compared to young people and the elderly. The most avid readers were residents of metropolitan areas (Moscow and St. Petersburg), singles, people with higher education, users of the Internet and social networkers. Those respondents who read regularly were more likely to attend entertainment events (theaters, museums, etc.), participate in various creative activities, visit shopping malls, play video games, spend time on the Internet, and participate in sports. The fact that avid readers were involved in so many leisure activities can be explained by the age difference between the readers and the general population. The former tend to be younger than the latter. To investigate this further, we calculated the average frequency of various leisure activities for the respondents of different ages with different reading habits. In all age groups, there was only one type of leisure activity that was more common among those respondents who never read compared to the rest of the sample. This was gardening. In contrast, avid readers of all ages participated in almost all the aforementioned leisure activities. For the middle-aged readers, frequent leisure activities also included time spent with children. There was virtually no relationship between reading and such leisure activities as watching television, going to cafés, and relaxing.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, reading, leisure activities

References

Burd'ye P. Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya (fragmenty knigi) // Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki / Sost. i nauch. red. V. V. Radayev; per. s angl. R. A. Gromovoy, M. S. Dobryakovoy, s fr. O. I. Kirchik, s nem. A. F. Filippova. M.: ROSSP·EN, 2004. S. 537–568. ISBN: 5-8243-0574-9 (v per.).

Derevyanchenko A. A., Kalinin D. V. Tsifrovoye obshchestvo: novyye vozmozhnosti i staryye ugrozy // Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 6. S. 19. DOI: [10.17805/trudy.2019.6.2](https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.2). EDN: [UVBTAT](https://edn.ru/UVBTAT).

Халиков К.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЯН В 2016 И 2018 гг.

doi: 10.19181/rfms-hse.2024.8

Аннотация: В статье проанализирован ряд показателей, отражающих объем и распределение социального капитала в российском обществе. В статье использованы данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2016 и 2018 гг., когда в обследование включались специальные блоки вопросов о социальном капитале. Как свидетельствуют данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, между 2016 и 2018 гг. обобщенное доверие оставалось на прежнем уровне. Около 44,5% россиян считали, что людям в принципе нельзя доверять, еще 40% полагали, что людям можно доверять в зависимости от обстоятельств. В то же время росло доверие к ближайшему кругу общения – к родственникам и друзьям. Между 2016 и 2018 гг. выросло число респондентов, полагавших, что они могут обратиться к родственникам и друзьям за советом и помощью, включая материальную помощь. При этом круг близких друзей сузился. Среди респондентов увеличилась доля тех, кто имеет 1–3 друзей, и одновременно упали доли тех, кто не имеет друзей вовсе, и тех, кто имеет более 20 друзей. Близких друзей в среднем больше у женщин, молодых людей до 25 лет, людей с высшим образованием и горожан. Женщины и молодые люди также являются более активными пользователями социальных сетей и имеют там больше друзей. Сельские жители, хотя и менее активно используют социальные сети, также имеют в соцсетях больше друзей по сравнению с горожанами. В целом россияне предпочитают отечественные социальные сети. В 2018 г. совокупная аудитория социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» достигла 94,2% всех респондентов. Несмотря на сравнительно узкий круг общения, россияне не чувствуют себя одинокими. Между 2016 и 2018 гг. доля тех, кто практически никогда не чувствовал себя одиноким, выросла с 56,8 до 62,3%. В 2018 г. доля тех, кто практически никогда не чувствовал себя одиноким, была выше среди мужчин и людей с высшим образованием. Есть основания полагать, что высшее образование в России позволяет людям создавать и, вероятно, эффективно поддерживать более широкий круг близких контактов.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, социальный капитал, социальные связи, обобщенное доверие, социальные сети, одиночество

Владеть социальным капиталом желательно, так как он представляет из себя ресурс, который можно впоследствии конвертировать в другие виды ресурсов и благ, прежде всего — экономические¹. Как показывают более ранние исследования, на микроуровне социальный капитал положительно влияет на уровень дохода, образовательные результаты, уровень счастья и удовлетворенность жизнью². На макроуровне социальный капитал положительно влияет на состояние гражданского общества, экономический рост, бизнес-активность³.

Понятие социального капитала широко распространено в социальных науках, а его исследователи пользуются множеством подходов, из-за чего дать единственное определение социального капитала затруднительно. В общем случае социальный капитал — это друзья, коллеги и другие люди, благодаря которым у человека появляется возможность использовать свой финансовый и человеческий капитал⁴. Определения социального капитала подчеркивают его способность быть конвертируемым, прежде всего — в экономический капитал. Социальный капитал влияет на возможности трудоустройства и, следовательно, на экономический рост⁵. Иными словами, социальный капитал включает в себя фактически ресурсы (социальная сеть), которые можно мобилизовать непосредственно через сеть контактов. Сама же сеть объединена семейными, экономическими, дружескими, политическими, спортивными и иными связями⁶.

В целом мы можем выделить три теоретических подхода к измерению социального капитала. *Сетевой подход Марка Грановеттера* сфокусирован на преимуществе слабых связей (теория слабых связей)⁷. Сильные связи представлены первичным социальным кругом общения, который включает наиболее близких людей в окружении человека и людей, с кем он постоянно и стабильно контактирует. Слабые связи как вторичный круг общения включают случайных знакомых, с которыми нет постоянного контакта и регулярного общения. Люди из вторичного круга общения принадлежат к разным непересекающимся социальным группам, в результате у человека расширяется круг знакомств и появляется доступ к экс клю-

¹ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32.

² Narayan D. Voices of the poor: poverty and social capital in Tanzania. Washington, DC: The World Bank, 1997. 80 p.; Jensen D. H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 126; Helliwell J. Social capital, the economy and well-being // The Review of Economic Performance and Social Progress 2001: The Longest Decade: Canada in the 1990s / Ed. by A. Sharpe, K. Banting, F. St-Hilaire. Montreal: Centre for the Study of Living Standards, The Institute for Research on Public Policy, 2021. Vol. 1. P. 43–60.

³ Dasgupta P. Social capital and economic performance: Analytics // Critical Writings in Economic Institutions: Foundations of Social Capital / Ed. by E. Ostrom, T. K. Ahn. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. P. 309–339; Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth? // European Economic Review. 2015. Vol. 77. P. 47–64; Halpern D. Social capital. Cambridge: Polity Press, 2005. 388 p.

⁴ Burt R. The network structure of social capital // Organizational Behavior. 2000. No 22. P. 345–423.

⁵ Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16, № 4. С. 160–180.

⁶ Там же.

⁷ Granovetter M. S. The strength of weak ties // American journal of sociology. 1973. Vol. 78, No 6. P.1360–1380.

живной информации. В настоящем исследовании слабые связи, то есть нерегулярные контакты и неблизкие знакомые, можно будет замерить через вопросы о друзьях в соцсетях, количестве используемых цифровых платформ и включенности в различные сообщества.

Ключевой чертой социального капитала в рамках сетевого подхода является его способность проявляться через «силу слабых связей». М. Грановеттер подчеркивает, что для трудоустройства дальние знакомые более ценны, чем близкие друзья, поскольку последних мы знаем слишком хорошо, в то время как знакомые могут распространять информацию среди более широкого круга лиц. Этот подход к поиску работы снижает временные затраты на найм как для работодателя, так и для соискателя. Различные исследования подтверждают, что найм через профессиональные сети характеризуется более высокой долей успешного трудоустройства, повышенной удовлетворенностью работой и уменьшением вероятности последующего увольнения¹.

Теория структурных дыр Рональда Барта предполагает, что различные социальные группы могут не пересекаться между собой, создавая «дыры», или «отверстия»². При этом каждая группа представляет собой определенный канал эксклюзивной информации и поэтому выгодно установить «мост» между группами, чтобы расширить информационные потоки. При этом не обязательно сближаться, сохраняя слабые связи. Сети, богатые структурными дырами, в меньшей степени обеспечивают уникальный и своевременный доступ к информации. Для таких сетей важна роль посредника. Барт называет посредником человека, который «латает дыры». Он оказывает посреднические услуги по взаимодействию между двумя группами, служит «мостом». В результате посредник обретает сравнительно большую ценность, быть посредником становится выгодно для приобретения новой информации и расширения сети знакомств. Этот подход больше ориентирован на исследование конкретного сообщества.

В своей *теории социальных ресурсов Хан Лин* выделяет две разновидности социального капитала: потенциальный и мобилизованный³. Первый отражает общий объем ресурсов в социальной сети для потенциального использования в будущем. Мобилизованный социальный капитал представляет собой уже использованные ресурсы. Разница между ними заключается в измерении потенциала и фактического использованного социального капитала. Структурный характер социального капитала, определяющий неравный доступ к ресурсам и стремление к гомофилии социальных групп, где людей привлекают те, кто похож на них, создает условия для изоляции и замыкания группы на самой себе, в результате чего взаимодействие привилегированных и менее привилегированных групп ограничено. Последним не предоставляется доступ к различным благам, таким как эксклюзивная информация, возможности для общения и образование. Эта ситуация лишь усугубляет социальное неравенство и продолжает его цементировать.

¹ Granovetter M. Getting a job: a study of contacts and careers. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 259 p.; Datcher L. The impact of informal networks on quit behavior // Review of Economics and Statistics. 1983. No 65. P. 491–495.

² Burt R. S. Structural holes: The social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 324 p.

³ Lin N. Building a network theory of social capital // Connections. 1999. Vol. 22, No 1. P. 28–51.

Нан Лин предложил классифицировать социальный капитал по целям его использования. Он выделил инструментальные и экспрессивные цели¹. Первые связаны с личной выгодой, вторые — с чувством солидарности. Предположительно, люди будут преследовать личную выгоду при взаимодействии с людьми из вторичных социальных групп, тогда как чувство солидарности может проявляться при взаимодействии с людьми из первичной социальной группы или с теми, кто схож с ними по различным социально-демографическим характеристикам.

В рамках данной работы мы изучаем социальный капитал с точки зрения ресурсного подхода Н. Лина², в рамках которого человек может получить доступ к ресурсам с помощью сети личных контактов. В этой связи особый интерес вызывает вопрос, как часто и какую помощь человек может получить от своего окружения. Также мы следуем за Р. Патнэмом³, рассматривая накопленный уровень социального капитала как индивидуальное благо. Мы предполагаем, что каждый человек обладает уникальной диспозицией жизненного опыта, количества знакомств, навыков общения. С нашей точки зрения, индивидуальный социальный капитал несводим к уровню социальной группы, к которой принадлежит индивид, потому что человек может состоять в разных социальных группах, взаимодействуя с людьми из самых разных окружений.

Эмпирической базой исследования выступают данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Выбраны волны обследования за 2016 и 2018 гг., так как в них включен специальный перечень дополнительных вопросов, направленных на измерение социального капитала. Они касаются социальных сетей в офлайн- и онлайн-формате, а также таких социальных ресурсов, как возможность получить помощь в форме совета или взятия. При этом данные имеют определенные ограничения. В обследовании отсутствуют вопросы о членстве в различных НКО, доверии политическим и гражданским институтам, волонтерстве. Таким образом, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют измерить только определенные виды социального капитала.

В выборку настоящего исследования вошли респонденты в возрасте от 18 до 60 лет. Мы полагаем это оправданным, так как рассматриваем социальные связи, а среди людей до 18 лет связи не развиты сильно или не стали достаточно устойчивыми, а после 60 лет начинается период активного выхода на пенсию и потенциального «угасания» социальных связей. Объем выборки за 2016 и 2018 гг. вместе составил 21 345 человек.

Пользование интернетом

Мы исходим из того, что интернет выступает каналом накопления новых социальных связей. Он позволяет создавать новые сети знакомств, используя цифровые социальные сети, улучшать свои компетенции, поэтому для социального

¹ Lin N. A network theory of social capital // The Handbook of Social Capital / Ed. by D. Castiglione, J. W. van Deth, G. Wolleb. New York: Oxford University Press, 2008. P. 50–69.

² Ibid.

³ Putnam R. D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2000. 541 p.

капитала важно взаимодействие в интернете. Цифровое пространство создает цифровую идентичность и новую среду для взаимодействия, поэтому есть смысл разделять социальные сети на «онлайн» и «офлайн». С развитием онлайн-сетей появилась возможность формировать большее число знакомств, чем при очном взаимодействии. Стало возможным заводить знакомства даже с теми, с кем индивид не знаком лично.

Интернет среди россиян крайне распространен. Согласно данным Росстата, в 2018 г. 81 россиянин из 100 пользовался интернетом. В 2016 г. этот показатель был равен 73, а в 2023 г. — уже 92¹. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, аналогичный показатель для 2016 г. выше на 6 человек (79 из 100 респондентов пользовались интернетом), а для 2018 г. выше почти на три человека (около 84 из 100 респондентов). Расхождение обусловлено введенными нами возрастными ограничениями для данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (табл. 1). Положительная тенденция очевидна. Предположительно, рост числа пользователей интернета может быть связан с распространением новых форм социальности и новых форм социального капитала.

Таблица 1

Доля пользовавшихся интернетом хотя бы раз за последние 12 месяцев, 2016–2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Год	Доля пользователей
2016	79,05
2017	80,99
2018	83,73

Доля респондентов, пользующихся интернетом, возрастает по мере повышения уровня полученного образования (табл. 2).

Среди респондентов, окончивших курс начальной школы и неполный курс средней школы, доля пользователей составляет 67%. В то же время среди людей с высшим образованием доля пользователей достигает 97%.

Пользование интернетом также связано с возрастом респондентов. Среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет в 2018 г. 97% пользовались интернетом хотя бы раз за последний год. Чем старше респондент, тем с меньшей вероятностью он пользовался интернетом за последний год. Например, среди россиян в возрасте от 55 до 60 лет таких только 58%. При этом включенность молодых людей в цифровую среду не мешает им формировать социальные связи офлайн. Как показало исследование социальных контактов молодежи в период пандемии коронавируса², социальные сети онлайн не разрушают имеющиеся связи, не ведут к уменьшению их интенсивности, не являются единственным вариантом взаимодействия с другими людьми, они скорее дополняют уже имеющиеся офлайн-сети.

¹ Численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения: показатель // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. 28.03.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.8.xlsx (дата обращения: 02.07.2024).

² Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403–426.

Сельские жители в 2018 г. отставали от горожан по доле пользующихся интернетом: 74% против 88% соответственно. Это может быть связано как с отсутствием необходимой технологической инфраструктуры, так и с иными досуговыми, культурными практиками. Возможно, жители села – более возрастные люди, поэтому они менее охотно проникают в цифровое пространство. Также заметны различия по половому признаку: интернетом чаще пользуются женщины, чем мужчины (85% против 81%).

Таблица 2

Доля пользовавшихся интернетом хотя бы раз за последние 12 месяцев, по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2018 г., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Доля пользователей интернета
Пол	
Мужской	81,50
Женский	85,59
Возраст, лет	
18–24	97,36
25–34	94,12
35–44	88,56
45–54	74,53
55–60	58,29
Уровень образования	
Начальное и неполное среднее	67,64
Среднее специальное и неполное высшее	82,61
Высшее (включая ученую степень)	97,33
Тип населенного пункта	
Город	88,10
Село, ПГТ	74,26

Более высокая активность в интернете и, как будет показано ниже, более широкий круг знакомств отражаются на уровне социального капитала. Например, у женщин и жителей городов может быть больше «слабых» связей. Возможно, женщины более социально активны и из-за этого уровень их социального капитала выше. Такое положение вещей можно попытаться объяснить и через концепцию сексуального капитала. Судя по исследованиям, сделанным на американских данных, женщины в среднем в большей степени, чем мужчины, обладают сексуальным капиталом¹.

Социальные сети онлайн

Социальные сети онлайн являются одним из основных средств коммуникации россиян в цифровом пространстве. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленным в таблице 3, доля тех, кто пользовался социальными сетями практически каждый день, выросла с 61% в 2016 г. до 64% в 2018 г.

¹ Павлов А. В. Сексуальный капитал // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 4. С. 112–133.

Таблица 3

Частота посещения социальных сетей за последние 12 месяцев, 2016 и 2018 гг.,
в % от тех, кто пользовался интернетом в возрасте 18–60 лет¹

Частота посещения социальных сетей	2016	2018
Раз в год или реже	0,36	0,15
Несколько раз в год	1,28	0,88
Раз в месяц	2,53	1,63
2–3 раза в месяц	6,59	5,73
1–2 раза в неделю	28,73	27,74
Практически каждый день	60,51	63,87

При этом с 2016 по 2018 г. россияне стали больше времени уделять отечественным социальным сетям (табл. 4).

Таблица 4

Доля пользователей социальных сетей за последние 12 месяцев, по социальным сетям, 2016 и 2018 гг.,
в % от тех, кто пользовался интернетом в возрасте 18–60 лет

Социальная сеть	2016	2018
Одноклассники	42,70	46,49
ВКонтакте	41,79	47,67
Фейсбук ²	9,00	10,09
Живой журнал	1,49	1,30
Твиттер ³	2,95	2,53

С 2016 по 2018 г. на 4 п.п. выросла доля посетителей «Одноклассников», на 6 п.п. — доля посетителей «ВКонтакте». В то же время доля пользователей «Фейсбука» выросла всего на 1 п.п., а доля пользователей «Твиттера» и «Живого Журнала» практически не изменилась. Принимая во внимание то, что иностранные социальные сети не пользуются у россиян достаточной популярностью, при изучении социального капитала мы сосредоточимся на российских платформах «ВКонтакте» и «Одноклассники», предполагая, что именно они позволяют аккумулировать социальный капитал, предоставляя доступ к более широкому русскоязычному сообществу.

В таблице 5 приведены данные о том, как давно респонденты начали пользоваться социальной сетью, которую посещают чаще всего.

В 2018 г. почти половина мужчин (45%) и около трети женщины (32%) начали пользоваться любимой социальной сетью год назад и менее. В то же время 18% женщин пользуются любимой социальной сетью от 2 до 5 лет, 27% — от 6 до 9 лет, 23% — более 10 лет. Возможно, больший разброс среди женщин связан с тем, что до конца 2010-х гг. мужчины были меньше вовлечены в посещение социальных сетей.

¹ Здесь и далее учитывается посещение одной наиболее популярной у респондента социальной сети.

² Сеть заблокирована в Российской Федерации в 2022 г. Компания Meta, владелец социальной сети Facebook, признана в Российской Федерации экстремистской организацией и запрещена в 2022 г.

³ Сеть заблокирована в Российской Федерации в 2022 г. на основании статьи 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно лет назад Вы впервые стали пользоваться социальной сетью?», по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2018 г., в % от тех, кто пользовался интернетом в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Варианты ответов			
	Год назад и менее	2–5 лет назад	6–9 лет назад	10 лет назад и более
Пол				
Мужской	44,64	14,36	21,38	19,62
Женский	31,59	18,28	26,63	23,50
Возраст, лет				
18–24	11,58	28,55	39,60	20,07
25–34	19,81	13,86	31,85	34,48
35–44	35,87	15,94	23,22	24,97
45–54	54,86	15,67	16,53	12,94
55–60	66,25	13,55	11,83	8,37
Уровень образования				
Начальное и неполное среднее	53,46	17,68	18,83	10,03
Среднее специальное и неполное высшее	38,10	18,32	25,28	18,30
Высшее (включая ученую степень)	24,65	12,78	26,69	35,88
Тип населенного пункта				
Город	32,67	15,47	25,88	25,98
Село, ПГТ	48,01	18,76	20,72	12,51

Как видно из данных, приведенных в таблице 6, большинство россиян пользуются любимой социальной сетью почти каждый день.

Таблица 6

Частота посещения социальных сетей за последние 12 месяцев, по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2018 г., в % от тех, кто пользовался интернетом в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Частота посещения социальных сетей			
	Раз в месяц и реже	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Почти каждый день
Пол				
Мужской	3,03	6,45	29,65	60,87
Женский	2,41	5,23	26,43	65,93
Возраст, лет				
18–24	0,54	1,52	13,26	84,68
25–34	1,47	4,33	25,13	69,07
35–44	3,32	6,60	32,72	57,36
45–54	5,27	8,97	35,52	50,24
55–60	4,24	10,50	35,17	50,09

Продолжение таблицы 6

Социально-демографические характеристики	Частота посещения социальных сетей			
	Раз в месяц и реже	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Почти каждый день
Уровень образования				
Начальное и неполное среднее	2,50	4,86	28,16	64,48
Среднее специальное и неполное высшее	2,02	5,52	28,33	64,13
Высшее (включая ученую степень)	3,65	6,41	26,79	63,15
Тип населенного пункта				
Город	2,96	5,31	26,37	65,36
Село, ПГТ	1,82	6,89	31,52	59,77

Доля ежедневных посетителей социальных сетей выше среди женщин (66% среди женщин против 61% среди мужчин); россиян в возрасте от 18 до 24 лет (84%); горожан (65%). Частота посещений социальных сетей снижается с увеличением возраста, жители сел реже посещают социальные сети, чем горожане.

У женщин в среднем больше друзей в социальных сетях, чем у мужчин. От 101 до 200 друзей имеют 21% женщин и 18% мужчин. Более 200 друзей имеют 14% женщин и 12% мужчин. Менее 10 друзей имеют 13% мужчин и 11% женщин (табл. 7).

Таблица 7

Количество друзей в социальных сетях за последние 12 месяцев, по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2018 г., в % от тех, кто пользуется интернетом в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Количество друзей в социальных сетях					
	< = 10	11–20	21–50	51–100	101–200	201+
Пол						
Мужской	13,34	11,28	19,57	25,84	17,71	12,26
Женский	10,96	10,52	19,11	24,90	20,64	13,87
Возраст, лет						
18–24	8,57	7,74	14,73	27,96	23,77	17,23
25–34	11,36	7,68	14,89	25,97	22,63	17,47
35–44	12,63	11,74	22,02	24,53	18,07	11,01
45–54	15,08	16,26	23,51	24,07	13,12	7,93
55–60	12,53	16,24	28,96	21,72	14,87	5,68
Уровень образования						
Начальное и неполное среднее	12,52	11,62	22,89	24,68	18,02	10,27
Среднее специальное	11,81	10,88	18,81	25,88	19,70	12,92
Высшее	11,80	10,39	18,23	24,79	19,80	14,99
Тип населенного пункта						
Город	13,83	11,72	18,59	24,14	18,31	13,41
Село, ПГТ	6,75	8,41	21,22	28,38	22,54	12,70

В целом можно предположить, что женщины обладают бóльшим полем социальных знакомств. Они не только чаще проводят время в интернете, но и владеют бóльшим количеством контактов в социальной сети, которые потом потенциально могут конвертировать в иные ресурсы.

Чем моложе респондент, тем больше у него друзей в социальных сетях. Доля респондентов, имеющих от 101 до 200 друзей в социальных сетях, убывает с 24% в группе 18–24-летних до 13% в группе 45–54-летних, но затем снова увеличивается до 15% среди респондентов в возрасте от 55 лет до 64 лет. Возможно, более молодые люди легче заводят знакомства или эти знакомства носят менее «тесный» характер. В то же время еще не все возрастные респонденты успели зарегистрироваться в социальных сетях.

Можно ли доверять другим?

Одним из способов операционализации социального капитала служит доверие другим, или обобщенное доверие. Р. Патнэм выделял доверие как один из типов социального капитала¹. В рамках обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ обобщенное доверие измеряется с помощью вопроса: «Считаете ли Вы, что...» с вариантами ответов «В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным»; «И то, и другое, в зависимости от человека, условий»; «Большинству людей можно доверять».

Данные, представленные в таблице 8, свидетельствуют, что на протяжении 2016–2018 гг. распределение ответов на данный вопрос было сравнительно стабильным с небольшими колебаниями. И в 2016, и в 2018 г. около 15% респондентов соглашались, что большинству людей можно доверять. При этом в 2018 г. по сравнению с 2016 г. на 2 п.п. уменьшилась доля тех, кто считает, что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным.

Таблица 8

Динамика распределения ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?», 2016–2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2017	2018
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	44,39	42,01	44,63
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	39,94	43,67	40,05
Большинству людей можно доверять	15,67	14,32	15,32

В целом в обществе не происходило каких-либо значительных изменений, которые могли бы повлиять на уровень обобщенного доверия, поэтому доли ответов остаются приблизительно одинаковыми. Рассматривая уровень обобщенного доверия как операционализацию социального капитала, можно предположить, что и объем социального капитала оставался стабильным на протяжении 2016–2018 гг.

Из данных, представленных в таблице 9, видно, что доли женщин и мужчин, считающих, что большинству людей можно доверять, примерно равны (16 и 15% соответственно). При этом наблюдаются различия, связанные с возрастом.

¹ Putnam R. D. Op. cit.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?», по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2018 г., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Варианты ответов		
	Всегда быть осторожным	По ситуации	Всегда доверять
Пол			
Мужской	44,73	40,37	14,90
Женский	44,54	39,78	15,68
Возраст, лет			
18–24	40,99	40,10	18,91
25–34	44,02	40,81	15,17
35–44	45,87	40,00	14,13
45–54	45,08	40,01	14,91
55–60	45,70	38,80	15,50
Уровень образования			
Начальное и неполное среднее	43,67	36,87	19,46
Среднее специальное и неполное высшее	45,97	40,67	13,36
Высшее (включая ученую степень)	43,27	41,38	15,35
Тип населенного пункта			
Город	45,94	40,98	13,08
Село, ПГТ	41,76	38,01	20,23

Если среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет 19% считают, что другим людям можно доверять, в возрасте от 55 до 60 лет так считают 15% респондентов. Степень доверия различается в зависимости от уровня образования. Респонденты, окончившие только начальную школу или имеющие неполное среднее образование, доверяют окружающим в 19% случаев. Среди респондентов со средним специальным образованием доля таких людей равна 13%, среди респондентов с высшим образованием – 15%. Горожане меньше доверяют окружающим, чем жители сел (13% против 20%). Это можно связать с тем, что в городе выше уровень атомизации и больше незнакомых людей. В результате в городе ниже уровень обобщенного доверия, но зато может быть выше уровень ранее упомянутых «слабых» связей.

В таблице 10 представлено распределение ответов работающих респондентов на вопрос о доверии коллегам и руководителям предприятий.

Между 2016 и 2018 гг. уровень доверия руководству колебался незначительно. Доля тех, кто полностью доверял, увеличилась с 16% в 2016 г. до 20% в 2017 г., но затем вновь снизилась до 17% в 2018 г. Доля тех, кто скорее доверял, колебалась в районе 50%. Доля тех, кто не доверял совсем, практически не менялась, оставаясь около 3%. Доля респондентов, полностью доверяющих своим коллегам, также выросла с 17% в 2016 г. до 24% в 2017 г., а затем снизилась до 22% в 2018 г. Доля тех, кто совсем не доверял коллегам, оставалась стабильной и не превышала 1% респондентов.

Таблица 10

Динамика распределения ответов на вопрос: «В какой степени Вы доверяете..?», 2016–2018 гг.,
в % от занятых в возрасте от 18 до 60 лет

Варианты ответов	2016	2017	2018
Руководству вашего предприятия			
Полностью доверяю	15,81	19,98	16,90
Скорее доверяю	51,62	49,25	51,51
И да, и нет	20,63	19,29	20,72
Скорее не доверяю	6,97	6,30	6,26
Совсем не доверяю	3,02	3,02	2,92
Затрудняюсь ответить	1,43	1,52	1,30
К респонденту не относится	0,52	0,64	0,39
Людям, с которыми Вы вместе работаете, Вашим коллегам			
Полностью доверяю	19,66	24,01	22,39
Скорее доверяю	59,06	55,94	58,74
И да, и нет	16,46	15,17	14,53
Скорее не доверяю	2,50	2,73	2,40
Совсем не доверяю	0,97	0,94	0,95
Затрудняюсь ответить	0,89	0,91	0,78
К респонденту не относится	0,46	0,30	0,21

Взаимопомощь

С точки зрения экономической социологии социальный капитал должен конвертироваться в иные блага¹. Одним из механизмов конвертации может выступать взаимопомощь. Помощь может быть оказана в форме совета, оказания услуг или материальной помощи. За советом в трудной жизненной ситуации россияне обращаются, прежде всего, к родственникам, проживающим с ними в одном домохозяйстве, родственникам, живущим отдельно, близким друзьям. Далее с большим отрывом следуют коллеги (табл. 11). Таким образом, можно сказать, что совета россияне ожидают от ближайшего круга общения – кровных родственников и близких друзей, – и эта ситуация мало изменилась между 2016 и 2018 гг., хотя уровень уверенности в том, что такая помощь будет оказана, несколько вырос.

За помощью в случае болезни (просьба купить лекарства или оказать другую помощь) россияне также предпочитают обращаться к родственникам, проживающим вместе с ними или отдельно от них, а также к друзьям. Значительно ниже доля тех, кто уверен, что сможет в такой ситуации обратиться к коллегам. Между 2016 и 2018 гг. доля респондентов, рассчитывающих получить помощь от проживающих совместно родственников, выросла с 87 до 90%; доля тех, кто рассчитывает

¹ Радаев В. В. Указ. соч.

на живущих отдельно родственников, увеличилась с 74 до 76%; доля тех, кто рассматривает на друзей, выросла с 60 до 65% (табл. 12). Также заметно увеличилась доля тех, кто может попросить помощи у соседей, она выросла с 16,9 до 19,1%.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что Вам нужен совет в трудной жизненной ситуации. К кому Вы сможете обратиться за советом?», 2016 и 2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2018
К родственникам, проживающим в том же домохозяйстве	83,62	86,77
К родственникам, живущим отдельно	77,54	80,20
К близким друзьям	67,95	73,40
К знакомым	12,32	12,38
К соседям	8,89	10,87
К коллегам по работе, в том числе бывшим	22,22	24,11
В чаты, блоги, в социальные сети типа «Одноклассники» и др.	5,71	4,50
В общественные организации, церковь, к платным помощникам	2,64	3,18
К другим людям	1,43	1,34
Не будет обращаться ни к кому	1,12	2,04
Не к кому обратиться	0,31	0,25

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Представьте не очень приятную ситуацию — Вы заболели и Вам нужно купить лекарство или нужна другая помощь. К кому Вы сможете обратиться?», 2016 и 2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2018
К родственникам, проживающим в том же домохозяйстве	87,22	90,02
К родственникам, живущим отдельно	74,09	75,52
К близким друзьям	60,31	64,50
К коллегам по работе, в том числе бывшим	23,05	23,25
К соседям	16,95	19,19
К знакомым	15,37	13,02
К блогерам, в чаты, к пользователям социальных сетей типа «Одноклассники» и др.	2,59	2,19
В общественные организации, церковь, к платным помощникам	1,23	1,28
К другим людям	1,23	1,28

Если бы возникла необходимость взять в долг около 20% своего ежемесячного дохода, то респонденты в первую очередь обратились бы к родственникам, живущим отдельно, затем к родственникам, проживающим в том же домохозяйстве, и, наконец, к друзьям (табл. 13). Причины, по которым россияне предпо-

читают занимать у тех, кто не проживает с ними в одном домохозяйстве, могут крыться как в самой природе реципрокности¹, так и в потребности в анонимности при совершении займов².

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что Вам нужно занять не слишком большую сумму денег, примерно 20 процентов Вашего ежемесячного дохода, на текущие расходы.

Вы сможете попросить в долг у..?», 2016 и 2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2018
У родственников, проживающих в том же домохозяйстве	61,33	71,03
У родственников, живущих отдельно	69,81	78,44
У близких друзей	66,00	64,85
У знакомых	10,26	10,78
У соседей	10,70	14,08
У коллег по работе, в том числе бывших	21,37	24,05
У блогеров, пользователей чатов, социальных сетей типа «Одноклассники» и др.	1,00	0,85
У других людей	0,82	0,98

Примечательно, что между 2016 и 2018 гг. доля тех, кто предпочитает занимать у друзей, практически не изменилась. Доля тех, кто предпочитает занимать у родственников, напротив, выросла на 10 п.п., если речь шла о родственниках, проживающих совместно с респондентом, и на 8 п.п., если речь шла о живущих отдельно родственниках. Также на 3 п.п. увеличилась доля тех, кто мог бы обратиться за помощью к соседям и к коллегам по работе, в том числе бывшим.

Сообщества

На накопление социального капитала может влиять количество социальных сетей, в которые включен человек. Чтобы обзаводиться составляющими социальными сетями контактами, необходимо вступать в сообщества. Одним из распространенных типов сообществ являются религиозные объединения. Так, Р. Патнэм характеризовал членство в религиозных сообществах как один из типов социального капитала³.

Мы видим, что доля респондентов, посещающих религиозные службы, религиозные собрания и другие религиозные мероприятия, была относительно стабильна в 2016–2018 гг. (табл. 14).

¹ Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. Теория и практика реципрокности: препринт WP4/2004/02 / С. Ю. Барсукова; Государственный университет «Высшая школа экономики». М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

² Юдин Г. Б. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. 2015 № 3. С. 28–45.

³ Putnam R D. Op. cit.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Посещаете ли Вы религиозные службы, собрания или другие религиозные мероприятия? Если да, то как часто?», 2016–2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2017	2018
Никогда не посещаю	25,61	25,00	24,02
Реже, чем раз в год	15,79	15,49	16,18
Раз в год	16,25	15,46	14,79
Несколько раз в год	33,51	33,95	36,08
Раз в месяц	3,85	3,80	3,45
2–3 раза в месяц	2,32	2,20	2,42
Раз в неделю или чаще	1,45	1,56	1,51
Затрудняюсь ответить	1,22	2,54	1,54

Как видно из таблицы 15, соотношение верующих, неверующих и атеистов достаточно стабильно. Хотя на таких коротких промежутках времени трудно ожидать значительных изменений. Скорее можно предположить, что религиозные сообщества в 2018 г. мало изменились по своему составу по сравнению с 2016 г.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «А каково Ваше отношение к религии?», 2016–2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2017	2018
Вы верующий человек	26,80	29,50	27,34
Вы скорее верующий, чем неверующий человек	50,03	46,41	49,58
Вы скорее неверующий, чем верующий человек	14,74	14,85	14,27
Вы неверующий человек	5,63	6,15	6,13
Вы атеист	2,80	3,09	2,67

С одной стороны, между 2016 и 2018 гг. у россиян стало больше близких друзей, с другой – произошло сужение доверительного круга знакомств. Так, доля тех, у кого от одного до трех близких друзей, выросла с 35 до 40%, а доля тех, у кого до двадцати близких друзей, не изменилась (около 37%). При этом снизилась как доля тех, у кого нет друзей, с 16 до 13%, так и тех, у кого более 20 близких друзей, – с 12 до 10% (табл. 16). То есть россияне стали более сфокусированными на ближайшем круге знакомств, что может усиливать сильные связи, но способствовать деградации слабых.

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно человек Вы можете назвать своими близкими друзьями?», 2016 и 2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2018
Нет друзей	15,56	12,80
1–3 друга	35,34	39,67
До 20 друзей	36,84	37,15
От 21 друга и более	12,26	10,38

Как видно из данных за 2018 г., представленных в таблице 17, женщины чаще, чем мужчины, имеют от 4 до 20 близких друзей (38,5 против 35,4%). С увеличением возраста число близких друзей снижается. Доля респондентов, не имеющих близких друзей, возрастает с 6,2% среди респондентов 18–24 лет до 20,7% среди респондентов 55–60 лет. Здесь, правда, нужно учитывать, что возможны возрастные различия в определении близких друзей. Также в более молодом возрасте легче заводить новые контакты и поддерживать регулярную связь. Число близких друзей растет с увеличением уровня образования. Так, доля респондентов, имеющих от 4 до 20 близких друзей, возрастает с 29,5 до 44,7% с каждой следующей ступенью оконченого образования. Поскольку у респондентов с высшим образованием в целом шире круг близких друзей, можно говорить о том, что пребывание в университете способствует накоплению социальных связей. Доля респондентов, имеющих от 4 до 20 друзей, также выше среди горожан по сравнению с жителями сельской местности (41,2% против 28%). Горожане аккумулируют больше социальных контактов, чем жители села, что открывает им больше возможностей для формирования социального капитала через участие в сообществах и приобретение новых знакомств.

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно человек Вы можете назвать своими близкими друзьями?», по полу, возрасту, уровню образования и месту жительства, 2018 г., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Варианты ответов			
	Нет друзей	1–3 друга	До 20 друзей	От 21 друга и более
Пол				
Мужской	13,73	39,96	35,44	10,87
Женский	12,03	39,44	38,57	9,97
Возраст, лет				
18–24	6,22	36,16	43,73	13,89
25–34	8,74	39,16	41,80	10,30
35–44	12,30	40,83	37,16	9,71
45–54	16,82	40,61	32,39	10,18
55–60	20,76	40,01	30,10	9,13
Уровень образования				
Начальное и неполное среднее	19,91	39,91	29,50	10,68
Среднее специальное и неполное высшее	13,16	40,92	35,80	10,12
Высшее (включая ученую степень)	7,11	37,61	44,71	10,55
Тип населенного пункта				
Город	10,28	39,67	41,23	8,82
Село, ПГТ	18,42	39,68	28,04	13,86

Одиночество

Одиночество может быть хорошим индикатором плотности социальных связей. Если человек изолирован, а общество в целом атомизировано, то человек чаще будет ощущать одиночество. Чувство одиночества может выступать индикатором социального капитала, так как может говорить не только об отсутствии связей, но и о невозможности накапливать и использовать социальный капитал.

Больше половины россиян практически никогда не испытывают чувство одиночества. Доля тех, кто не испытывает одиночества практически никогда, выросла с 57% в 2016 г. до 60% в 2017 г. и до 62% в 2018 г. (табл. 18). Доля тех, кто испытывает одиночество редко, напротив, снизилась с 33 до 29% между 2016 и 2018 гг.

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Вы испытываете чувство одиночества?», 2016–2018 гг., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Варианты ответов	2016	2017	2018
Практически всегда	1,82	1,47	1,43
Часто	7,90	7,92	6,42
Редко	32,58	29,26	29,00
Практически никогда	56,79	60,34	62,33
Затрудняюсь ответить	0,91	1,01	0,82

Вероятно, мы наблюдаем положительную динамику, когда россияне приобретают все больше социальных связей и реже начинают чувствовать одиночество (хотя нельзя исключать, что это протсходит по иным причинам). Это соответствует наблюдениям об увеличении числа близких друзей и о достаточно стабильных сетях взаимопомощи в рассматриваемые годы.

Как видно из таблицы 19, мужчины в целом реже женщин испытывают чувство одиночества.

Так, доля мужчин, почти никогда не испытывающих чувство одиночества, на 5 п.п. больше, чем доля женщин (65,2% против 60%). Напротив, женщины чаще мужчин испытывают чувство одиночества редко (30,6% против 27,1%). Респонденты с высшим образованием реже испытывают чувство одиночества по сравнению с теми, у кого уровень образования ниже. Это может быть связано с тем, что в университете человек приобретает большее число социальных связей, которые оказываются более стабильными после окончания вуза¹. Между жителями городов и сел нет значимых различий в отношении того, как часто они испытывают чувство одиночества. Практически никогда не чувствуют себя одинокими 62,5% горожан и 61,8% сельчан и жителей ПГТ. Это можно связать с тем, что и те, и другие обладают доступом к сильным социальным связям, хотя нельзя исключать, что в городах социальная изоляция будет носить более выраженный характер, чем в селе и ПГТ.

¹ Востребованные навыки студентов российских вузов: информационный бюллетень / К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин, П. В. Травкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. (Сер. Мониторинг экономики образования; № 20 (37)).

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос: «Вы испытываете чувство одиночества?», по полу, возрасту, уровню образования и месту жительства, 2018 г., в % от всех респондентов в возрасте 18–60 лет

Социально-демографические характеристики	Варианты ответов				
	Практически всегда	Скорее всегда	Редко	Практически никогда	Затрудняюсь ответить
Пол					
Мужской	1,40	5,27	27,11	65,19	1,03
Женский	1,46	7,37	30,58	59,95	0,64
Возраст, лет					
18–24	0,64	5,38	27,85	65,01	1,12
25–34	1,31	5,14	27,10	65,80	0,65
35–44	1,61	5,18	26,57	65,96	0,68
45–54	1,26	8,81	31,35	57,50	1,08
55–60	2,22	8,34	34,50	54,20	0,74
Уровень образования					
Начальное и неполное среднее	2,14	6,76	29,31	60,50	1,29
Среднее специальное и неполное высшее	1,41	6,74	29,96	61,06	0,83
Высшее (включая ученую степень)	0,94	5,67	27,29	65,66	0,44
Тип населенного пункта					
Город	1,57	6,50	28,75	62,54	0,64
Село, ПГТ	1,13	6,24	29,57	61,88	1,18

Подводя итог, нужно отметить, что россияне отдают предпочтение сильным социальным связям. Они, прежде всего, доверяют близкому кругу общения: родственникам и близким друзьям и, нуждаясь в совете или помощи, чаще всего обращаются именно к ним. Между 2016 и 2018 гг. увеличилась доля тех, кто обратился бы к родственникам и близким друзьям за советом, помощью в случае болезни и за материальной помощью. В указанный период уверенно росла доля респондентов, имеющих одного–трех близких друзей. В то же время доли тех, кто не имел или имел более 20 друзей, снижались. Уровень обобщенного доверия к другим людям остался прежним, что может говорить об увеличении роли близких родственников и друзей в жизни россиян. Россияне различаются по уровню включенности в онлайн- и офлайн-сообщества. Женщины, молодежь, люди с высшим образованием и горожане в большей степени включены в процесс формирования социальных сетей онлайн и офлайн.

Список литературы

Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403–426. DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1749](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749). EDN: [OKHUXS](https://www.edn.ru/OKHUXS).

Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. Теория и практика реципрокности: препринт WP4/2004/02 / С. Ю. Барсукова; Государственный университет «Высшая школа экономики». М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

Востребованные навыки студентов российских вузов: информационный бюллетень / К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин, П. В. Травкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. (Сер. Мониторинг экономики образования; № 20 (37)). DOI: [10.17323/978-5-7598-2696-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2696-5). ISBN: 978-5-7598-2696-5. EDN: [RALTUR](https://edn.raltur.ru/).

Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16, № 4. С. 160–180. EDN: [IBILUV](https://edn.raltur.ru/).

Павлов А. В. Сексуальный капитал // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 4. С. 112–133. DOI: [10.17323/1726-3247-2023-4-112-133](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-112-133). EDN: [LFRCGR](https://edn.raltur.ru/).

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32. EDN: [OYUVFF](https://edn.raltur.ru/).

Численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения: показатель // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. 28.03.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.8.xlsx (дата обращения: 02.07.2024).

Юдин Г. Б. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. 2015 № 3. С. 28–45.

Burt R. S. Structural holes: The social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 324 p.

Burt R. The network structure of social capital // Organizational Behavior. 2000. No 22. P. 345–423.

Dasgupta P. Social capital and economic performance: Analytics // Critical Writings in Economic Institutions: Foundations of Social Capital / Ed. by E. Ostrom, T. K. Ahn. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. P. 309–339

Datcher L. The impact of informal networks on quit behavior // Review of Economics and Statistics. 1983. No 65. P. 491–495.

Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth? // European Economic Review. 2015. Vol. 77. P. 47–64.

Granovetter M. S. The strength of weak ties // American journal of sociology. 1973. Vol. 78, No 6. P. 1360–1380.

Granovetter M. Getting a job: a study of contacts and careers. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 259 p.

Halpern D. Social capital. Cambridge: Polity Press, 2005. 388 p. ISBN: 0745625479, 0745625487.

Helliwell J. Social capital, the economy and well-being // The Review of Economic Performance and Social Progress 2001: The Longest Decade: Canada in the 1990s / Ed. by A. Sharpe, K. Banting, F. St-Hilaire. Montreal: Centre for the Study of Living Standards, The Institute for Research on Public Policy, 2021. Vol. 1. P. 43–60.

Jensen D. H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 126. DOI: [10.3389/fpsyg.2015.00126](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00126).

Lin N. Building a network theory of social capital // *Connections*. 1999. Vol. 22, No 1. P. 28–51.

Lin N. A network theory of social capital // *The Handbook of Social Capital* / Ed. by D. Castiglione, J. W. van Deth, G. Wolleb. New York: Oxford University Press, 2008. P. 50–69.

Narayan D. *Voices of the poor: poverty and social capital in Tanzania*. Washington, DC: The World Bank, 1997. 80 p.

Putnam R. D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2000. 541 p.

doi: 10.19181/rlms-hse.2024.8

SOCIAL CAPITAL IN RUSSIA IN 2016 AND 2018

Khalikov K.

Abstract. The article employs the data from the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) for the years 2016 and 2018 to assess the amount and distribution of social capital in Russia. As the RLMS-HSE data indicates, the level of generalized trust remained stable between 2016 and 2018. Approximately 44.5% of Russians expressed a general distrust of others, while another 40% indicated that trust was dependent on specific circumstances. Family ties and ties with close friends became stronger between 2016 and 2018. There was an increase in number of respondents who believed that they could turn to relatives and close friends for advice and help, including material assistance. At the same time, the average number of friends declined. The proportion of respondents who reported having one to three close friends increased, while the proportions of respondents who reported having no friends at all and those who reported having more than 20 close friends decreased. The number of close friends is on average greater among women, young people under the age of 25, individuals with higher education, and urban residents. Women and young people are also more likely to be active users of social networks and have more friends online. Rural residents, despite being less active on social networks, also have a greater number of online friends than urban residents. In general, Russians prefer local social networks. In 2018, the combined audience of social networks VKontakte and Odnoklassniki reached 94.2% of all respondents. Despite the relatively narrow social network, Russians rarely feel lonely. Between 2016 and 2018, the proportion of respondents who reported that they almost never feel lonely increased from 56.8% to 62.3%. In 2018, men and respondents with higher education were more likely to report that they almost never feel lonely. This suggests that, in Russia, higher education may empower individuals to cultivate and effectively sustain a broader social network.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, social capital, social ties, generalized trust, social networks, loneliness

References

Andreyenkova A. V. Tsifrovizatsiya sotsial'nykh kontaktov sredi studencheskoy molodezhi v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2020. № 6. S. 403–426. DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1749](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749). EDN: [OKHUXS](https://www.edn.ru/OKHUXS).

Barsukova S. Yu. Nerynochnyye obmeny mezhdru rossiiskimi domokhozyaistvami. Teoriya i praktika retsiproknosti: preprint WP4/2004/02 / S. Yu. Barsukova; Gosudarstvennyy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: GU VSh-E, 2004. 52 s.

Vostrebovannyye navyki studentov rossiyskikh vuzov: informatsionnyy byulleten' / K. V. Rozhkova, S. Yu. Roshchin, P. V. Travkin; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSh-E, 2022. 32 s. (Ser. Monitoring ekonomiki obrazovaniya; № 20 (37)). DOI: [10.17323/978-5-7598-2696-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2696-5). ISBN: 978-5-7598-2696-5. EDN: [RALTUR](https://www.edn.ru/RALTUR).

Krasilova A. N. Sotsial'nyy kapital kak instrument analiza neravenstva v rossiyskom obshchestve // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. 2007. T. 16, № 4. S. 160–180. EDN: [IBILUV](#).

Pavlov A. V. Seksual'nyy kapital // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2023. T. 24, № 4. S. 112–133. DOI: [10.17323/1726-3247-2023-4-112-133](#). EDN: [LFRCGR](#).

Radayev V. V. Ponyatiye kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. T. 3, № 4. S. 20–32. EDN: [OYUVFF](#).

Chislennost' pol'zovateley seti Internet na 100 chelovek naseleniya: pokazatel' // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: [sayt]. 28.03.2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.8.xlsx (data obrashcheniya: 02.07.2024).

Yudin G. B. Moral'naya priroda dolga i formirovaniye otvetstvennogo zayemshchika // Voprosy ekonomiki. 2015 № 3. S. 28–45.

Burt R. S. Structural holes: The social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 324 p.

Burt R. S. Structural holes: The social structure of competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 324 p.

Burt R. The network structure of social capital // Organizational Behavior. 2000. No 22. P. 345–423.

Dasgupta P. Social capital and economic performance: Analytics // Critical Writings in Economic Institutions: Foundations of Social Capital / Ed. by E. Ostrom, T. K. Ahn. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. P. 309–339

Datcher L. The impact of informal networks on quit behavior // Review of Economics and Statistics. 1983. No 65. P. 491–495.

Forte A., Peiró-Palomino J., Tortosa-Ausina E. Does social capital matter for European regional growth? // European Economic Review. 2015. Vol. 77. P. 47–64.

Granovetter M. S. The strength of weak ties // American journal of sociology. 1973. Vol. 78, No 6. P. 1360–1380.

Granovetter M. Getting a job: a study of contacts and careers. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 259 p.

Halpern D. Social capital. Cambridge: Polity Press, 2005. 388 p. ISBN: 0745625479, 0745625487.

Helliwell J. Social capital, the economy and well-being // The Review of Economic Performance and Social Progress 2001: The Longest Decade: Canada in the 1990s / Ed. by A. Sharpe, K. Banting, F. St-Hilaire. Montreal: Centre for the Study of Living Standards, The Institute for Research on Public Policy, 2021. Vol. 1. P. 43–60.

Jensen D. H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 126. DOI: [10.3389/fpsyg.2015.00126](#).

Lin N. Building a network theory of social capital // Connections. 1999. Vol. 22, No 1. P. 28–51.

Lin N. A network theory of social capital // The Handbook of Social Capital / Ed. by D. Castiglione, J. W. van Deth, G. Wolleb. New York: Oxford University Press, 2008. P. 50–69.

Narayan D. Voices of the poor: poverty and social capital in Tanzania. Washington, DC: The World Bank, 1997. 80 p.

Putnam R. D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2000. 541 p.

Сведения об авторах

Бобкова Елизавета Александровна

Выпускница бакалаврской программы «Социология» НИУ ВШЭ

E-mail: eabobkova@edu.hse.ru

Борzych Анна Андреевна

Стажер-исследователь

Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ

E-mail: aborzykh@hse.ru

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник

Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Дорофеева Злата Евгеньевна

Кандидат социологических наук, научный сотрудник

Центра лонгитюдных обследований

Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: zdorofeeva@hse.ru

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: zdorofeeva@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: skenya@list.ru

Киселева Ирина Павловна

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ikiseleva@demoscope.com.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый зам. директора
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Конюшева Алина Денисовна

Выпускница бакалаврской программы «Социология» НИУ ВШЭ

E-mail: adkonyusheva@edu.hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук,

Руководитель Центра методологии социологических исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук,

Доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ,

Ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ea163100@mail.ru

Хазанович Артём Олегович

Магистрант программы

«Социальный анализ рынков на цифровых и опросных данных» НИУ ВШЭ

E-mail: aokhazanovich@edu.hse.ru

Халиков Кирилл

Магистрант программы

«Прикладные методы социального анализа рынков» НИУ ВШЭ

E-mail: kkhalikov@edu.hse.ru

Юргелас Анна Леонидовна

Стажер-исследователь

Научно-учебной лаборатории исследований
в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ

E-mail: ayurgelas@hse.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдигов

Уч.-изд. л. 13,9. Объем 3,39 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru